

22 СМЕНА

Комсомол и перестройка. Исследуем проблему
Ступенями школьной реформы

Бесправны ли наши женщины?

Десант. Продолжаем рассказ о 9 десантниках

Ираклий Абашидзе. Мой Пушкин

Почему чемпион мира уходит из сборной

По поводу одной игры-«эпидемии»

ПРОБУКСОВКА

Сергей ЛИТВИНОВ.
 Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
 Специальные
 корреспонденты «Смены»

-А зачем она вообще нужна, вторая смена? Нет, если быть совершенно точными, именно так нам никто не отвечал. В ответ на наши расспросы рабочие харьковского объединения «Электротяжмаш» сдержанно пожимали плечами: нет, мол, разницы между первой и второй сменами — работа одна и та же. Но явственно чувствовалось плохо скрытое недоумение: если разницы нет, зачем нужно было ломать привычный, устоявшийся распорядок дня? Вводить вторую, третью смены? Зачем делать вечером то, что можно сделать утром?

На «Электротяжмаше» внедрять многосменный режим стали не потому, что модно, и не потому, что поступило указание. Харьковчан, что называется, сама жизнь заставила. Пришел новый директор, выяснил: несколько участков тормозят все производство. Организовали там многосменную работу — сдерживать конвейер они перестали.

Потом провели аттестацию рабочих мест. Списали ненужного и одряхлевшего оборудования почти на семь миллионов рублей. Большую часть отправили на переплавку, кое-что отдали колхозам. Высвободилось без малого двести рабочих. Примерно столько же дополнительных пар рук появилось за счет того, что многие бригады трудиться стали меньшей численностью. Все «лишние» люди перешли обслуживать в две смены современную высокопроизводительную технику.

Избавившись от устаревших агрегатов, объединение получило свыше тринадцати тысяч квадратных метров свободной площади. Это почти два футбольных поля. Чего только не разместили на освободившихся «полях»! И экспериментальный цех, и инструментальный, и энергетический, и другие. Школьники получили класс для производственного обучения, рабочие одного из подразделений — новые бытовки. Комсомольцы — молодежное кафе.

Производительность труда на предприятии увеличилась за полто-

ра года на столько, на сколько за всю минувшую пятилетку. Ежегодная прибыль выросла более чем на шесть миллионов рублей.

Но погрешу против истины, если скажу, что объединение полностью использует возможности «двухсменки»...

За два часа до конца второй смены «пошабашили» на якорном участке. Сменный мастер Николай Александрович Скоромный пояснил, что задание уже выполнено. «Чего зря людей держать?» Похожую картину обнаружил во время очередного вечернего рейда заводской «Комсомольский прожектор»: «На участке мелких штампов штамповочного цеха трудился пять человек вместо двенадцати. Из девяти единиц современного импортного оборудования действовало только четыре... В цехе тепловозных генераторов найти дежурного мастера так и не удалось. За час до конца смены работали только обмотчики, на других участках уже никого не было... В механическом цехе № 17 в 22.50 были выключены станки, уже не горел свет...»

До конца работы оставалось пятнадцать минут, когда мы встали у проходной. Через нее за это время проследовало тридцать два человека. Увидев нашего фотокорреспондента с камерой, бросались враспыленную, закрывали лица лацканами плащей. А ровно в 23.25 — конец смены — хлынула поджидавшая по безопасную сторону проходной толпа — не меньше двухсот человек.

Почему они уходили раньше? Потому что нечего было делать. Либо сменное задание уже выполнили, либо не хватало заготовок, сырья, не было ремонтников. Стало быть, можно обойтись меньшим числом работающих во вторую смену или же срочно отлаживать производство.

А как решаются на «Электротяжмаше» возникшие в связи с многосменной социально-бытовые вопросы? Необходимый минимум сделан. Нет проблем добираться вечером домой. Конечно, повезло, что рядом с проходной — метро, остановки автобуса и трамвая, неподалеку — станция электрички. А вот расписание пригородных поездов изменили так, чтобы удобней было работающим во вторую смену. Каждый вечер предприятие выделяет пять своих автобусов, чтобы развозить ночных тружеников. Плюс пять автобусов фрахтуются у парка. Коль «повечерела» производственная жизнь, то досуг стал более дневным. Утром и вечером открыты теперь кружки в заводском Доме культуры. На двухсменную работу перешли спортивные секции. А областной совет по туризму вместе со «Спутником» взялись организовывать для молодых рабочих утренние экскурсии на выставки, сеансы в кинокафе «Мечта».

Заводской комсомол тоже вроде не остался в стороне от нового дела.

— Провели совещание с секретарями первичек, — рассказал секретарь комитета ВЛКСМ Валерий Коляда. — Объяснили, чем полезен новый распорядок. Сказали и о том, что молодых рабочих надо агитировать за него. Прошли, кроме того, собрания в цехах, специальное занятие в комсомольской политсети. А сейчас «Комсомольский прожектор» два-три раза в месяц проводит вечерние рейды...

Но вот что во всем этом меня смущает... Совещания да собрания не очень-то убеждают молодых рабочих в том, что «двухсменка» внедряется для их же блага.

— Как работаете во вторую? — переспросил токарь Олег Покровский. — Да как и в первую, никакой разницы.

С ним согласились станочник Александр Мишуров, сборщица Света Александрова, другие молодые рабочие. Но вот две девушки — живут они за городом — сказали, что опасаются поздними вечерами возвращаться домой. Третья собирается увольняться: «Муж не хочет, чтобы пропала по ночам «неизвестно где». Юноша любит музыку, но по утрам дискотеки не проводят, да и что это за дискотека — при дневном свете? Другой встречается с девушкой, они в разных сменах, — значит, для свиданий остается только суббота с восходом солнца. Кто-то бредит футболом, но теперь голы можно посмотреть лишь в «Футбольном обозрении»... Словом, «двухсменка» приносит и определенные житейские неудобства.

И вот этими-то моментами не очень интересуются комитет комсомола, считая, что совещаниями по «двухсменке» свою задачу выполнил. А можно придумать нечто новое? Можно. Это пытаются сделать на других предприятиях. Например, молодежные лидеры харьковского же завода «Электромашина» распространили среди рабочих анкету, ключевым вопросом которой был такой: «Что мешает вам успешно трудиться во вторую смену?» Ответы показали: главные препоны — вечерний транспорт и питание. Результаты опроса проанализировали и с выводами ознакомили администрацию и горком ВЛКСМ. Не сразу, но наладился «извоз» после смены и появились вечером горячие обеды.

А на «Электротяжмаше», хотя и знали об опыте соседей, но «доморощенную социологию» посчитали излишней. Зачем в самом деле переводить бумагу и силы, если и без того вопросы питания и транспорта решены? Но другие-то проблемы остаются, и чтобы их снять, надо по крайней мере знать, что сегодня волнует молодых.

Материальные стимулы пока не очень компенсируют неудобства второй смены. Шесть миллионов в год дополнительной прибыли «Электротяжмаша» — что из нее получили рабочие? 220 тысяч рублей прибавки к фонду материального поощрения. По два червонца в год на работающего. Не густо...

Для тех, кто трудится во вторую смену, полагается доплата двадцать процентов тарифной ставки. Сколько это в натуральном выражении? Для рабочего четвертого разряда — около пятнадцати рублей в месяц. Достаточная компенсация за то, чтобы неделями не видеть семью? Думается, что нет. Однако трудность еще и в том, что доплачивать предприятие должно из своих средств. А очень многие заводы таковых просто не имеют. На том же «Электротяжмаше» доплачивают всего десять процентов тарифа. А на многих других предприятиях не платят вовсе. Рабочие жалуются — письма косяком идут в Госкомтруд СССР, другие инстанции: «Нас убеждают работать в две смены, а доплачивать не хотят!»

А как обстоят дела с другими стимулами? На «Электротяжмаше» рабочие некоторых цехов питаются во вторую смену бесплатно. Но кормят в столовой невкусно и днем, и вечером. То рыба с макаронами, то кости под видом курицы... Быть может, это оттого, что руководители предприятия, включая и комсомольского вожака, обедают в отдельном кабинете?

Да, стимулы пока действуют слабо. На мой вопрос: «Если бы вам предложили свободный выбор — работать в две смены или же только днем?» — из двадцати опрошенных молодых рабочих только трое выбрали «двухсменку». Значит, работать по вечерам всего лишь — в самом идеальном случае — не хуже, чем днем. Но не лучше. Именно поэтому переходить на «двухсменку» никто не рвется. Именно поэтому, думается, она входит в жизнь «со скрипом»: по стране (данные Госкомтруда СССР) коэффициент сменности увеличился пока лишь на несколько сотых. Здесь есть над чем подумать. Все поощрения, которые могло предоставить за «двухсменку» государство, уже действуют. Теперь на самих предприятиях, в том числе в комитетах комсомола, надо думать, как заинтересовать рабочих в вечернем труде.

Однако надо признать: подлинная заинтересованность рабочих в многосменке — дело времени, когда окрепнет самостоятельность предприятий, хозрасчет; когда от того, крутятся ли круглосуточно высокопроизводительное оборудование или пребывает в «спячке», будет ощутимо зависеть заработок рабочего, его продвижение в квартирной очереди. А смысл и необходимость того, что новый распорядок внедряется сегодня, в том, чтобы создать к этому времени, во-первых, необходимые социально-бытовые условия, а во-вторых, подготовить людей психологически. Кроме того, дополнительная продукция, полученная за счет многосменки, — это не абстракция, это товары, которые завтра окажутся в магазинах. И выгоды от многосменки — не сию минуту, правда, — каждый все равно получит.

...Мы как-то отвыкли от простых истин. От того, например, что современное оборудование должно работать, а не стоять большую часть суток. Теперь мы просто возвращаемся к нормальному ходу вещей. Правда, не очень здорово, что неудобства многосменки достаются, как правило, только на долю рабочих. Вероятно, стоило бы секретарю комитета комсомола «Электротяжмаша» или его заместителю хотя бы раз в неделю работать вечером. Думаю, это было бы более действенной агитаци-

ей за «двухсменку», чем десяток совещаний и собраний. Да и дисциплина бы наладилась.

...Возвратившись в Москву, мы решили проконсультироваться по поводу многосменки в Госкомтруде СССР. И выяснились не очень радостные факты: многосменку зачастую «насаждают» волевым порядком. Вот примеры.

...Часовой завод. Организовали там вторую смену. Пошел «наверх» красивый рапорт. А потом выяснилось, что сборка требует непременно дневного света: при одном искусственном освещении резко ухудшается качество, идет массовый брак, у людей портится зрение... Дать обратный ход? А как же победные цифры?

...Швейная фабрика. Здесь ликвидировали половину рабочих мест, на оставшихся стали трудиться в две смены. А эффект ничтожен, потому что производственные фонды — швейные машинки — дешевы. Всю выгоду «съели» доплаты за вторую смену. Да еще работники, недовольные новым распорядком, стали увольняться.

...Чаеразвесочная фабрика. Сырья ей хватает как раз на две полноценные смены. «Организуем третью!» — командует инструктор райкома. «Зачем?» — сопротивляется директор. «Организуем!» — Голос крепнет. Организовали...

Сам был свидетелем, как переходили на «двухсменку» на одном из машиностроительных объединений Воронежца. Здесь поделили рабочих поровну: «Ты пойдешь в утреннюю смену, ты — в вечернюю». И неважно, что станок, на котором человек трудится во вторую, днем простаивает. Зато можно отчитаться...

Исследование, которое проводил в начале года НИИТруда, показало, что социально-бытовое обеспечение второй смены налажено только на шести заводах из ста двадцати изученных...

Примеры, увы, можно множить. И не задумываются некоторые администраторы, что, насаждая «двухсменку» всюду, без разбора, они постановление партии и правительства, которым любят козырять и страдать «непокорных», не только не выполняют — оплошляют и компрометируют. В постановлении-то сказано, что на многосменный режим нельзя переходить без проведения глубокого экономического анализа и производственной необходимости. Что перевод надо осуществлять только после решения всех производственных и социальных вопросов, связанных с этим делом. Словом, если по-настоящему печешься о государственной выгоде, прежде чем браться за выполнение партийных документов, не худо бы их прочесть внимательно...

ОТ РЕДАКЦИИ.

Приглашаем наших читателей продолжить разговор о проблемах перехода на многосменный режим работы. Как эти вопросы решаются на вашем предприятии, какую позицию занимают молодые рабочие, комитет ВЛКСМ? Словом, разговор о многосменке мы хотим продолжить при вашем активном участии.

Валерий ФОКИН

ЧИТО ЗА ПОРОГОМ?

Фото Владимира ВАСИЛЬЕВА

Вредком школьном кабинете нет стенда с разнообразными газетными и журнальными вырезками различной свежести, занимательности и полезности. Был подобный и в классе, о котором пойдет речь. Правда, стенд назывался вполне конкретно — «О чем пишет журнал «Смена», и появлялись на нем материалы, над которыми стоило подумать. Подумать сообща. Такой уж это был класс — привык думать и, только выслушав все мнения, решать. На одном из комсомольских собраний, взвесив все и обсудив, решили ребята подписаться на «Смену». Всем классом. Так у журнала появились тридцать новых постоянных читателей.

В обстоятельном письме в редакцию, которое было напечатано, ребята написали не только о том, что они ждут от журнала, но и рассказали о своей жизни, о своей дружбе. После этой публикации письма полетели из разных городов уже в адрес класса. Девчонка из Дивногорска сомневалась: «Расписать можно что угодно, поэтому и обращаюсь не в журнал, а к вам. Хочу узнать правду: неужели вы в самом деле так дружны?!» А дружный класс не только посмеивался над недоуменными «неужели в самом деле», но и садился писать коллективные ответы на многочисленные «как» и «почему». Вопросы

были разные (например, «расскажите о роли мальчиков в вашем коллективе»), но один заставил задуматься всерьез, ответить на него оказалось трудно: «Ну, вот кончите школу, разойдетесь в стороны. И что дальше?»

Кем быть? Вопрос этот встал перед каждым из 10 «Б». И лишь грустную улыбку вызывали воспоминания о детской мечте: буду капитаном дальнего плавания, космонавтом. Подошло время решать всерьез, по-взрослому и, может быть, на всю жизнь.

«Главное — стать человеком»

...«Я хочу по окончании школы поступить в торговое училище. Сергей Чернядьев».

«После школы я хочу пойти работать. Моей профессией будет «вязальщица верхнего трикотажа». Также я хочу заочно поступить в институт легкой промышленности. Ольга Микулина».

«По окончании школы хотелось бы попасть в автодорожный институт. Схожу в армию. Окончу учебу и буду работать по специальности. Вот и все. Вячеслав Чернядьев».

Это строки из сочинений наших вчерашних десятиклассников. В одних — о мечте ни слова, в других...

«Я хочу стать военным техни-

ком-вертолетчиком. Реализовать свою мечту я намерен сразу, поступив в Кировское военное авиационно-техническое училище. Александр Ронжин».

«Я решила стать учителем: во-первых, эта профессия уважаема и почитаема во все времена, во-вторых, у нас в школе есть с кого брать пример. Хочу стать учителем начальных классов. По-моему, прекрасно быть первой учительницей, провести самый первый урок у первоклашек, написать для них первую букву, первое слово... Марина Петровых».

«После окончания десятого класса буду поступать в медицинский институт. Связать свою судьбу с медициной решил уже давно и окончательно убедился в правильности своего выбора, когда занимался в физиологическом кружке, организованном при Кировской областной онкологической больнице. Встречаясь с врачами, понял, как нужны люди этой профессии, как надеются на них пациенты. Александр Христолюбов».

В который раз разбираю стопку тетрадных листков в клеточку и линейку. Сочинения не сочинения, анкеты не анкеты. Скорее исповеди. Короткие, порой не слишком связанные, стеснительно строгие или распахнуто откровенные, но все честные. С разными

планами и надеждами, но с одним — не просто кем-то подсказанным, а глубоко выношенным и, значит, своим — выводом:

«В жизни все может быть. Но самое главное — быть человеком. Алексей Ердяков»;

«Хочу работать в КБ какого-либо предприятия, чтобы конструировать нужные людям машины. Но самое главное — это стать человеком. Игорь Новокшенов»;

«Конкретного плана у меня нет. Окончу школу, отслужу в армии — пройду эту школу жизни. Ну, а главное — хочу стать человеком. Сергей Лагунов».

Обычная стопка тетрадных листков. Кто из нас не писал сочинений на тему «Кем быть?». Но на этих — надпись красным учительским карандашом: кем стал. Сережа Чернышев, мечтавший о торговом училище, работает на заводе, а собиравшийся на завод Миша Шестаков учится в кулинарном училище. Стремившийся в вертолетчики Саша Ронжин попал на завод, а в авиационно-техническое училище на вертолетчика поступил Андрей Пантюхин, хотевший быть связистом. Лена Ветлужских, готовившаяся поступать на исторический факультет пединститута, оказалась заочницей юридического института, а на истфаке учится Игорь Халтурин, поступавший в театральный. Мариана Петровых (помните: «прекрасно быть первой учительницей») учится на химика, а на педагога — Катя Мышкина, уверявшая: «Хочу после школы поступить в медицинский институт».

Понимаю всю условность подсчета «процента осуществления мечты», выбираю те листы, на которых учительский карандаш зафиксировал: эти ребята своего добились. Вот дорогие слова Миши Онучина: «После десяти классов собираюсь поступать в КАИ», а ниже — красным — так же скупое свидетельство: «Поступил в Казанский авиационный институт». Саша Христолюбов (помните: «Связать свою судьбу с медициной я решил уже давно...») поступил в Горьковский медицинский институт; Алеша Рядчиков, мечтавший стать «хорошим специалистом в области электронно-вычислительной техники», учится на факультете автоматизации и вычислительной техники Кировского политехнического института; Дима Сорокин, написавший в анкете: «Хочу связать жизнь с ремонтом машин или радиотехнической аппаратуры», овладевает специальностью радиотехника в профтехучилище.

Пятнадцать из тридцати бывших учеников 10 «Б» поступили в высшие учебные заведения. Ровно половина класса! Много это или мало? Да смотря с чем сравнивать...

Недавно довелось мне быть на одном классном родительском собрании, и не по журналистским делам, а в роли провинившегося родителя. Собрание было общим: заранее испуганные папаша и мамаша сидели за столами рядом со своими куда более спокойными отпрысками. Школа несколько запоздало ударила во все колокола, но набат получился на грани педагогической истерики. Педагоги-предметники зачитывали длинные списки неуспевающих с примерно одинаковым комментарием к каждой фамилии: «на уроке не работает», «безразличен к объяснениям учителя». Преподаватель математики (кстати, третий за последние два года) предъявила настоящий ультиматум: «Если на моих уроках не будет порядка, я в этом классе вести занятия не буду!» И родители едва ли не в ногах у нее валялись, умоляя не бросать их непослушных чад, обещая организовать родительскую дружину для дежурства на уроках. Полкласса двоечников! А это много или мало? И «всеобщее среднее образование» у нас, конечно, всеобщее, да вот только, видать, разное в разных школах. Тут уж кому как повезет...

Бывшему 10 «Б», о котором речь, повезло. Средняя школа № 16 в городе Кирове выделяется не только и не столько своими «показателями»,

сколько творческой атмосферой, духовно-нравственным микроклиматом. Вот и вчерашние ее питомцы, не сговариваясь, сошлись в одном: «Учиться нам было интересно».

Некогда часто употреблявшееся в адрес педагога определение «живет одной жизнью со своими учениками» встречается все реже и реже. Видимо, и педагогов таких поубавилось. А вот Людмила Алексеевна Рябова, бывший классный руководитель 10 «Б», — из таких. Пример классного наставника — главная причина того, что шесть человек (каждый пятый!) из бывшего 10 «Б» решили стать педагогами и воспитателями, поступив в педагогический институт, педучилище, педклассы горно...

«...Решение поступать на филологический факультет созрело уже года три назад... Влада Девонина».

«После того, как летом поработала в детском садике, я убедилась: это то, что мне надо. Надя Коробейникова».

«Мечтаю жизнь свою связать с детьми. Мне кажется, что работать с детьми дошкольного возраста интереснее. Потому хочу стать педагогом-воспитателем. Надеюсь, что моя мечта исполнится. Анна Манакова».

Ну, а если нет? Если пока не сбылось задуманное? Воспринимать это как жизненное крушение? Вот мнение на этот счет классного руководителя:

— Ничего страшного нет в том, что человек познает жизнь методом проб и ошибок. Мы ведь не можем научить ребят всему, чтоб они все знали и умели, ни в чем не сомневались, ни в чьей помощи не нуждались. И даже хорошо, что это невозможно. Людмила Алексеевна умеет быть категоричной. Мы обязаны научить их думать и чувствовать, относиться к болям и радостям других людей, как к своим собственным. Лишь в этом гарантия того, что, сколько бы ошибок в своей жизни они ни наделали, среди них не будет роковых.

...Свои сочинения-анкеты писали будущие выпускники 10 «Б» в самый канун последнего школьного звонка — в мае 1986 года. И в тот же день готовили последнюю свою классную стенгазету. Есть в ней и слова о близком будущем: «И уведят за школьный порог тридцать новых чудесных дорог».

Только такими — чудесными — казались им тогда взрослые дороги.

Табурет по программе

— Слишком многое из того, что нам говорили в школе про нашу будущую жизнь, оказалось мало похожим на то, с чем мы столкнулись в самой этой жизни. — Алексей Рядчиков настроен решительно. Хотя вроде поводов для особых разочарований нет. Учитесь в институте по той специальности, о которой мечтал. А что «живой ЭВМ» еще в глаза не видел, так это дело поправимое — все впереди. Но Леша тревожится даже не об этом. Его потрясла «картофельная эпопея», так разительно непохожая на бодрые газетные репортажи под рубрикой «город — село». С утра до темноты работали первокурсники на полях весьма отдаленного совхоза, втроем за две недели загрузили в тракторные тележки 27 тонн картофеля и заработали... по 30 рублей. И уж совсем сразил Алешу железный принцип местного начальства: «Тебя, студент, работать прислали, вот и работай, а рассуждать в институте будешь!»

— А ты и скис! Ты что — ждал жизнь без трудностей? — Это уже Влада Девонина «рвется в бой».

Ребята собрались в своем бывшем классе — в кабинете физики. Новостей много, ведь больше года прошло после того последнего майского сочинения. Впрочем, встречаются ребята часто: штаб-квартира, как всегда, у Игоря Новокшенова, сбор по цепочке. Правда, сам Игорь — студент-электротехник на эту встречу не пришел, сказав кому-то из друзей: «Я сессию неважно сдал,

а там будут об успехах спрашивать». Собрались далеко не все: кто в других городах учится, кто на вечернем, кто работает во вторую смену. Но разговор не только об успехах.

— Ладно, Влада, ты всегда идеалисткой была. А в жизни-то все по-другому. — Это уже Саша Ронжин, рабочий завода «Маяк». — Нам в школе так наш приход на производство рисовали: вот мудрый наставник, вот внимательный комсорг, вот заботливые товарищи — «трудовые будни — праздники для нас». А я полгода работаю — никто не поинтересовался, как у меня дела, как настроение. Неделю сверлю, неделю растачиваю, две недели торую. Что дадут. И не рыпнешься — у мужиков пятый разряд. А то, что мне в школе третий разряд токаря присвоили, так это фикция, никто его у нас на заводе и не признает. Однажды пришла в цех девушка из комитета комсомола, попросила анкету заполнить. Помню, на вопрос: «Чем отличается производство от школы?» ответил начистоту: «Здесь всем друг на друга наплевать, не то что в классе». Что там дальше с этими анкетами было, понятия не имею...

— Так ты бы спросил сам, — подсказывает Саше девочка.

— У кого, если я ни секретаря комитета комсомола, ни директора завода в глаза ни разу не видел? Собрание раз бригадно было — расточника одного за пьянку обсуждали, третий или четвертый раз уже «залетел». Хотели на принудительное лечение направить, да мужики заступились: нужный для бригады специалист. Премию наполовину срезали, да и то затем «возместили издержки» премией за экспорт...

— А у нас дисциплина, — вздыхает Сергей Лагунов. Он в политехнический поступал, да по конкурсу не прошел, работает на заводе имени Лепсе. — Только радости от этого никакой — работа однообразная, нетворческая. На курсы идти смысла нет: скоро в армию...

Спорят ребята, горячатся. Вопросы друг другу задают из тех, что в школе не проходили. Не самый сложный из них такой: почему в бригаде Лагунова железная дисциплина, порядок, а заработка его гораздо меньше, чем у Ронжинки? У девчонок тоже есть чем поделиться. Лена Ветлужских, бессменный комсорг класса, работает секретарем судебных заседаний в районном народном суде, учится заочно в юридическом, мечтает стать адвокатом.

— Порой так жалко ребят, что попадают к нам из-за нелепой бравады, из-за глупости. Но закон есть закон. Если бы они знали эти законы, может, и поостереглись бы... Вот мы в школе «Основы государства и права» изучали, но когда я на настоящих судебных заседаниях сижу, вижу, как мало практической пользы было от наших занятий. В жизни-то все и проще, и сложнее.

Слушал ребят и почему-то табурет вспомнил, который я много лет назад на уроке труда делал. Нелегко он мне дался, но получился не хуже, чем у других. Принес учителю. Глянул тот поверх очков: «Три. Ну, что встал, неси!» «Куда?» — опешил я. «Ну, не в магазин же. Вон в тот угол брось. Мы из них будем колышки для подвязки помидоров делать. По программе в четвертой четверти...» В углу мастерской возвышалась гора свежеструганных табуретов как олицетворение бессмысленности нашего школярского трудового энтузиазма.

Рассказал о своем невеселом опыте ребятам. Оказалось, что у них есть подобный. Жив, оказывается, курилка! Только название другое, в духе времени — «факультатив по столярному делу». А вот электротехник заменить, уют отремонттировать, стекло в форточку вставить, паять-лудить, машину водить их так же, как и меня, в школе, увы, не научили. Но время идет, школьная реформа набирает темпы: на место столярных цехов грядут кабинеты с дисплеями. От табурета — к компьютеру!

Только вот не получилось бы, как в одной сельской школе области. Пришло указание о введении нового предмета «Основы информатики и вычислительной техники», а компьютеры не поступили. Даже в пединституте с ЭВМ напряженно, что уж о сельских школах говорить. Но нашелся энтузиаст: энергичный учитель физики с помощью своих ребят сделал и установил в классе макет простейшего компьютера — все не на пальцах объяснять. Фотографию педагога-новатора поместила областная молодежная газета. В редакции раздался телефонный звонок — молодой голос с ехидцей поинтересовался: «Интересно, а в Японии вашу газету читают? Вот уж там посмеются тому, что вятские своих школьников на фанерных компьютерах обучают!» Мда... Дело, конечно, не в Японии. И осуждать сельского учителя за искренний его энтузиазм, право же, грешно: другие и этого не сделали. Но все же, честно сказать, грустно. И подумать есть о чем.

Может быть, многие наши школьные дисциплины так же далеки от реальной жизни, как фанерный компьютер от настоящего? А факультативы не напоминают ли чем-то пресловутые табуреты? Отчитались, и подальше, в уголок? Или взять такую «типовую форму профориентационной работы с учащимися», как экскурсии на промышленные предприятия. Питомцы бывшего 10 «Б» побывали в свое время и на шинном, и на станкостроительном, и на биохимическом заводах. Никто из ребят после экскурсий работать на эти предприятия не пошел. «Не впечатлило» — так объясняют они сами.

Впрочем, в школе № 16 связь с производством осуществляется уже четверть века. Именно столько лет над школой шефствует завод «Физприбор». нынешний директор завода А. И. Эсаулов нашел общий язык со своим «коллегой» — директором школы РСФСР В. Н. Патрушевым. Выделены дополнительные кадры в школьный токарный цех (он, кстати, считается заводским учебным цехом № 13), установлены новые станки. Девятиклассников торжественно посвящают в рабочие, выдают халаты, береты с эмблемами, заводские удостоверения-пропуска. И нормировщики есть, и нормы выработки определены, и даже зарплату ребята получают (раз в полугодие — от 20 до 70 рублей, кто как поработал).

Все вроде бы хорошо. Только вот девчонки в один голос утверждают, что женщина-токарь в наши дни анахронизм. И попробуй убеди их в том, что у нас любой труд почетен, если они хотя бы «вязальщицами верхнего трикотажа» или воспитателями. Кстати, не так давно была в школе группа, где девчонок учили профессии «пионервожатой». Сейчас этой группы нет. С нового учебного года школа совместно с заводом начала обучение по вполне современной специальности — «программист-оператор ЭВМ». И даже класс уже оборудован отнюдь не фанерными, а самыми настоящими компьютерами. И все-таки как же быть с интересами девочек?

— Проблема скорее с мальчиками, — возразил Владимир Николаевич Патрушев. — Да-да, парни хотят учиться шить и готовить, может быть, на будущих жен не надеются. Ну, а если серьезно, то мы склоняемся сейчас к смешанному варианту: и девчонок, и мальчишек учить и домоводству, и токарному делу, и прочим премудростям. Этот вариант очень хорош в социальном плане — для укрепления будущих семей...

С выпускниками бывшего 10 «Б» расходились после встречи в школе уже близко к полуночи. Вернее, попрощались и пошел я один. Ребята задержались договорить, доспорить.

Сегодня жизнь выставляет бывшим одноклассникам уже не школьные, а настоящие оценки. По самому высокому счету. Ведь от них и их сверстников сейчас в немалой мере зависит, чтобы кривые табуреты и фанерные компьютеры ушли в прошлое.

БЕСПРАВНЫ ЛИ НАШИ ЖЕНЩИНЫ?

Виктор ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ, кандидат экономических наук

Письмо моряка из Мурманска А. Александрова («Смена» № 5, 1987 г.) вызвало прямо-таки «девятый вал» откликов. Кратко напомню суть дела. Александров женился на матери-одиночке, удочерил ее дочь, родили совместную дочь, потом жена изменила ему, и они развелись, а Александров вынужден платить алименты на обеих дочерей, что он считает явной и крайней несправедливостью.

Полученная журналом читательская почта во всех отношениях тяжела. Не только прямым своим весом, но и той житейской реальностью, которую она изображает, а также и житейскими позициями, системой ценностей, настроениями значительной доли наших корреспондентов.

Письма незнакомых между собой людей чрезвычайно активно и жестко спорят между собой. Положение таково, что, какую бы позицию ни занял обозреватель, он неизбежно вызовет острое недовольство значительной части авторов. Все это — свидетельство остроты проблем, которые затронул А. Александров.

К сожалению, многие авторы писем в редакцию не утруждают себя ни обоснованием своей позиции, ни элементарной вежливостью, считая свои взгляды, видимо, истиной в последней инстанции. Вот одно из таких писем.

«Дорогая редакция! Статью А. Александрова мы обсуждали всей бригадой и пришли к единодушному мнению. В первых, это не женщина, которая меняет мужчин как перчатки, она хуже самой последней скотины, а потому, пока не поздно, нужно забрать у нее детей и лишить ее материнства. Во вторых: детей отдать отцу. Если уж почему-либо нельзя ему их отдать, то лучше пусть воспитает государство, тут есть надежда, что вырастут людьми. По поручению бригады (10 чел.) Бахарев Г. И., г. Краснокамск Читинской области».

Несколько цитат того же рода.

«Любовь, порядочность и честность оказались наказуемы, а проституция торжествует, чувствуя поддержку закона. Шиловы Николай Митрофанович и Нина Семеновна, г. Торез Донецкой области».

«Я согласна с суждениями автора о матерях-одиночках. Почему им государство предоставляет столько льгот, и в том числе жилья? Не пора ли снять покров с так называемых матерей-одиночек (одиночек) и дать им более точное название? Овчинникова Наталья, 25 лет, замужем третий год, живу счастливо, г. Мытищи Московской области».

«Мне очень хотелось бы поддержать А. Александрова в беде, я считаю, что он прав во всех своих поступках. Дорогина С.В., г. Ревда Свердловской области».

«Наше законодательство узаконивает аморальность, а точнее — разврат женщины... Алименты нужно безусловно снять. ...Семья распалась по вине не порядочности женщины. Хаметова, Понтах А. П., г. Северодонец Ворошиловградской области».

Писем такого рода очень много. К сожалению, многие читатели не могут критически подойти к утверждениям А. Александрова и верят каждому его

слову. Однако в редакционной почте есть и разумные замечания о том, что нельзя выносить приговор по утверждениям одной стороны. Нужно выслушать и другую, в глазах которой те же события будут скорее всего выглядеть совсем иначе. Неплохо было бы, добавим, иметь и надежных свидетелей.

А некоторые читатели дают глубокий, я бы сказал, профессиональный анализ письма А. Александрова, в свете которого он выглядит совсем не так, как желает показать себя в письме. Приведу небольшую часть обстоятельного письма молодого юриста.

«Письмо А. Александрова не выходит из головы. Невольно анализирую каждый абзац, пытаюсь представить, что это за человек. Хорошего получается мало. Он что — большую часть своей жизни занимался социологией? На основании каких данных у него сложилось мнение, что все матери-одиночки «гордо ходят среди родных и знакомых»? Что народ о них говорит: «мать одиночка» (и прочая пошлость)? Не следует мнение своих знакомых и личное приписывать всему народу. Уверена, что не все понимают существующую проблему так односторонне... Всех под одну гребенку! Почему нельзя понять тех двадцатилетних, которые верили в любовь, благородство, счастливую семью, но оказались оставленными (мягко говоря) такими вот «не святыми» в этом вопросе мужчинами? Неприемлемо и мнение автора о том, что интимной близости желают только ради льгот — жилья и т. д. Убедена, что женщины в этом отношении более разборчивы, чем мужчины. За убеждением, что женщина должна быть разумной в интимной близости (это, кстати, никто не отрицает), стала укрываться мужская распущенность. Пусть автор письма заинтересуется, какой процент отцов скрывается от уплаты алиментов. Проходя преддипломную практику в одном из судов Одессы, я только и занималась тем, что регистрировала бесконечные исковые заявления, в которых матери сообщают, что в течение длительного времени не получают алиментов, что ответчик специально не работает или вообще находится неизвестно где.

А теперь о главном, ради чего

я и пишу. О «следствиях» (по выражению автора, склонного к красноречию). Было бы намного лучше, если бы Вы, гр. Александров, думали бы прежде всего о «следствиях», а не о себе, не о законности назначения алиментов. Надо было думать еще тогда, когда Вы выбирали себе жену по критериям, отнюдь не достаточным для создания благополучной семьи: «Приятная мама... ребенок хорошо одет, обут, сыт!» Не верится, что у супругов все было хорошо, и вдруг — такой вопиющий факт. Если бы бывшая супруга автора письма сама написала в редакцию — о том, как было, — многое стало бы на свои места... Возмутительно, что автор не просит помощи в том, чтобы как-то облегчить положение детей. У него, видите ли, появилось сомнение в законности назначения алиментов. Что детям-то от ваших сомнений? Если по-человечески подойти к вопросу, то я бы, будучи судьей, решила его так: отдать гр. Александрову его родную дочь. Тогда он не должен будет платить алименты на удочеренного ребенка. Но, увы, отец не требует от суда такого решения. Почему? Его волнует ущемленная мораль? Да нет — материальный ущерб. Почему бы Вам, гр. Александров, не прекратить волокиту с алиментами, а взять да и воспитывать дочку? Конечно, придется поступиться некоторыми своими интересами — поменять профессию, заняться домашними делами.

Убедена, что в защиту детей, которых воспитывают одни мамы, придет не одно мое письмо. Означенко Лариса Ивановна, 28 лет, я и муж — юристы, один ребенок, г. Кривой Рог».

Да, Лариса Ивановна, с вами и в этом, и во многих других вопросах солидарны очень многие читатели «Смены». Кстати, не только люди вашего поколения, но и старше. Позволю себе привести еще пару писем.

«Уважаемая редакция! Мне 60 лет, имею троих взрослых детей, одинокой матерью не была. Прочитала письмо А. Александрова, и все во мне возмутилось, взбунтовалось, и хочется встать на защиту этой «одинокой матери». Само по себе название «одинокая мать» уже беда, а что говорить дальше? Автор письма просто обозлен тем,

что ему присудили платить алименты на двух детей. Ах, какой он «порядочный»! Да уже то, что он написал такое письмо, не порядочно. Скажу больше: он просто зануда, который сам, быть может, не раз проводил ночи с молодыми женщинами, которых теперь называет «одиночками». Я это, кстати, слышу первый раз, уж простите меня, старую, за неосведомленность. ...Каким недалеким надо быть, чтобы упоминать о «старой России» и ее законах о «прелюбодеянии». Неужели не понимает, как он смешон и безграмотен в этом смысле? Всем давно известно: удочерил — значит, ты отец. О чем тут может быть речь? ...Надо платить, а не хочется. Вот тут-то собака и зарыта... Если бы так поступил мой сын, я бы ему сказала: «Ты, сын, поступаешь как подлец!»

А гр. Александров оскорбляет всех женщин вообще и свою мать в том числе. Я его нисколько не жалею, и может быть, эта женщина права, что ушла от него. Видно, он того стоит. Мой муж согласен с моей позицией. Елизавета Владимировна Горшкова, г. Джамбул».

Тут, как видим, в семье — полное моральное единство. А вот О. В. Иванова из г. Тольятти пишет, что она «даже с мужем разругалась на этой почве. Он за Александрова, а я — против, хотя и не была матерью-одиночкой, все дети от одного отца, а просто обидно за женщин. ...Если у него не сложилась жизнь — да еще и неизвестно, сколько правды в его письме, — то почему же, по какому праву он обливает грязью всех одиноких матерей?»

Как видим, позиции корреспондентов журнала чрезвычайно различны, даже прямо противоположны, и дело доходит до семейных ссор. Как бы там ни было, А. Александров задел острые проблемы, касающиеся практически всех, а молодежи — более всего.

Коллаж Владимира Константинова

В обильной редакционной почте явно вырисовывается два круга проблем. К первому относятся вопросы сексуальной морали и любовно-брачно-семейных отношений. Ко второму — вопросы брачно-семейного законодательства вообще, и алиментного в частности.

Рассмотрим эти проблемы поочередно.

Семья и мораль

Демографы, к которым относится и автор этого обзора, давно и хорошо знают, что советская семья переживает трудные времена. Она стала конфликтной, неустойчивой и малодетной. Приведу некоторые факты.

В прошлом году в стране было зарегистрировано 943 тысячи разводов, или 347 разводов на каждую тысячу браков, заключенных в том же году. Для сравнения — в 1960 году в стране было 270 тысяч разводов, или 104 на тысячу браков. Фактически распадается значительно больше семей, чем показывает официальная статистика, поскольку приведенные цифры — это число справок о разводе, полученных в загсах, а справки эти получаются с очень большим опозданием, а также не всеми, кого развели суды.

Но ведь 347 разводов на каждую тысячу браков — это средняя по стране цифра. А каковы крайние?

Выше всего показатели разводимости в крупнейших городах, в городах-курортах и портовых. Во многих из них число разводов превышает половину от числа браков в том же году. В 1984 году из числа тех городов, по которым регулярно публикуются соответствующие сведения, абсолютным чемпионом была Одесса, где на 1000 браков пришлось аж 592 развода. Одесса — и миллионный город, и курорт, и порт одновременно. Но и во всех остальных

четыре города-миллионерах Украины — Киев, Харьков, Донецк и Днепрпетровск — число разводов превышало половину от числа браков в том же году. В Москве было зарегистрировано 515 разводов на 1000 браков.

Как видим, «впереди» идут крупнейшие, во всех отношениях наиболее развитые города, на которые во многом равняется, к которым постепенно «подтягивается» вся страна. И это, несомненно, свидетельствует о том, что борьба за укрепление семьи, за снижение числа разводов будет долгой и трудной.

Меньше всего разводов — в селах Средней Азии, где еще сохраняется крепкая традиционная патриархальная семья.

Кое-кто скажет: а, может, в непрочности семьи и громадном числе разводов ничего «страшного» и нет? Ну, сошлись — разошлись — перетасовались, одни семьи распались — другие возникли... И что? Может быть, большинство от этого не теряет, а выигрывает?

Увы, последствия высокой разводимости, насколько мы их знаем, плачевны. Кстати, и пример бывшей семьи А. Александрова это подтверждает. Видимо, главное негативное следствие разводов — безотцовщина и воспитание детей в неполных семьях, практически без участия отцов, с крайне недостаточным мужским влиянием. А это приводит к большим воспитательным дефектам. В частности, для детей из неполных семей в значительно большей мере, чем из полных, характерно так называемое отклоняющееся поведение (пьянство, наркомания, проституция, хулиганство, воровство...). Далее — разводы понижают рождаемость. Хорошо известно, что чем больше в данном месте разводов, тем ниже (при прочих равных условиях) рождаемость. Этот вопрос стоит у нас также чрезвычайно остро. В Российской Федерации и почти во всех союзных республиках европейской части страны воспроизводство населения давно уже сужено, то есть рождающихся детей недостаточно для количественного замещения родительского поколения. А это ведет к быстрому старению населения и последующему его уменьшению. Наконец, разводы дезорганизуют жизнь бывших супругов, ведут к массовому одиночеству, от которого больше всего страдают женщины. По недавно опубликованным данным, за десять лет после развода в повторные браки вступает лишь одна четверть разведенных женщин.

Я недаром чуть выше сделал оговорку, сказав «насколько мы знаем». К сожалению, очень многого из того, что крайне нужно знать, мы не знаем и, возможно, о многом и не подозреваем. Уже полвека у нас нет научно-исследовательского института демографии, а НИИ семьи, кажется, никогда и не было. Считалось, что в этой области нашей жизни и без всякой науки все ясно. А регулировать сложные социально-демографические процессы можно-де административным путем. Низка рождаемость — запретить аборт! Высока разводимость — затруднить развод! Нежелательна миграция — запретить прописку! И во всем этом мы немало «наломали дров», вызвав громадное количество напрасных драм и даже трагедий. Совершенно очевидно, что быстро поправить положение в этой области чрезвычайно трудно.

Сорокалетние усилия восстановить хотя бы один из двух существовавших в тридцатые годы НИИ демографии постоянно наталкивались и наталкиваются на непреодолимые препятствия. Теперь рассматривается проект создания то ли НИИ СПИД, то ли НИИ СПИН (то есть социальных проблем и демографии или социальных проблем и населения), осуществление которого принесло бы демографической науке скорее вред, чем пользу, поскольку в таком «кентавре» демография неизбежно

окажется на положении «золушки».

Уверен, что расширение и углубление знаний о любовно-брачно-семейных отношениях покажет, что нынешний кризис молодой семьи имеет еще более тяжелые последствия, чем мы сейчас думаем и знаем, что оптимизация социально-демографических процессов имеет несравненно большее значение для развития нашего общества, чем обычно думают.

Громадная почта «Смены», вызванная письмом А. Александрова, показывает, что большинство наших корреспондентов видит причины нынешнего семейного неблагополучия в падении нравов, в неблагоприятных изменениях морали. Пишут об общей и половой распущенности молодежи, о ее невоспитанности, отсутствии у известной ее части чувства девичьей чести, достоинства, женской гордости, браках по расчету, меркантилизме, вещице, брачных аферистах и брачных аферистках, приводят примеры из опыта собственного или близких, родных и знакомых. Со многим из сказанного нельзя не согласиться. Однако очень редко в письмах пытаются говорить о том, чем вызвано само изменение морали, а если и говорят, то, как правило, все «валят» на эмкапацию, во всех грехах и бедах обвиняют женщин, что, по моему мнению, неверно и крайне несправедливо. Во многих письмах утверждается, что «женщинам дали слишком много прав», что «закон на их стороне», что «мужчины бесправны» и т. п. О правах, праве, законодательстве мы будем говорить отдельно и подробно, а здесь — о морали.

Меняется ли мораль вообще, и половая в частности, и если да — то в какую сторону и как быстро, каковы причины этих изменений, что из них следует?

Совершенно бесспорно для специалистов, что и мораль вообще меняется, и половая тоже, причем последняя очень быстро, что перемены во всей любовно-брачно-семейной сфере столь велики и быстры, что справедливо, пожалуй, назвать это революцией. И несомненно, что в центре этих перемен — смена типа семьи, переход от семьи традиционной, патриархальной, к современной, биархатной, то есть такой, в которой супруги примерно равны.

Нынешняя моральная ситуация в любовно-брачно-семейной сфере нашим читателям, как показывают их письма, достаточно хорошо известна. И частые измены жен мужьям, и еще более частые — мужей женам, и беременные невесты, и малолетние матери, и многое другое. Это знание на бытовом уровне, на уровне **обыденного сознания**. А что говорит об этом наука?

А наука этим занималась очень мало — по уже изложенным причинам. Тем не менее мы располагаем чрезвычайно важными данными одного уникального в нашей стране и почти уникального в мировом масштабе исследования, чрезвычайно важного для нашей темы.

В миллионном уральском городе Перми были учтены за целый год все беременные женщины, которые ранее не рожали, и были установлены исходы их беременностей. Что же выяснилось?

На каждую тысячу беременностей у не рожавших ранее женщин пришлось:

- аборт — 272,
- рождений вне брака — 140,
- рождений в первый месяц брака — 271,
- рождений детей, зачатых после заключения брака, — 317.

Эти данные, добытые Марком Толцем — одним из лучших и крупнейших наших демографов, говорят об очень многом. Они впервые неопровержимо доказали, что в больших городах почти все молодые женщины живут добрачной половой жизнью. Читатель понимает, конечно, что далеко не все из тех, кто забеременел после заключения брака, вступили в него девственницами.

Поясню еще, что среди сделавших аборт замужних было мало.

Это совсем иная, новая по сравнению с той, что была всего несколько десятилетий назад, модель поведения молодых женщин в важнейшей для них области жизни. Раньше случаи добрачной интимной близости у молодых женщин были редкими исключениями и строго порицались. В российских деревнях в таких случаях, среди прочего, мазали дегтем ворота родительского дома. Совсем недавно об этом вновь напомнил известный наш писатель В. Белов в интереснейшем романе «Кануны».

Пойдем далее по порядку. Данные М. Толца показывают совершенно ненормальное положение с абортами при первых беременностях. Хорошо известно, что они чреватые далеко идущими физиологическими последствиями, вплоть до бесплодия на всю оставшуюся жизнь. И это, так называемое вторичное бесплодие, — причина не только многочисленных личных драм и трагедий, но и важная причина снижения рождаемости. И не случайно очень многие читатели жестоко обиделись на А. Александрова за то, что он советует возможным матерям-одиночкам избавляться от будущих детей, указывая и на возможное бесплодие.

Рождение вне брака. Их 190 на каждую тысячу первенцев. Далеко не все матери-одиночки выйдут впоследствии замуж. Тут — начало нынешней массовой безотцовщины, хотя и не главный ее источник. Особенно много юных матерей-одиночек, к которым общественное мнение, если судить по письмам в редакцию, относится отрицательно. Письма в защиту самих фактов рождения детей вне брака в юном возрасте пришли главным образом от самих матерей-одиночек. Совсем иное отношение к женщинам, ставшим матерями-одиночками в зрелом возрасте. Их одобряют практически все.

Рождений в первые месяцы брака в Перми было, как видит читатель, почти столько же, сколько и детей, зачатых после заключения брака. Главная проблема здесь в том, что «браки, стимулированные беременностью невесты», как это называется в науке, или «браки вдогонку», как говорят в народе, значительно менее прочны, чем «нормальные». Во многих случаях он совсем и не думал о браке. Но — как «честный человек», на совесть надали, Ее жалко... И представляется ему, что его завлекли, «поймали». Понятно, что ладу в семье это не прибавляет. Это стимулирует разногласия, противоречия, конфликты. А это все нередко заканчивается разводами. Замечу, кстати, что, судя по письмам, разведенные в большинстве случаев относятся к матерям-одиночкам плохо, смотря на них свысока. «Сходить замуж» считается куда престижнее, чем родить без мужа. Однако именно разводы дают основное число детей-полусирот, живущих и воспитывающихся без отца. На каждые 100 распающихся семей приходится около 120 детей, которые практически все остаются с матерями, а в повторные браки женщины с детьми вступают редко. Легко видеть, что ежегодные девятьсот с лишним тысяч разводов дают более миллиона полусирот, у подавляющего большинства которых не будет и отцов.

Так что с демографической точки зрения ситуация, раскрытая обследованием в Перми, едва ли может быть признана благополучной.

Что касается морально-этической стороны, то из этих данных неизбежно следует, что «двойная» ранее половая мораль (строгая для женщин, либеральная для мужчин) становится единой, монолитной, и «выравнивание» происходит по «мужской» модели.

Либерализация женской половой морали приносит много неприятностей мужчинам. Это видно и из письма самого А. Александрова, и из множества писем читателей. И очень многие хотели

бы, чтобы женщины вели себя в любви и всем, что с нею связано, так же, как вели они себя пятьдесят и сто лет назад. Особенно настаивают на этом те, кто стоит на патриархальной точке зрения, согласно которой муж — непременно глава семьи, а жена должна быть во всех отношениях «второй», зависимой, подчиненной, в крайнем случае — безгласной, прислугой в семье. А поскольку видят, что теперь это не так, не совсем так, не везде так, во всем обвиняют эмансипацию, которая «испортила баб».

Эволюция половой морали, происшедшая здесь быстрые и крутые сдвиги, их причины и следствия изучены крайне недостаточно. И дело здесь не только в науке, но и в том, что изучать эту сторону нашей жизни просто не давали. Но кое-что все-таки нам известно.

В два прошлых десятилетия произошло некоторое снижение морали вообще, половой в том числе. Любовно-брачно-семейная сфера нашей жизни теснейшим образом связана с другими ее сторонами. На ней отражается и воспитательная работа школы (неудовлетворительная, как теперь официально признано), и отношения в производственных коллективах, и многое другое. Для меня, например, несомненно, что социальная апатия, пассивность, безразличие, поразившие значительную часть нашей молодежи, должны были сказаться на сексуальной сфере. Секс может выступать, например, как некоторая компенсация неудовлетворенности другими сторонами жизни. В этом смысле он родствен алкоголю и наркотикам. Отвлекаться, забыть, развлечься, «поймать кайф»... Совсем не случайно, думаю, наблюдается тесная статистическая связь между некоторыми демографическими и иного рода процессами. Ну, к примеру, с 1965 по 1980 год потребление в стране алкоголя, реализованного через государственную и кооперативную торговлю и общепит, увеличилось в 2,8 раза, а число разводов за то же время выросло в 2,6 раза. Тесная связь между злоупотреблением алкоголем и разводами давно и хорошо известна. По самому крупному нашему исследованию разводов, проведенному по материалам Киева, в половине всех женских бракоразводных исков главной причиной, по которой женщина желает развестись, было названо пьянство или алкоголизм мужа, а в большинстве остальных эта причина называлась как добровольная, отягощающая. При этом женские иски составляли подавляющее большинство всех заявлений о разводе. Но дело не только в этом. Думаю, что есть общие факторы, лежащие в основе и пьянства, и наркомании, и дезорганизации семейной жизни, и многих других нежелательных явлений и процессов.

Но это лишь одна сторона дела. Другая же действительно связана с эмансипацией женщин, хотя эта самая эмансипация в письмах многих наших читателей понимается и трактуется достаточно странно. Эмансипация — это освобождение. Женская эмансипация — это освобождение от социального неравенства, «раскрепощение» женщин, если хотите, не только признание женщины человеком, равным мужчине, но и достижение ею этого равенства в жизни, фактического равенства. Это длительный и достаточно сложный процесс, у которого и были, и есть свои издержки и недостатки, однако процесс глубоко прогрессивный и совершенно неизбежный. Начавшись, если говорить о советском времени, юридическим установлением равенства, провозглашением равноправия полов сразу после революции, этот процесс далеко еще не завершен. Самые большие пережитки фактического неравенства сохраняются как раз в семье и в любовно-брачно-семейной сфере вообще, где продвижение к равенству идет медленно и с трудом. И сопротивляются этим переменам прежде всего привиле-

гированный мужской пол и люди старшего возраста. Ах, сколько в нашей почте гневных, раздраженных и, простите, невежественных писем, авторы которых утверждают, что равноправия в семье у нас нет, что **законы на стороне женщин**, что мужчины бесправны.

Хотя полного равенства полов в нашем обществе действительно еще нет, и привилегированной стороной остаются мужчины, по пути равенства наше общество продвинулось очень далеко, а в некоторых отношениях женщины опередили и все больше опережают мужчин. А это, естественно, вызвало и соответствующие перемены в поведении женщин вообще, и в любовно-семейной сфере в частности.

Работа в общественном хозяйстве возвысила женщину экономически и социально, сделала ее несравненно более самостоятельной, и если не совсем экономически независимой от мужчины, то, во всяком случае, эта зависимость чрезвычайно ослабла. Трудности совмещения женщиной производственных и семейных ролей, не всегда хорошие организация и условия труда затмевают в обыденном сознании социальную ценность работы в общественном хозяйстве. Но специальные социологические обследования однозначно говорят о том, что женщины высоко ценят свою работу, и не только как источник средств существования. Так, к примеру, массовый опрос работающих женщин-москвичек, имеющих двух детей (то есть и значительные семейные нагрузки), показал, что только 22 процента их согласилось бы оставить работу при условии, что «муж будет получать столько же, сколько мы зарабатываем оба».

А вот в уровне образования и культурном кругозоре молодые женщины сильно опередили мужчин, наша интеллигенция — преимущественно женская, перевес женщин среди студентов растет. В этом отношении мы — единственная страна в мире. Из каждых десяти работников умственного труда шестеро — женщины и только четверо — мужчины.

А ведь повышение образования, расширение интеллектуального и культурного кругозора поднимает самооценку человека, его самоуважение. Современная образованная, квалифицированная, с широкими внесемейными интересами молодая женщина предъявляет повышенные требования и к своему партнеру. А он, к сожалению, не всегда им соответствует. У нас громадное число семей, в которых жена образованнее, интеллектуальнее, культурнее мужа. А это то сплошь и рядом «заедает». Трудно человеку с патриархальным сознанием примириться с тем, что жена в чем-то «выше» его — в образовании, должности, заработках, культуре. Ему бы чего-нибудь попроще, поскромнее, чтобы постоянно на вторых ролях держалась.

А ведь внешние демографические проявления совершенно разных явлений могут быть очень похожими. Одна, скажем, становится матерью-одиночкой от элементарной распущенности, а другая — сознательно желая иметь ребенка от любимого и высокоуважаемого человека, который по какой-либо причине не может на ней жениться. Одна не хочет рожать и не имеет детей потому, что хочет «жить для себя», а другая страдает от того, что не может иметь ребенка по биологическим причинам. А ведь обе бездетны. Одна упорно борется за сливающегося любимого человека, а другая доводит мужа до алкоголизма своим поведением, но в итоге обе разводятся и внешне уравниваются. Одна семья распадается оттого, что ушла большая любовь, а в другой ее изначально не было. Перечисление внешне сходных, но, по существу, противоположных случаев можно продолжать долго. Дело не в их перечислении, а в том, что бороться с внешне одинаковыми явлениями

нужно очень разными мерами, а с чем-то и совсем не надо бороться.

Вот, скажем, крайне тягостные впечатления производят многочисленные письма молодых одиноких матерей, основное содержание которых можно объединить такой фразой: «Я его так любила, и все у нас было так хорошо, но как только он узнал, что будет ребенок, так скрылся» (варианты: перестал встречаться; сделал вид, что незнакома; я ему не нужна стала...).

Большинство этих молодых матерей — крайне легковверные, наивные люди. Это видно из того, как доверчиво, даже без тени сомнения принимают они письмо А. Александрова.

Для меня несомненно, что проблема одиноких матерей теснейшим образом связана с инфантилизмом части нашей молодежи, с ее «несовершеннозрелостью», как это было названо в одной молодежной газете. Почта редакции самым лучшим образом подтверждает это. И убожеством мыслей и чувств, проявляющихся во многих письмах молодых людей, и возрастом многих одиноких матерей («мне восемнадцать лет, а моему сыну скоро исполнится год» — это совсем не крайний случай). Социальная недоразвитость части молодежи не только ее беда, а в какой-то мере и вина. Это и вина общества в целом, и старших поколений, и родителей, и школы. Справедливо, конечно, сказать, повторив Евгения Онегина: «учитесь властвовать собою», «к беде неопытность ведет», но ведь надо и помочь взрослому подростку научиться этому властвованию.

Поскольку нынешняя семья плохо справляется с подготовкой молодежи к будущей семейной жизни, значительную долю этой подготовки должна взять на себя школа. В последние годы здесь произошли некоторые сдвиги, был введен специальный учебный предмет «Этика и психология семейной жизни», однако это тот самый «первый блин», который, по народной пословице, получился «комом». С почти взрослыми людьми, судя по опубликованным учебным пособиям, разговаривают на уровне детского сада, обходя самые интересные для них и поистине «жгучие» вопросы. Один из них — возможности и способы предотвращения нежелательных последствий интимных отношений. Думаю, что на свет должны появляться только желанные дети. Тогда и масштабы нынешней острейшей проблемы детей, которых оставляют в родильных домах или подбрасывают, резко уменьшатся. А регулирование рождений с помощью абортос по нынешним временам — варварство. Этот вопрос прямо затрагивает не только молодежь, еще не создавшую своих семей, но и подавляющее большинство семейных людей активного возраста.Abortов у нас в несколько раз больше, чем рождений. Думаю, что главную вину за такое положение несут здравоохранительные органы. Опасения, что улучшение положения с предохранительными средствами подорвет моральные устои, на мой взгляд, несостоятельны. Напомню, что подавляющее большинство молодежи больших городов ведет добрачную половую жизнь.

Экономическое и социальное возвышение женщин неизбежно должно было подрывать двойственность половой морали. Можно, конечно, пожалеть, что единые моральные стандарты устанавливаются не на основе более строгой женской морали, но в реальных условиях нашей жизни иначе и быть не могло. Чего стоил один только острый недостаток женихов, до недавнего времени охватывавший все возрасты! И хотя сейчас в молодежных возрастах не хватает, наоборот, невест, это не смогло существенно отразиться на сексуальном поведении молодежи.

Можно вполне обоснованно сказать, что многие мужчины, подобно А. Александрову, страдают оттого, что женщины стали вести себя в любовно-брачно-

семейной сфере подобно мужчинам, что этому научили их именно мужчины, «не святые» в этом вопросе, по словам Александрова. И в почте редакции есть письма, авторы которых достаточно цинично рассказывают о своих похождениях, оскорбляя тех, кому они испортили жизнь.

Мы уже упоминали, что отношения между полами сильно страдают от культурного отставания молодых мужчин от своих сверстниц. Редакционная почта показывает это отставание очень ярко. Если отбросить письма инфантильных недовзрослых одиноких мам, то женские письма много умнее, душевнее, интереснее, чем мужские. Допускаю, что письма нерепрезентативны в этом отношении, то есть неправильно отражают состав населения (как некоторые говорят и пишут, «порядочные мужики в журналы не обращаются»). И тем не менее... Да и вполне объективная статистика (например, переписи населения) говорит о большем и возрастающем образовательном разрыве мужской и женской молодежи в пользу женщин. Можно обойти и без этой, недоступной пока широкому читателю статистики. Кто же не знает, что в старших классах городских общеобразовательных школ резко преобладают девочки (мальчики ушли в ПТУ), что женщины резко преобладают на выставках, в театрах, концертных залах и т. д.! И люди, принимающие вступительные экзамены в вузах, единодушно отмечают лучшую подготовку девушек при одинаковом формальном уровне образования. А социологи хорошо знают, что у женщин иной, более «высокий» состав чтения, чем у мужчин. И все это, заметьте, при остром недостатке свободного времени. Его ведь у женщин куда меньше, чем у их сверстников. Результатом всего этого является массовое недовольство женщин культурным уровнем своих партнеров, их «серостью», неинтересностью, неразвитостью.

Времена, когда муж, который «не гуляет, не бьет, деньги домой несет», казался чуть ли не идеалом, проходят. Кстати, многие наши корреспондентки остро критикуют А. Александрова именно с этой точки зрения.

И если мы хотим лада в нашей семейной жизни и — шире — во всей любовно-брачно-семейной сфере, то преодоление мужского культурного отставания — одно из главных условий этого будущего лада.

Нужно, в частности, преодолеть патриархальные настроения, которые, судя по нашей почте, все еще достаточно сильны у части молодых мужчин. Они, грубо говоря, по-прежнему стоят на позиции «женщина — друг человека». Думаю, что их ждут в семейной жизни большие неприятности, ибо теперь мало женщин, которые разделяли бы это их настроение. Молодые, образованные, квалифицированные женщины, с широкими интересами напряженно стремятся к полному фактическому равенству с мужчинами, в том числе и в любовно-брачно-семейной жизни, в положении в семье. В частности — в разделении домашнего труда, которого часто на долю жены приходится в несколько раз больше, чем на долю мужа.

Глубоко убежден, что у нашей семьи нет иного пути, кроме пути к полному социальному равенству полов. И именно в этом духе — равенства, а не равноправия — нужно воспитывать новые поколения.

Другая, кроме морально-этической, сторона жизни, обсуждаемая в письмах, вызванных публикацией А. Александрова, — объективные условия жизни молодежи, льготы матерям-одиночкам, состояние нашего брачно-семейного законодательства вообще, и алиментного в частности. В письмах высказывается много предложений, замечаний и претензий по этому поводу. Мы рассмотрим их в следующей статье.

А ВРЕМЯ УХОДИТ

«СМЕНА» ВЫНУЖДЕНА ВЕРНУТЬСЯ К ПРОБЛЕМЕ, ПОДНЯТОЙ
НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА ПОЧТИ ТРИ ГОДА НАЗАД

Рбота лечит. Справедливость этой народной мудрости каждый из нас, наверное, испытал на себе. Работа позволяет забыться в горе, стирает и сглаживает обиду, отвлекает от черных мыслей, придает силу и уверенность... Нет, не только ради хлеба насущного нужен труд.

Но если работа необходима обыкновенному, здоровому человеку, то тому, в чью жизнь пришла беда, она втройне нужнее. Я говорю об инвалидах. О тех, кто прикован к постели или к инвалидной коляске, о тех, кто не может шагу сделать без костылей. Жизнь большинства из них тускла и неполноценна от сознания своей ненужности, от горьких мыслей о том, что, дескать, даром ешь свой хлеб, напрасно коптишь небо.

Среди инвалидов, увы, немало молодых людей. Так что же, разве у них может быть только один удел: на всю жизнь замкнуться в четырех стенах, в стороне от людей, от дел и забот нашего общества? А ведь как хочется работать! Общаться с коллегами, кого-то поддерживать, самому — на равных — принимать помощь. Пусть работа не вылечит в прямом смысле. Но позволит отключиться от тяжелых дум о своем недуге. Наконец, она дает совсем нелишнюю прибавку к скромной инвалидской пенсии. Пусть ты неполноценен физически, больны ноги, но ведь есть, черт возьми, здоровые руки, светлая голова, ты можешь, должен принести пользу обществу!

В стране около семи миллионов инвалидов первой и второй групп. Трудятся же не больше двухсот тысяч. То есть один из тридцати пяти. И это притом, что, по мнению ученых, работать — пусть на дому, пусть неполный день — хотели бы восемьдесят процентов инвалидов. Почему же трудовые возможности инвалидов используются так плохо? Во многом, по-моему, дело упирается в позицию органов социального обеспечения. Часто в ответ на просьбу помочь с трудоустройством инвалид слышит от чиновников собеса: «Ищите место сами. Найдете — мы дадим вам необходимое направление». Легко сказать — «ищите!».. Каково человеку с тяжелым недугом обходить отделы кадров и почти повсюду наталкиваться на жалость, скепсис, но не на помощь! Если и предлагаю работу, то какую?... Катать на примитивном станочке этикетки. Клеить пакетики. Шить рукавички. Мастерить искусственные цветы... И это человеку со средним, а то и с высшим образованием, молодому, полному желания — поверьте, далеко не у каждого здорового оно так сильно! — быть полезным. Может ли такой труд принести удовлетворение?

«Но разве в состоянии инвалид работать?» — спросит скептик. — Что он может, кроме цветков и пакетишков?» Может многое! Есть тому примеры.

Расскажу об опыте экспериментальной мастерской при Воронежском доме инвалидов, техническим руководите-

лем которой я был. Трудился там только инвалиды первой группы. Задумка была такая: доказать, что даже тяжелые больные могут работать. Инвалиды собирали так называемые пробники для аккумуляторов. Работали по третьему-четвертому разряду, вполне справлялись с нормой. Зарабатывали по 180—200 рублей ежемесячно. И мы были довольны, и государству прибыль. Не только кустарный промысел — удел инвалидов. Они могут работать в приборостроении, точном машиностроении, радиотехнике, электронике.

Думаю, что очень нужны жилищно-производственные комплексы, подобные воронежскому, где люди нелегкой судьбы под одной крышей и живут, и трудятся, и получают медицинскую помощь. Считаю, что необходимо создать — хотя бы в порядке эксперимента — несколько таких комплексов. Кто возьмется?

Есть и еще предложение — оно уже не раз высказывалось на страницах печати: **создать Всесоюзное общество инвалидов**. Известно, что Всесоюзное общество слепых (ВОС), образованное в 1923 году, решило многие проблемы людей, лишенных зрения. Общество трудоустроило практически всех слепых. Оно решает жилищно-бытовые вопросы, строит квартиры, общежития, ведет культурную работу. И не на дотацию от государства, а на средства, заработанные самими слепыми. ВОС постоянно отчисляет государству часть своих доходов. На его средства, к примеру, построены Воронежская областная клиническая больница, здание Института глазных болезней имени Гельмгольца в Москве...

Аналогичное общество инвалидов крайне необходимо!

Стихийно ячейки такого общества уже складываются. Действует товарищество взаимопомощи инвалидов «Прометей», союзы инвалидов в Горьком, Кингисепе, Сумах, Новосибирске.

Всесоюзное общество смогло бы облегчить многие трудности, которые стоят перед нами и с которыми не хотят или не могут справиться органы социального обеспечения. Главная из них — трудоустройство. Думаю, Всесоюзное общество инвалидов сумеет обеспечить работой всех желающих.

Очень многим работающим инвалидам приходилось сталкиваться с тем, что администраторы ущемляют их права. Люди часто даже не знают о положенных им льготах. Например, инвалиды первой группы освобождаются от уплаты подоходного налога. Для этого надо написать заявление в финансовые органы. И вот я, инвалид в течение уже сорока лет, из которых почти два десятка усиленно занимаюсь проблемами товарищей по несчастью, узнал о такой льготе лишь недавно и то совершенно случайно... Помочь инвалидам в осуществлении их прав — еще одна задача будущего общества.

Давно — и, увы, бесплодно — критикуется выпускаемая техника для инвалидов. Мотоколяски — некрасивые,

неудобные, неуклюжие чудовища. Кресла также неудобны, громоздки, не втискиваются в двери, на них не подъедешь к столу... Необходимы кресла, «умеющие» спускаться по лестнице (образцы такого приспособления есть), так называемый «домкратный стул», десятки других пустячных, но очень облегчающих жизнь агрегатов. Займитесь об их конструировании, размещении заказов, изготовлении, приемке также могло бы общество инвалидов. Ни на секунду не сомневаюсь, что общество инвалидов будет способно решать и куда более сложные бытовые проблемы.

И, наконец, организация общения — пусть в основном заочного. Клубы по интересам. Обмен книгами, журналами, газетными вырезками, кассетами и грампластинками. Свой рукописный журнал. Шахматы по переписке... Десятки видов общения, уже и без того существующих — но стихийно! — сможет вобрать в себя, потом организовать и направлять Всесоюзное общество.

Создание Всесоюзного общества инвалидов необходимо, оно облегчит жизнь миллионам людей — ни у меня, ни, думаю, у моих товарищей по несчастью это сомнений не вызывает. Сегодня, когда в стране идет процесс демократизации, появление такой организации вполне реально.

Геннадий ГУСЬКОВ,
инвалид первой группы,
Херсонская область,
Скадовский район, с. Красное

ОТ РЕДАКЦИИ. О проблемах инвалидов «Смена» уже писала. В № 2 за 1985 год было опубликовано письмо Галины Азаровой из Зеленограда, в котором тоже шла речь о создании жилищно-производственных комплексов для инвалидов, об организации — пока в качестве эксперимента в одной из областей или республик — соответствующего общества. Читатели горячо поддержали выступление журнала. Мы получили несколько сот писем (небольшая часть из них была опубликована в № 10 за 1985 год), и все без исключения авторы согласились с предложениями Г. Азаровой. Отмолчался лишь Госкомтруд СССР. На наши неоднократные напоминания о том, что не худо бы отреагировать на публикацию «Смены», нам отвечали: вопрос, дескать, изучается и прорабатывается...

Что изменилось с тех пор? С этим вопросом мы обратились к заместителю начальника управления Госкомтруда СССР Ю. И. СКВОРЦОВУ.

— **Во-первых,** — сказал Юрий Иванович, — **в 1986 году не без влияния выступлений печати, в том числе и вашего журнала, было принято постановление правительства, в котором предусматривается ряд дополнительных льгот для инвалидов. В частности, поступление вне конкурса в вузы и техникумы, обяза-**

тельное распределение выпускников — к заочникам и вечерникам это тоже относится — на предприятия и в организации, как можно более близкие к месту жительства, увеличение числа профессий, которым могут обучаться инвалиды.

Второе. Осенью нынешнего года в Эстонии начался эксперимент по созданию общества инвалидов, его ведет Министерство социального обеспечения республики. Через год мы обобщим опыт общества, выработаем соответствующие рекомендации. Если инвалиды в других регионах пожелают создать аналогичные организации, им следует обратиться в местные партийные и советские органы. Полагаю, их всемерно поддержат. Вообще, на наш взгляд, создавать общество инвалидов надо не «сверху», директивно, а «снизу», на основе активности людей, заинтересованных в нем. Тем более — это показали проведенные нами опросы — среди инвалидов пока нет единства относительно задач и форм работы общества.

Что же касается жилищно-производственных комплексов для инвалидов, то, думаю, они нецелесообразны. Мировой опыт, а также исследования психологов свидетельствуют, что следует не обособлять людей трудной судьбы, отгораживать их от общества, а, напротив, всячески содействовать их интеграции в нормальную человеческую жизнь.

Итак, спасение утопающих — дело рук самих утопающих? Вы, инвалиды, проявляйте активность, обращайтесь в местные органы, а мы, здоровые люди, быть может, поддержим вас... Что значит «среди инвалидов пока нет единства относительно задач и форм работы общества»? Возможно, и нет — по частностям. Но в принципе идея нашла единодушную и горячую поддержку. Было бы принципиальное решение об организации общества, а формы его работы можно обсудить, как говорится, в рабочем порядке. (Заметим, кстати, что в создании ВОС приняло активное участие наше государство, общественные организации.) Надо содействовать интеграции инвалидов в нормальную человеческую жизнь? Так содействуйте же! Хватит рассуждать о том, что целесообразно для больных людей, а что нет. У них самих должно быть право выбора.

Медленно, поразительно медленно делается дело! Почти три года (после выступления журнала) ушло на то, чтобы начать эксперимент в одной из республик.

Еще через год начнется обобщение опыта, выработка рекомендаций... Словом, так и нет конкретных ответов на вопросы, интересующие миллионы людей. Поэтому мы снова обращаемся к Госкомтруду СССР и Минсобесу РСФСР: проблему, поднятую нашими читателями, надо решить в духе сегодняшнего времени — оперативно, не откладывая в долгий ящик.

Георгий ПРЯХИН

МАЛЫШЫ

Е знаю почему, но этот мальчонка никак не идет у меня из головы.

Вот он сидит на лугу, на который я его посадил, в траве, и в самый неподходящий момент, когда б ему надо улыбнуться широко, трогательно, «подетски», он вдруг резко мотает головой. Так мотает головой лошадь, спаса-

ясь от назойливых мух.

Муха в кадр не попала, а вот это характерное движение — вот оно. И в кадре, и в памяти. Глаза у мальчишки деловито опущены, декоративно усаженный нами в траву, он тем не менее не прекращает своего натурального занятия, дела — скоблит стекляшкой пруттик: «Служ под баню будем ставить». И получается, вроде и не от мухи отмахивается, а от нас: от камеры, от оператора, от режиссера, от редактора, от меня. От нас, облепивших его.

А я как увидел его — самого маленького здесь, — так и понял: парня надо сажать на траву. Место ему в траве. Я хоть и работаю на телевидении без году неделя, а уже, как видите, начал «мыслить образами». Картинками. Мальчик, эдакий херувим-аборигенчик, в траве. Среди ромашки аптечной, среди мяты перечной, среди пестротканых мутюков клевера, среди метелок водосбора — они высоко воздвигаются над всем остальным разнотравьем и разноцветьем и не то уныло сторожат его, не то освещают это ленивое, волнообразное ботаническое шествие своим керосиновым, факельным светом. День, зной, и свет этот еле заметен. Так, не пламя, а язычок марева колеблется на макушке длиннотылого стебля. И под этим язычком — мальчик, дитя природы, не то фауны, не то флоры, чья макушка тоже выгорела, выцвела, как и все остальные цветы на этом июльском лугу.

Мысль? А бог его знает, какая тут мысль. Телевидение...

Вообще-то это не я его увидал. Определил. Вычислил. Нынче модно говорить «вычислил», но применительно к его возрасту, к его гипотетическим познаниям в алгебре-арифметике я бы сказал проще: это он меня вынюхал.

Как щенок — он пока действительно в щенячьем, в кутячьем возрасте.

Я стоял в толпе — мы как раз снимали концерт художественной самодеятельности, — когда кто-то подошел ко мне сзади, вложил мне в руку крошечную прохладную ладошку и потянул вон из круга.

О размерах человека можно было догадаться по размерам ладошки, очутившейся в моей руке, и я пятился назад с превеликой осторожностью. Ладошка в моей рабоче-крестьянской лапе тоже появилась чудно. Знаете, как воробей за стреху впархивает? Торк-торк, лапками посучил, хвостиком подергал и уже в гнезде. Так и тут: подергалось, посучилось — и уже в ладони. И сжать-то ладонь боязно: что-то совсем хрупкое, всю середину, все сердцевину которого занимает одно пульсирующее сердечико.

Как и у всякого нормального человека, тем более мужчины, у меня прорва недостатков. Пороков. Например, неприлично многого боюсь. Начальства, молвы, наглой физической силы... Эту цепь можно продолжать и продолжать. Но, как бы длинна она ни была, в ней, могу похвастать, есть два недостающих звена, благодаря которым она всегда будет разомкнутой цепью. Незавершенной. То есть обо мне нельзя все-таки сказать, что я круглый трус. Конченный.

Цепь не завершена, потому что я не боюсь детей и собак.

Детей не боюсь, потому что их у меня четверо.

Собаки же я не боюсь потому, что их чересчур боюсь мои дети. Девчонки — были б мальчишки, может, и не боялись бы. Хотя я мальчишкой боялся. И эта моя боязнь, возможно, и передалась им. И вот, чтобы хоть как-то отучить их от такой боязни, я стал демонстрировать перед ними чудеса храбрости. Овчарки, волкодавы, доберманы-пинчеры, сенбернары, пудели, дворняжки... С невозмутимостью тореро иду на любого представителя этой эпидемически умножившейся в последнее время городской своры, будь то комнатная блоха с ошейником или томно лоснящийся битюг с хозяином на шнурочке (знаете, есть

анекдот про муравья-контрабандиста, который пытался провести через границу слона и на вмешательство таможенников невозмутимо ответил: «А где вы обнаружили слона? Это не слон, а всего лишь мой дорожный бутерброд: видите, у него на ухе крошка хлеба?» — иные скрепленные поводком пары напоминают мне персонажей этого анекдота).

И ничего — невозмутимость пока сходит с рук.

Меня потянули за руку, и я повиновался, хотя это было равносильно самовольному оставлению поста. Людей на концерте было жидковато, и режиссер «задействовал» и меня. Поставил меня так — спиной к камере, — чтобы я усиливал ощущение толпы. Физиономия моя пока не требовалась, действующим лицом пока являлась спина. Что ж, спина моя, пожалуй, действительно усиливала, ибо соседствующие с нею спины были сплошь стариковскими. Сгрудившиеся — тоже по распоряжению режиссера — старики и старухи, наблюдавшие за концертом самостоятельных артистов, приехавших вместе с нами, привезенных нами из райцентра.

Народ не расходился, народ держался — не то силою искусства, не то силою воображения, ибо сразу же после концерта обещана была торговля дефицитным товаром. В дело должен был вступить наш главный калибр — районная автолавка, которая из самого райцентра влачила след за нами по ухабистой проселочной дороге. Автобус с телевизионщиками — нас, пожалуй, больше, чем артистов, и зрителей, вместе взятых, автобус агитбригады и грузовик автолавки. В таком порядке мы и двигались. Такая армада, пугая мирных поселенских кур, ворвалась, втиснувшись в деревню Белую. И вот я, игравший толпу, выбыл из игры.

Представьте деревеньку в четыре десятка домов. Одна кривая и горбатая улица. Настолько горбатая, что если станешь на одном ее конце, то другого не увидишь. Впрочем, ее вообще, наверное, нет ни в конце, ни в середине — точки, с которой оба края улицы видны одновременно. Посреди улицы дорога, тоже кривая и горбатая. Весной и осенью мощные колесные тракторы вусмерть измочаливают ее, выворачивают наизнанку, прорезая в ней такую глубокую колею, что за исключением зимы пользоваться дорогой невозможно. Тракторы — они дорогой и пользуются. Машины же робко останавливаются в нескольких метрах от нее. Как перед противотанковым рвом. Наши автобусы остановились точно так, благо тут широкая поляна — она-то и стала ареной сегодняшнего действия. Впрочем, машины сюда почти не ходят. Трактор, а то и сцепка тракторов — надежное средство здесь его передвижения.

Дорога в низинке, а наверху два ряда домов: с одной стороны дороги и с другой. Дома стояли на значительном расстоянии друг от друга, как редкие старческие зубы. Время изрядно подпортило их: дерево почернело, какой-то влажный налет, старческая осклизлость появились на нем. Многие дома «повело», причем самым причудливым образом. Одному на самые глаза наехала крыша. Изба от старости вросла в землю, крыша и без того кажется как с чужого плеча, а тут еще насунулась, нахлобучилась, и дом стоит под нею, как под шапкой-невидимкой. У другого угол повело, и он прихрамывает на ходу, припадает на одно колено — ни дать ни взять инвалид Крымской кампании.

Изгородь вокруг домов, как правило, нет. Хозяйства тоже практически никакого. Так, палисадники перед окнами, в которых цветут — так пышно, избыточно, как цветет все либо на пепелище, либо на кладбище — флоксы и георгины. Флоксы почему-то преимущественно белые. Белоснежные, до скрипа накрахмаленные, в них и впрямь есть что-то матерчатое. Правда, «материя» самого тонкого, самого нежного свойства. Мне на память приходит креп-жоржет. Наверное, не только из-за его фактуры, но еще и в силу этого утонченного, нэпмановского названия: «креп-жоржет». Георгины же не классические, поздние, с мелко-мелко, в рубчик, нашинкованными жесткими лепестками, собранными в одну огнедышащую воронку, в которой есть что-то демоническое — прямо

остывающий кратер со всеми переходами в сопутствующих остыванию оттенках от розового до черного, а те, что попроще. Однолетки, с простодушно раскрытыми, я бы сказал, разинутыми соцветиями: бордовые, желтые, белые, в крапинку.

Две тропинки бегут, прерываясь, вдоль домов. То ли люди не могут протоптать их окончательно, то ли траве не хватает весны и лета, чтобы затянуть, заживить стежку полностью тонкой зеленой кожей. Так и существует она, то пропадая в низинке, то возникая на взгорке, — продукт неустойчивого равновесия.

Сама Белая тоже, можно сказать, продукт неустойчивого равновесия. Имею в виду не возникновение Белой. Деревня старинная, зачиналась когда-то прочно, с размахом, располагаясь на оживленном тогда пути из русского Поволжья в мордву и мерю, не зря иные избы до сих пор стоят (сейчас уже по отношению к ним надо говорить: «сидят») на осыпающихся и тем не менее пока весьма дебетых кирпичных фундаментах. Нет. Продукт неустойчивого равновесия — сегодняшний день Белой, ее старость. Впрочем, старость всегда неустойчива: малейшее дуновение, перемена давления меняют соотношение сил.

И ветхость изб, и отсутствие надворных построек — непривычно и даже тревожно видеть избу, вокруг которой не клубится, не плодится, не зеленеет жизнь, избу раздели, избу лишили ее питающей, в том числе и в прямом смысле слова, ее водоохранной зоны — говорит о том, что Белая не просто старая деревня. Она стариковская.

Живут здесь в подавляющем большинстве своем старики. И райцентр, и город, и просто разные города и веси, где обосновались их дети и внуки, далеко от Белой. Даже по праздникам, по выходным в Белую не наездишься, а самим старикам хозяйство вести уже не под силу. И рада бы Белая помочь провиантом своим новоявленным горожанам, да кишка тонка. Куры да палисадники, да по нескольку грядок в ранее обширных, а теперь разгороженных и бурьяном зарастающих огородах — вот и все хозяйство. Раньше огороды всячески оберегали от кур: держали последних в базках за оградками из металлической сетки, подрезали бедолагам крылья, чтоб не залетали куда не следует. Теперь же куры бродят повсюду беспрепятственно. Впрочем, как ни странно, теперь с падением препон интерес к экономическому вредительству они потеряли. Выроют ямку в земле и целыми днями сидят в них, дремлют на солнышке. Петух только лениво бродит меж своего окопавшегося гарема. Какой ему, петуху, навар с окопавшихся-то?

Куры в Белой тоже как будто бы постарели.

Белая — деревня не просто стариковская. Белая — деревня старушечья. Старик — он существо нежное, хрупкое, до таких преклонных годов не дотягивает. Сковыривается где-нибудь на подступах к семидесяти. Другое дело — старуха. Хорошей старухе снос не бывает. Вошла в старушечий возраст и бредет в нем, бредет, не в силах выйти из этого мерно влекущего течения. Вон в Москве, говорят, всех дедов, которым исполнилось девяносто, на особый учет берут, персональных врачей к ним прикрепляют. А старух, достигших тех же годов, не берут. Никого к ним не прикрепляют. Много их, старух-долгожительниц, на всех персональных врачей не настачишься. А раз много, то и для науки особого интереса они не представляют. Интерес для науки представляет то, чего мало. А жгучий интерес — то, чего и вовсе нету. Что уже исчезло. Исчезнувший вид. Что старуха? Организм грубый, простой, приспособляемый. Старики — вот исчезающий вид.

В Белой они бы тоже исчезли, сгинули бы, самоистребились, кабы не старики. Жива старуха, и дед, глядишь, живой. Бегаёт. Случилось же что — и на старуху бывает проруха! — хлопнула, как тут выражаются, старушонка, и деда, глядишь, и след простыл. Не бегаёт. Не живет. А если и живет, то не в Белой. И так-то не очень надежное, капризное, нежизнестойкое существо, без бабки оно, показывает практика, по месту жительства не задерживается. Пример тому дан еще в незабвенных «Старосветских помещиках». Или туда, или сюда — куда-то да девается престарелый вдовец. Или в дальнюю дорогу, или в ближнюю.

«Дальняя дорога» в Белой, пожалуй, самая короткая: погост здесь прямо за околицей, в березовом лесу, чистом и светлом, в котором, согласно поговорке, не молиться, а веселиться. «Ближняя» же зачастую далековата: и в райцентр, и в город, и в разные прочие города и веси, в которых проживают выходцы из Белой. Старуха же вполне способна к автономному существованию, и большая часть жителей Белой одинокие старухи.

Кто совсем недавно схоронил мужа, кто давно, кто не дождался его еще с войны — в центре, если уместно в такой деревушке понятие «центр», в середине, в самой середке, в самом центре у Белой стоит обелиск, на котором фамилий давно уже больше, чем есть их в наличии на сегодняшний день.

Фамилий как таковых немного: «Новожиловы» — вот самая частая фамилия в Белой. И на обелиске она повторяется не меньше полутора десятков раз. А вот что касается среднесписочной численности, то тут уже «дебет с кредитом», как опять же выражаются в Белой, не сходится. Проигрывает сельсоветская книжка (в Белой и сельсовета-то нет, он в другой деревне, общий на несколько населенных пунктов, а тут одна только Советская власть) скрижалям из бетона. Да и то сказать: Новожиловы Новожиловым — рознь. Вон «П. Ф. Новожилов 1905—1942» — тот был всем Новожиловым Новожилов. Красавец мужик, косая сажень в плечах, удалая кудрявая головушка. До сих пор помнят его в деревне. А что стоит за номером двадцать третьим в уже упоминавшейся сельсоветской книге, где значится та же самая фамилия и даже те же самые инициалы — П. Ф. Новожилова?

А можно сказать, ничего не стоит. Сорок два килограмма живого веса — понюшка табаку и та увесистей. В чем только душа держится? Маленькая, ссохшаяся, одни руки только, ладони, большие, узловатые, лаптеобразные — они и тянут. Жена П. Ф. Новожилова — Новожилова Пелагея Федоровна. Вон как израсходовалась фамилия. Какие усюшки-утруски, какие переделы прошла. А ничего — бегают фамилия. По дому сама управляется, летом, когда Белая помаленьку набухает, как ручей в половодье, внуков-правнуков принимает.

...А кто и не был никогда замужем — эти обыкновенно и держатся дольше всех. Избежали амортизации, пагубного соприкосновения со столь нестойкой и тем не менее разрушительной мужской средой. В Белой сказали бы «мужинской». Окислительный процесс старения в этой самой «мужинской» среде идет быстрее и увлекает, заражает при опасно близком общении даже такой несомненно крепкий орешек, каковым является белская старуха. Открытый огонь — лучше держаться от него подальше.

В Белой есть несколько бобылок, они-то и возгла-

вляют шествие здешних старожилок. Сто четыре года исполнилось недавно одной из них — Подсвировой Степаниде Ефремовне.

Бабки проживают в Белой и в одиночку, бобылей же в деревне нет. Неспособен старик как таковой, как вид жить и исчезать самостоятельно. Вести дом, обихаживать себя. Как мы уже отмечали, случайно оставшегося в одиночестве, зазевавшегося на белом свете деда или призывает к себе березовая роща, или забирает на дальнейшее жительство приезжая родня. Такова деревня Белая.

Особые приметы? Липы. Их и аллеей не назовешь: один неровный, тоже выщербленный ряд длиною в сотню метров.

Когда-то, говорят, они занимали всю центральную часть деревенской улицы. Но время с ними обошлось, как со старыми избами. Строй поредел, строй поколеблен. Иных уж нет, даже пни не сохранились, те же, что остались, невзирая на появившийся в кроне сухостой, на изломы и болячки, приобрели в старости, как бы следуя здешним старухам, поразительную жизнестойкость. Липа она и есть липа — женский неистребимый корень. Не в пример какому-нибудь квелому ореху. Потрепавшаяся кора на них ромбами своими напоминает старую потемневшую черепицу. Черепица хоть и почернела от времени, хоть и надувалась местами, а все еще надежно защищает от ветра, от дождя и снега.

Нет в Белой ничего выше этих лип. И крепче их тоже, наверно, нет ничего. Издалека видно их. Еще только подъезжаешь к Белой, еще не видно ни одного дома, а они уже вот, виднеются.

Верхушки у них повреждены от старости, и деревья приняли гнездовидную форму. Растут уже не столько ввысь, сколько вширь. Да, осенью и весной они напоминают разоренные и покинутые гнезда. Сечет, треплет непогода голые ветви, где живое перемешалось с мертвым. Всклокоченно, тревожно, вразнотык торчат они над деревней. А весной, глядишь, опять заселяются. Маленькая, но все умножающаяся листва забивает их до отказа, натрушиваясь, набиваясь даже туда, где, казалось, кроме черного, прогорклого,

перегорелого древесного лома, уже и быть ничего не может. Заполняет, обволакивает весь этот могучий, вулканический хаос, и в нем опять появляются очертания живого гнезда. И вся окрестная летающая живность, включая иных деревенских кур, поддавшихся весеннему сумасшествию, тотчас появляется, набивается в них и сосуществует там хоть и не всегда мирно, чаще с гамом и писком, с боевой метелицей пуха, но вполне домовито.

А в начале лета липы окутываются таким густым цветом, что сама зелень их приобретает янтарный оттенок. Слово ее заправили, медом. Да так оно и есть, и вдобавок к уже обосновавшимся постояльцам каждую липу облепляет несметный сластолюбивый рой. Она сама становится роем, огромным, шевелящимся, гудящим. Кабы не кряжистый, глубоко в землю ушедший ствол, того и гляди, улетела бы. Снялась — так счастливо трепещет она каждым листом и каждым прозрачным крылышком. И густой, пряный, медовый чад ползет по деревне из конца в конец. Люди тоже льнут к липам: и так, посидеть, посудачить в холодке, и с простительной корыстью — деревенские старухи, взгромоздясь на табуретки, собирают в капроновые чулки липовый цвет, сушат его, и Белая круглый год потчуетса чайком с липовым цветом. И с липовым же медом.

Вот, пожалуй, и все особые приметы. Был когда-то в Белой свой колхоз, но теперь свою хозяйственную самостоятельность она утратила. Бригады и той нету, не набирается в Белой. Бригаду она составляет только в пристежке еще с одной, куда более молодой деревней. Из коренников Белая давно вышла. Выпряглась. И по-стариковски, беззубо, нежадно, «спрохвалá», как сказали бы в Белой, пасется в виду дружно трудящегося тяглового молодняка.

Итак, мы с молодым человеком после съемок на лугу шествовали по деревне Белой, предводительствуемые старой, но весьма внушительной еще овчаркой. Деревню я вам описал, молодого человека тоже, собаку, можно сказать, представил. Имя вот только не сообщил. Имя сложное, заграничное — Пальма.

Из промежуточных сведений, пожалуй, все — пусть себе идут не торопясь.

Дом, к которому подвел меня мальчик, стоял на улице последним. Двухэтажный, на высоком фундаменте. И фундамент, и первый этаж кирпичные. Кирпичи небольшие, сплюснутые, но так стиснуты, схвачены

Так влет и сбил.

Осталась, домой попросила передать, что нашла в деревне дальних родственников и решила у них заночевать. Приедет, мол, завтра.

Отец с матерью, наверное, всю ночь голову ломали: что еще за родня отыскалась у них в Белой? Отродья не было...

А утром заявила. Но не одна, а с Мишей. Так и сказала: «Это Миша. Мы с ним только что побывали в загсе. Подали заявление».

Выходит, и впрямь родня.

Не то влюбилась, не то врубилась.

— Здравствуйтесь. Присаживайтесь, я вас чаем сейчас напою.

— Здравствуйтесь, вы меня извините, я нечаянно... молот я первое, что приходило в голову.— Я пойду.

И уже ринулся было назад, но ладошка, доселе нежно покоившаяся в моей руке, вдруг цепко схватилась за мой мизинец, да и пес лежал на моем пути непоколебимо, как сфинкс, перешагнуть его я все-таки не отважился: кто знает, что там у них, сфинксов, на уме?

— Это вы меня извините. И потом ведь не каждый же день вам доводится пить чай в доме, где бывал Антон Павлович Чехов?

— Вот как!

Я так и сел на табуретку. Я ведь тогда не знал истории деревни Белой и предположить, что в этой глуши, в этой крохотной, доживающей свое деревеньке бывал Чехов, для этого надо было иметь слишком богатую фантазию.

Мальчонка уселся рядом, пес растянулся у моих ног. Женщина прошла к двери, и мы все трое невольно подались к стоявшему перед нами столу, давая ей проход. Загремела там, в передней, которая одновременно служила и кухней, посудой, и через несколько минут оттуда стали появляться сахар, липовый мед, варенье, масло — все это вкладывалось прямо через порог в руки малыша, и он деловито расставлял угощение на столе.

Итак, мы пили чай за круглым, покрытым белой скатертью столом. В комнате вокруг нас умеренное количество книг — как у всех людей, что покупают их по случаю. На низких стенах фотографии: попеременно с репродукциями из журнала «Огонек». А вот и он, Чехов, — в простенке между окнами, выходящими на улицу. Правда, это еще не Чехов, не Антон Павлович, а Антоша Чехонте, или, как он еще иногда подписывался, «Анче».

Широкое безусое лицо. Точнее, усы только-только пробиваются: так, словно ретушь неосторожно положили. Длинные, еще не то крестьянские, не то купеческие волосы. Чесучовый пиджак, застегнутый на одну, верхнюю, пуговицу: две другие явно не застегнуть. Тесноват пиджак. Живот выпукло раздвигает полы. Чехов, и вдруг живот. Нет, он не толст, он просто широк, мощный. И лицо широкое, никакого привычно чеховского, усталого аскетизма. И брови густые, черные, лобопытно раскинуты, а не мученически сведены, как у человека, притерпевшегося к боли или прячущего ее, словом, то же, как у другого, привычно Чехова. И плечи не устало опущены, а сдержанно, словно стесняясь своей юношеской мощи, развернуты.

Чехов — он как ядро, где-то еще заключен в этой юной, сочной и впрямь не то крестьянской, не то купеческой оболочке. Говорят, в молодости он мог нырнуть с кормы парохода, а вынырнуть под его носом. Вот вам и Чехов. Под фотографией — а это тоже репродукция из журнала — значится: «А. П. Чехов. Москва, 1883 г.».

Не прочитай я эту подпись да не услышь перед этим упоминание об Антоне Павловиче от хозяйки, ей-богу, не узнал бы.

И вот мы пьем чай, высоко поднимая дымящиеся блюдца, солнце устроилось прямо против нас, в окне, слепя глаза, макая в наши блюдца золотистые, упорно всплывающие липовые соцветия. Мы пьем чай, и хозяйка, уже вполне успокоившаяся и даже повеселевшая, рассказывает мне о Белой и об Антоне Павловиче Чехове.

Херувима же с нами нету. Мать увлеклась рассказом, и он, воспользовавшись недоглядом, набег из вазы конфет, насовал их во все имеющиеся при нем емкости — преимущественно за щеку — и неслышно сполз со своего стула. Сполз, устроился рядом со своим четвероногим другом, и только дружное причмокивание выдавало их присутствие под столом.

Так в Белой за многие годы появился новый житель. Причем не на лето — летом здесь появлялись «новые», правда, то были относительно новые: либо старые, бывшие бельчане, наведывавшиеся сюда в отпуск, по грибы и ягоды, либо их дети и внуки, которых выселяют сюда, иногда из самого города, на откорм. Нет, в данном случае новичок объясняется не на сезон, а на неопределенное время. Неопределенное, потому что рано или поздно, а должен был он, по всеобщему мнению, уехать. Ну и Мишку, мужа, само собой, увести.

А новичок все не уезжал. Больше того. Как устучок, все продвигался и продвигался вглубь, в самое нутро деревенской жизни.

Дорога вон сейчас к Белой тянется, насыпь сделали, щебенку втрамбовали, на будущий год асфальтом будут заливать. А кто выхлопотал? Ольга. Обивала пороги сначала в правлении колхоза, что расположено в большой, всю округу подмявшей деревне, потом в райисполкоме, райкоме партии, до области дошла.

— А вы кто? Депутат? — спросили у нее однажды строго.

— Нет, — смешалась истица.

— Ну и езжайте назад.

Уехала. И вернулась депутатом. А чего — приехала несолоно хлебавши из области домой и пошла по дворам: мол, если хотите, чтоб дорога-таки была, выбирайте депутатом. Ее и выбрали в сельсовет.

«Своего» сельсовета в Белой, как уже упоминалось, нет. Он общий на несколько деревень, и вообще-то партком колхоза рекомендовал кандидатом в депутаты другого человека, жителя соседней деревни — и депутатом Белая была обделена! — а Белая вдруг уперлась, чего за нею сроду не водилось. Покладистая была старушенция, а тут ни с места. Свой долгон быть депутат, и все тут.

Дважды проводили собрание. Поскольку клуба в Белой нет, а единственное общественное помещение — бывшая некогда контора бригады помещает не более пяти человек и тех только стоя и при условии полного воздержания от курения, ибо процесс курения предполагает не только выдох, но и вдох, а бельский старик, он, может, и мрет частенько по причине жестокой махорочной затыжки, так вот, собрание вынуждены были проводить прямо на свежем воздухе. Под липами. А раньше ничего, обходились заброшенной конторкой, ибо все равно больше пяти человек те собрания никогда не собирали. Трое некурящих: бабка Пелагея, бабка Степанидида и баба Феня — и бывший бригадир, ветеран Великой Отечественной, инвалид Иван Степанович Тырин. Да еще — впритык к подоконнику — уполномоченный от правления или парткома колхоза. Представитель центра. Вот и все собрание независимо от повестки.

Так было раньше, а тут столько желающих собралось, что собрание, повторяем, пришлось перенести на воздух. Под липы. Дважды собирались, дважды секретарь парткома привозил под липы кандидата из соседней деревни, и Белая дважды его отвергала. Собирались бы, может, и третий раз, да взял слово сам кандидат и сказал, что больше ноги его в Белой не будет. Насильно мил не будешь, пусть выбирают, кого хотят. Они ж думают, что депутат сельсовета — это шишка на ровном месте, а на самом деле... И кандидат, а он, надо сказать, был из проверенных, многолетних, записных депутатов, вяло махнул рукой и зашагал прочь, не откликаясь на сердитые призывы секретаря парткома.

Так кандидатом, а потом и депутатом стала Ольга. И на следующий же день после выборов — еще с временным удостоверением — махнула (в Белой говорят: «майнула») в область. И вот ведут, пусть долго, пусть без конца спотыкаясь, и все-таки ведут. И начальную школу открыли в Белой. Школу, правда, тоже трудно пока назвать школой. Просто есть в селе старый-старый, еще с купеческих времен, фельдшерский пункт. И вот одну комнату фельдшерского пункта отвели под начальную школу. Под начальный класс — прорубили отдельный ход, завезли легкие современные парты, которые вместе со своими непосредственными седоками перемещаются по крашеным полам, как сорконожки. Восемь парт завезли, хотя седоков только четверо. Поначалу вообще только трое было: первый класс, второй и третий.

Первый — это Алеша Фролов, который воспитывается в селе у своей бабки. Его так и зовут: воспитанник. Бабка несколько раз пыталась сдать Алешу в детдом или в интернат, но Алеша из казенных заведений всякий раз сбегает и вновь оказывается в Белой. Он и от родной матери своей, бабкиной дочери, проживающей не то в городе, не то рядом с ним, сбегает в Белую.

Второй была Маша Федорова, дочка фельдшера и его жены Анюты, по специальности водителя трамвая первого класса, которая «из принципа», чтоб подчеркнуть временность своего пребывания в «этой дыре», не устраивалась в Белой ни на какую работу, числилась уборщицей при фельдшерском пункте и школе, благо, что полы на своей половине мыл — под надзором жены — сам фельдшер. Да и то верно: работы по специальности фельдшерской жене не было: трамваи в Белой не бегают...

Третий — Вася Петров, сын матери-одиночки.

Четвертый — опять же Алеша Фролов — за эти годы он дошел до четвертого класса, но увести в интернат его невозможно, бесполезно увозить, все равно сбежит, вот и учит его Ольга сама по всей программе четвертого класса. И языку, и природоведению, и математике. А в конце учебного года Алеше предстоит сдать экзамен за четвертый класс в нормальной школе. Ольга уже сейчас волнуется за экзамен: сдаст его Алеша или нет. Вроде как сама собирается сдавать. А вот Алеша — тот ничуть не волнуется. Он согласен и на второй год остаться в четвертом классе, лишь бы

в Белой. За что Ольга не переживает — так это за природоведение. У Алеши Фролова природоведение от зубов отскакивает.

Алеша Фролов, первый Ольгин первоклассник, уже в четвертом. А вот парта первоклассника второй год пустует. Не хватает первоклассника в Белой. На очереди только Ольгин сын, самый маленький житель Белой. Но даже если он пойдет в школу с шести, парте еще пустовать два года. И все же, когда закупали парты, Ольга потребовала, чтобы приобрели с запасом. «А то знаю вас: потом не допросишься», — заявила председателю колхоза. Запас карман не тянет, считает Ольга. А вдруг случится кто в Белой?

— Сама-то рожать собираешься? — спросил тогда председатель, давно махнувший рукой на Белую — списать бы деревню, да и дело с концом.

— Я? Я вам еще полколхоза нарожаю, — пригрозила тогда Ольга.

Впрочем, парта первоклассника не пустует. За нею второй год восседает Ольгин первенец. Детского сада в Белой тоже нету. Так что и фельдшерский пункт, и школа, и детский сад — все под одной крышей.

Ольга ходит от парты к парте, объясняет вполголоса уроки. Вполголоса, чтоб, объясняя одному «классу», не мешать «самостоятельной работе» другого. Она по этой причине и голос свой меняет, разными голосами разговаривает с разными классами. Голос у Ольги хороший, полный, девчонкой еще в хоре пела, и ей никакого труда не составляет подобрать для каждого «класса» свою тональность. Так и детям интереснее, да и самой Ольге. У них и самостоятельность в школе имеется. Под праздники приглашают прямо в школу на концерты родителей. Строго говоря, родительница здесь одна — мама Васи Петрова, но народу набивается полный класс. В Белой проснулся вдруг интерес к искусству. Весной и летом «школа» поет, пляшет, стихи рассказывает под липами — места больше. Просторнее. И Ольга вместе со своей школой тоже пляшет, стихи читает, поет — опять же вполголоса, чтоб не заглушать, не забывать тонюсенькие, нарождающиеся голоса своих питомцев.

Но что бы Ольга ни делала, кому бы и что ни объясняла, а всегда чувствует на себе внимательный взгляд сына. На уроках с ним Ольга не разговаривает. Он сидит в среднем ряду («ряд» — один человек, вернее, один человечек и еще две пустые парты). И куда бы ни двигалась, ни перемещалась, ни неслась Ольга по комнате — ко второму классу или к третьему, — а сын всегда оказывается на ее пути. В центре. И всякий раз она на мгновение задержится, присядет, смежив крылья, поглядит, потреллет летя по голове и летит дальше. Говорят, птицы, когда летят через моря, обязательно отыщут заветный островок и спустятся. Передохнуть. Так и Ольга спускается.

Но говорить она с ним не говорит: тем ласковее ее интонации, когда она говорит в классе с другими. Объясняет, спрашивает. Потому что ей кажется, будто она говорит и для него. И с ним говорит, разговаривая с чужими детьми.

С нею вообще чудные вещи происходят после замужества. Ей все время кажется, что она на виду у мужа и сына. На все, что ее окружает, смотрит своей любовью к ним. Мужа любит без памяти. Врубилась. Летом дни длинные, так если муж работает в поле, Ольга за день обязательно к нему. Да еще и не один раз. «Тормозок» соберет, сына подхватит и через луг прямо на шум трактора. Мужнин тракторишко, что день-деньской стрекочет, невидимый, где-то по периметру здешних полей, Ольга узнает, как запечного сверчка. По голосу. И будь она в школе, будь она в доме, во дворе ли, в огороде — везде этот голос слышит. Различает тонкое его, невнятное токование. Отмечает его: что б ни делала, что б ни говорила, кого ни слушала — держит в сознании эту незримую прядущую нить. Поет сверчок, и спокойно, сладостно ей. Поет, и все вокруг до того самого, сливающегося с горизонтом, периметра — ее, Ольгин дом. Этот невнятный стрекот и очерчивает круг ее дома.

Когда она явилась к нему в поле первый раз, муж удивился:

— Ты чего это?

— Соскучилась, — ответила она.

Взяла его ладонь, твердую, горячую, просунула к себе за пазуху. Благо лифчиков тогда не носила, да они и сейчас ей без особой надобности: сына выкормила, выпоила, а грудь так и не израсходовалась, не обмякла, не обвалилась в замужестве, напротив — подошла, подперла, как на дрожжах, еще выше. Он понял ее по-своему, лежали они в ложинке на обочине маленького, как ячейка в сотах, поля, одни-одни — и перед небом, и перед землей. Вся осень та была на редкость теплой, травка в ложине была не просто зеленой, мягкой, пуховой, она еще и расти умудрилась, у нее был свой подгон, подрост, и Ольге казалось тогда, что она слышит, как растет трава. Ей казалось, что трава растет, прорастает, шевелится, через нее. Вот ведь как: земля готовилась, отходила ко сну, а Ольга только-только вступила в свою женскую зачинающую пору, а тут вдруг они объединились в одном, животворящем порыве. Движение соков.

Прыгать с парашютом ночью приходилось немногим даже из тех, кто шел на свое последнее десантирование. В докладах вышестоящим штабам ночные прыжки фигурировали нередко. Но «ночными» они были условно: к моменту выброски, как правило, сумрак рассеивался и рельеф земли пусть не очень четко, но все же вырисовывался уже холмами, низинами, кустарником. Значит, можно было достаточно точно рассчитать миг касания с земной твердью, сгруппироваться, подготовить тело к удару. В ночной же мгле

встреча с землей, как бы ты ее ни ждал, всегда внезапна.

За сутки до начала учений в полку ощущалась некоторая нервозность. В основном среди офицеров. Их можно понять: ночные прыжки сопряжены с естественным риском, контролировать раскрытие куполов снизу невозможно, а за жизнь каждого солдата, что бы ни случилось, отвечает офицер. Так же, как и за сохранность десантируемой техники.

С особой тщательностью проводилась швартовка боевых машин, предпрыжковая подготовка, укладка парашютов. Малейшая ошибка при швартовке, нечеткая реакция солдата при работе на десантных тренажерах — и все начиналось сна-

чала. Люди изматывались на дневных и ночных тренировках, валялись спать как подкошенные, забывая о еде и перекурах. Но никто не роптал, понимая, что на то и полковые учения, чтобы учиться военному делу с полной отдачей.

Я вообще заметил, что в армии никогда и никто не сетует на трудности, если идет нормальная военная работа. Люди могут из последних сил преодолевать штурмовую полосу, доводить до высшей степени надежности свою боевую технику, изнурять себя в марш-бросках, в спортгородке, на занятиях по маскировке. Потому что это напрямую связано с их главным делом. Но едва в их работе исчезает изначальный практи-

ческий военный смысл, а это понимается сразу всеми, отдачи не жди.

В парашютно-десантном полку случались рецидивы такого рода. Помню, как один из штабных офицеров посылал солдат несколько дней подряд выпалывать из травы одуванчики, которые, на его взгляд, портили вид городка. На следующее утро цветы желтели вновь. Но офицер был последователен в своей нелюбви к одуванчикам, благо бессмысленной работой приходилось заниматься не ему.

В день начала учений напряжение спало. Действия подразделений и каждого человека в отдельности подчинились жесткому графику, распisanному по минутам. То, что не

Владислав ЯНЕЛИС.
Фото Евгения СТЕЦКО.
Специальные
корреспонденты «Смены»

Глава седьмая

ТЯЖЕЛО В УЧЕНИИ...

БИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ «СМЕНЫ» —

девять парней одного призыва

было сделано накануне, теперь исправлять поздно. В оставшиеся часы можно и нужно единственное — снять у людей остатки нервозности, нацелить их на выполнение предстоящих конкретных задач, поднять дух у тех, кто шел на подобные учения впервые. Это в основном ребята из весеннего призыва. У них мало опыта десантного опыта, недостает и психологической тренированности.

Нахожу Сергея Капешко в компании Умрбека Курьязова и Рамигуса Житинявичуса. Смуглолицый, скуластый Умрбек что-то вычерчивает палочкой на песке, объясняет Сергею: — Машина снимает верхние коробки — эти, эти, эти. — Умрбек яростно зачеркивает часть своих караку-

лей. — А эти только руками возьмешь, нет еще такой машины, не сделали...

Догадываюсь, что речь идет о хлопке. Рамигус в разговоре не участвует, он по другой части, но дипломатично кивает, соглашаясь с доводами и того, и другого. Зенитчик Житинявичус и пулеметчик Курьязов — солдаты последнего весеннего призыва. Хорошие парни, работающие, добросовестные. У обоих по пять прыжков, опыт батальонных учений, не совсем, правда, удачных для Умрбека. Порывом ветра его отнесло тогда километра на два от ближайшего пункта сбора. Курьязов мог еще в воздухе сократить это расстояние, если бы попытался подру-

лить стропами, но растерялся, перезабыв все наставления по управлению куполом в небо. Пришел Умрбек на пункт сбора с опозданием, заикаясь, объяснил, что долго плутал по кустарникам, прежде чем отыскал тропу.

Понимаю, что Капешко около молодых не просто так. У него свой интерес: прощупать настрой ребят, если надо, поддержать морально. Сергей с мая комсорг батальона, как-никак должность прапорщика. Но известно, что не должность красит человека, а наоборот. Из Капешко комсорг получился не очень типичный, я, во всяком случае, таких в армии встречал не много. Он не любит бумажной работы, терпеть не может тереться возле начальства, не ищет для себя никаких поблажек. Совершенно искренне считает, что расписание для него обязательное, как и для любого солдата. Если батальон трудится в парке, Капешко надевает комбинезон и идет вместе со всеми возиться с техникой. Хотя мог бы, сославшись на обязанности секретаря, тихо «приводить в порядок документы».

На последнем марш-броске Сергей по своей воле шел с ротой и присматривался к молодым бойцам, а когда требовалось, поднимал настроение шуткой. Идти тридцать километров. На полпути рядом с колонной тормознул «Урал», везший военное имущество. Знакомый офицер окликнул Капешко, предложил подбросить до полка. Тот мотнул головой.

— Спасибо, я останусь с ротой.

Офицер захлопнул дверцу.

— Ну, дает парень, за два года, видать, еще не устал.

Да вот не устал. И Ваня Михайлов не устал столJARничать в личное время, копаться в своей каптерке, наводить лоск, хотя давно сержант, казалось бы, ходи да посматривай за другими. И Саша Живодров не устал таскаться со своим ЗРК, работать на тренажере зенитно-ракетного комплекса, до автоматизма отшлифовывая каждое движение. Да и многие из них, солдат последних месяцев службы, совсем даже не расслабились, хотя вроде бы «старички», не научились перекладывать со своих плеч военную ношу на чужие, еще не расцветшие сержантскими лычками. Напротив, берут на себя самое трудное.

Я вижу в этом даже не временное — нравственное взросление, более важное, чем узкопрофессиональное военное. Накануне, когда роты получили походное имущество и надо было доставить его со складов, за это взялись Михаил Апанасенко, Александр Живодров, Сергей Ковалев и Анатолий Гириш, худой, высокий, немного нескладный, тоже призывавшийся из Витебска.

Утром этого дня у Капешко был подобный конфликт с комбатом. Сергей обратился к Анищенко с просьбой разрешить ему пройти учения в составе четвертой роты рядовым стрелком. Просьбу обосновал: комсорг должен быть с личным составом на самом трудном участке. А комбат ему: ты нужен при штабе, и все тут. И я майора понимаю: иметь такого парня при себе в сложной обстановке учений всегда нелишне. Но Капешко так просто не отступился.

— Разрешите повторить просьбу, товарищ гвардии майор. Личный пример агитирует сильнее, чем самые пространственные беседы. Поэтому считаю, что мое место в роте.

Анищенко даже оторопел. Навис над Капешко со своих ста девяносто сантиметров.

— Учить меня, товарищ гвардии старший сержант, не советую. Мне виднее, где кому быть. — Перевел дух, немного оттаял. — Ладно, пойдешь в составе резервной группы, радистом.

За четырехэтажной казармой в специальной песочнице подготовлен макет района учений. Дизайном он не блещет, но все ориентиры на нем проработаны в точности — ручьи, болота, низины, поселок, узел связи «противника», расположение боевой техники. При высокой эффективности современной авиационной фотосъемки сделать такой макет не-

сложно. Необычным мне показалось другое: свои действия проигрывала на будущем поле боя каждая рота, каждый взвод, отделение. В этой военной игре не было пассивных наблюдателей, принимать решение должны были все, на кого укажет офицер, давая очередную «вводную».

— Житинявичус, вы правофланговый, заметили разведгруппу противника, ваши действия?

— Поднял левую руку, сделал мах, убедился, что сигнал принят...

— Сметаников, отвернитесь от макета... Так. Какое расстояние от кустарника на месте приземления до ручья?

— Три километра двести метров.

— Ну уж и двести?

— Прыгнем — измерим, товарищ гвардии старший лейтенант.

— Ладно. Как будете ориентироваться в расстоянии до земли?

— Как только линия горизонта оказалась на уровне груди, считай, земля близко, выноси ноги вперед.

— Почему вперед?

— Трава скользкая...

Эти предбоевые тесты — игра, но игра для взрослых, которая развивает зрительную память, приучает к самостоятельности в оценке ситуации, к быстрому реагированию на изменяющуюся обстановку. И, хочу это подчеркнуть особо, воспитывает не «механизм, артикулом предусмотренный», а личность, мыслящую боевую единицу. Люди должны понимать — любой маневр в бою вызван не прихотью командира, не приказом, а необходимостью.

— Ковалев, вы обнаружили, что кончились патроны, в самый неподходящий момент.

— Остались гранаты, товарищ гвардии старший лейтенант.

— И их не осталось.

— Возьму у товарища.

— Товарищ далеко.

— Есть штык-нож.

— То-то, Сергей.

...В половине первого ночи батальон Анищенко вышел на погруженный в тишину аэродром. Черными гигантскими силуэтами громоздились в фиолетовой мгле «Ил-76». По ВПП скользили, то и дело скользкаясь, лезвия прожекторных лучей. Гулкое эхо шагов часового отзывалось на всем пространстве аэродрома.

Часом раньше поднялось в небо звено транспортных самолетов с первой группой десанта. Задача этой группы — захватить плацдарм в тылу «противника», стянуть на себя его силы, чтобы дать возможность второму батальону атаковать зону «Б» с наименьшими потерями. Зона «Б» — условное название комплекса оборонительных сооружений, прикрывающих крупный узел связи. После его уничтожения батальоны действуют уже вместе.

Анищенко разрешил открыть сухпаек. Теперь вещмешки хоть немного сбавят в весе, да и настроение у ребят поднимется. Слышу голос Олега Сметаникова: «Банки — в одно место, все аккуратно закопать...» Гвардии младший сержант Сметаников месяц назад принял отделение. Первые дни стеснялся своего командирства, не приказывал, а вроде бы уговаривал: «Ребята, надо бы выделить кого-то в наряд по кухне» или: «Сходил бы ты, Резниченко, на склад за тельниками, а?».

На ротных учениях отделение замешкалось, прозевало цель, едва не скатилось в отступающие. Олег понял: его вина. Мягкий по натуре, всегда ровный и дружелюбный, он вынужден был переступить через себя, проявить командирскую требовательность. На него за это поначалу обиделись, закадычный друг Олег Резниченко — и тот съязвил: «Что, Сметана, лычки отработываешь?» Но и он скоро осекся, уразумел, что от панибратства и деликатничанья страдает дело. Подошел, извинился. Так и пошло: служба — святое, тут Сметаников — товарищ гвардии младший сержант, командир и авторитет, вне службы — прежний Сметана, свой в доску парень, верный товарищ.

...Маленький черноусый радист прорезал плечом шеренгу, вынырнул из темноты перед комбатом, придвинулся к нему вплотную.

— Товарищ гвардии майор, первый батальон уже на земле, передает, что начал работать.

— Добре. — Анищенко поглубже натянул шлем на голову. — Нам, значит, пора.

Лучи прожекторов замесились по полю, скрестились на бетонке, высветив двинувшуюся колонну. Рванули протяжным пронзительным свистом двигатели оживших «Илов», вспыхнули габаритные огни на фиозеляжах. Часовой на ВПП замер, провожая глазами колонну. И мне увиделась в его глазах зависть к ухажившим в ночной десант сверстникам, зависть, которую должен испытывать каждый нормальный человек, остающийся на земле, к тем, кто уходит в небо.

...Мы нашли батальон Анищенко уже намертво вцепившимся в седое от инея поле и занявшим круговую оборону. Они лежали на мокрой стерне, содрогавшейся от взрывов, дожидаясь, когда наступит миг атаки. А она была невозможна без артиллерийской поддержки БМД, которые никак не могли выкарабкаться из болота.

Над полем ветром несло клочья предутреннего тумана, смешавшегося с кислотатом, едким запахом лопающихся зарядов. Михайлов обратился к комбату:

— Разрешите к безмешкам сгонять, товарищ гвардии майор, я их потроплю.

Комбат (на комбинезоне сухого места нет), не оборачиваясь, не отрывая глаз от бинокля, кивнул:

— Давай, Ваня, вырви их из болота, хоть зубами, хоть чем, иначе наше дело швах.

Слева по краю поля вдоль кустарника вытянулась цепью рота гвардии старшего лейтенанта Мацнева. Она огрызается короткими очередями. Где-то там сейчас Сметаников со своими ребятами. Им сейчас труднее всех, противник обтекает роту с двух сторон, пытается отжать к середине поля, на голое, как колено, место, где десантники будут на виду.

Апанасенко с рацией возле комбата. Придерживая одной рукой наушники, другой стаскивает сапоги. Чертыхается, выплескивает из них воду, долго мучается, натягивая обратно на разбухшие портянки. Вдруг Михаил замирает, шевелит губами, про себя повторяет текст, кричит комбату в ухо, перекрывая голосом автоматные очереди:

— «Первый» спрашивает, почему мы не начинаем. Просит ускорить атаку...

Офицеры склоняются над картой. Принято решение активно имитировать оборону, послаив тем временем одну из рот в обход «противника» через поселок. Только бы ей удалось скрытно подойти к объекту, захват которого — задача номер один. С ротой отправляется замполит батальона гвардии капитан Сергей Коркуть. Бессменный знаменосец, не раз проносивший знамя полка по Красной площади в Москве, он почти двухметрового роста. Ни один вещевой склад не взялся бы обмундировать Коркутя из готового. Все шьетса капитану на заказ, от тельников до сапог. При этих габаритах замполит удивительно легок в движениях, обладает превосходной реакцией, владеет приемами боевого самбо. О физической силе Коркутя ходят легенды. Рассказывают, что он однажды буквально вынес на руках из кювета легковую машину. Что может стоять, выдерживая на своих плечах гроздь из четырнадцати человек. Как бы там ни было, я не завидую тем, кто встретится с ним в рукопашной схватке.

Спустя полчаса, прошедших в отчаянной перестрелке, когда две роты работали за три, мы услышали у себя за спиной рокот несущихся по полю БМД. Из передней машины торчала голова Вани Михайлова. Боевые машины десанта вспахивали стерню, стреляли на ходу, уходили зигзагами из прицелов гранатометов «противника». Комбат

встал в полный рост. Повернулся к Апанасенку.

— Передай «первому»: мы идем...

Потом был бросок через поле и кустарник, через ручей, заливавший их по грудь, через заболоченные камыши, хлеставшие по лицам тяжелыми початками. Потом батальон вскарабкался на холм и, смая оборону «противника», обрушился на узел связи. Я видел, ощущал, как трудно дался этот бросок по пашне даже самым тренированным. Видел, как они бежали, превозмогая себя, падали и поднимались, как кубарем скатывались с пригорка. Как сбивалось дыхание, пот заливал глаза, ноги, деревенея, увязали в черном месиве пашни. Но они добежали, и у них хватило еще сил на отчаянную рукопашную схватку.

Пока десантники кромали телефонные кабели, а группа саперов готовила к взрыву узел связи, отыскал Анищенко.

— Ну что, Александр Васильевич, как батальон?

— Нормально. — Он смахивает ладонью с усов налипшую землю. — Двое всего и выдохлись на броске, пришлось помогать ребятам. А ведь оба второго года службы, бывалые ведь парни... Не понимаю...

Один из тех двоих — бывший сержант, ныне рядовой Леонид Архиповский. Я мог бы умолчать этот факт, но считаю, что не вправе давать повод солдатам батальона сомневаться в объективности нашего журналистского исследования. В то же время я уверен, что Леониду хватило бы сил на этот бросок, если бы хватило воли. Он развит физически лучше многих своих товарищей, но он так и не научился превозмогать себя, выкладываться до конца...

Еще через полчаса «убило» комбата. Его попросту вывели из учений, как сраженного снайперским выстрелом. Анищенко развел руками, пробурчал что-то в сердцах и передал свой планшет гвардии капитану Зиброву, принявшему командование батальоном. «Убитый» комбат не имел права вмешиваться в ход событий, и я видел потом, как ему давалось это невмешательство, когда кто-то медлил с выполнением команды или демаскировал батальон. Зибров недавно из Афганистана, принес с собой практический боевой опыт, который кое в чем расходился с предписаниями уставов, во всяком случае, несколько их упрощал. Наш же посредник был склонен к точному соблюдению уставных параграфов, и поэтому Зиброву приходилось нелегко.

При выходе из зоны «Б» батальон оказался уложенным на землю «ядерным» взрывом. Наблюдая, как распыляется в небе безобидное черное облако, можно было лишь предполагать истинные масштабы бедствия, будь этот взрыв не учебным. Но действовать теперь предстояло в условиях зараженной местности. Натянув на себя костюмы химзащиты и противогазы, десантники все стали похожи друг на друга. Батальон как бы обезличился, и очень не скоро мы смогли отличить командиров от рядовых.

Только однажды совсем близко блеснули за круглыми стеклами противогаза веселые глаза Вани Михайлова, отправлявшегося куда-то в составе разведдозора. И еще, пожалуй, безошибочно я мог определить местонахождение Апанасенка, не расстававшегося с рацией.

Их ждало впереди еще немало испытаний. Батальонам предстояло отражать танковую атаку: прижавшись к дну наскоро вырытого окопа, пропуская над собой многотонные бронированные машины, тут же подниматься и бросать им вслед гранаты. А на исходе дня на огневом рубеже, успокаивая дрожь в уставших мускулах, наводить на цели автоматы и гранатометы. И помнить при этом, что каждый неверный выстрел рикошетом ударит по боевой репутации их взводов и рот.

Забиться в коротком сне на жидком ланчике они смогли только на двадцать восьмом часу учений.

МОЕЙ СУДЬБЫ КОЛОКОЛА

Ирина ПАНОВА

Издавна пытаемся мы объяснить себе феномен поэзии — простые, обычные, обиходные слова обретают вдруг незримые крылья и невидимые краски, призывно и магически откликаются в сердце, щемяще и яростно проникают в сознание. Слова эти требуют ответа, будоражат душу, особым настроением и светом озаряют день. Много неизъяснимых оттенков сопереживания пробуждается в тебе, как благодарное эхо, гудящее в напряженных, упругих строчках, заключивших в себе золотые зерна живых чувств. Чувства эти оставлены нам как завет, как наследство, как заклинание.

В стихах Ирины Пановой все это выпукло и крупно. Добро, оставленное миру, свет, посвященный людям, щедрость, завещанная друзьям. О стихах Ирины Пановой говорить нелегко. Их, как музыку, надо слышать. Надо настроить слух. Надо читать в тишине и безмятежности. Читать, чтобы поклониться ее мужеству и великодушию.

Ирины Пановой сегодня нет с нами. Она рано ушла из жизни. Жизнь ее была подвигом. Она повторила судьбу Николая Островского. Потеряв способность двигаться, тяжело больная, она нашла в себе душевные силы — заставить душу трудиться. Она стала поэтом. Она дарит себя всем нам, и поэтому жива в своих выстраданных строчках, и поэтому она и сегодня с нами.

Людмила ЩИПАХИНА

Опять весной, не самой ранней, где предпочтение — плащу, в тумане собственных желаний никак себя не отыщу. Я столько раз ее встречала, что изучить давно пора и говорливое начало, и грозные вечера. Но, удивляясь ей, как прежде, за переменами слежу, и для несбыточной надежды я снова место нахожу.

Белые ночи

Все вокруг светло и темно. День ушел за окоем. Зачарованное небо дышит солнечным огнем. Оттого не спится ночью. Я «настраиваю» взгляд и хочу узнать воочию, что рассветы говорят. Рассветает? Расцветает. Но слова — моя ль вина? — до меня не долетают. Только музыка слышна.

Могу споткнуться я о строчки, слова ночами повторять, и все болезненные точки на день вчерашний примерять. Но не дается повторенье похожим чувствам и мечтам: сначала будет удареенье стоять не так, потом не там. А мысль? Нежданной и немилый удасться вновь наверняка ударить с той же самой силой, как было в прежние века.

Памяти лица

Нет, не дано узнать перу (слова всегда излишне четки), что снится Царскому Селу весенним утром голубым, когда на молодом ветру

дрожат чугунные решетки, на необъявленном балу всех ждет решение судьбы.

Хоть устарел его фасон, но я испытываю зависть — так много видел не во сне непостаревший старый сад. Пусть все забудется, как сон, но я запомнить постараюсь, как, отряхнув последний снег, идут шеренги колоннад.

Не повзрослевшая орава — летят шальные облака. Но разве им дается право глядеть на землю свысока?

Как будто силу получили не от ее веселых вод, как будто сами покорили многоэтажный небосвод.

А то, что ветер рвет их в клочья, они считают пустяком. Гроза, наверно, будет ночью — все в настроении таком.

Взлетает пух, на снег похожий, пора цветения пришла. Но как обидно в день погожий ненастье ждать из-за угла!

Весенняя метелица

Ох, метель, метель, ты метелица, заработала, словно мельница: все-то крутится,

все-то вертится, что весна пришла, и не верится. Разумеется, все изменится, и умоется, и согреется, в тополиный пух день оденется, и закружится вновь метелица — в танец радостный

мне поверится...

Я хотела улыбку поймать — ведь она где-то рядом летала. Как порою

непросто понять, почему она греть перестала. А была так близка и ясна, хоть портрет нарисуй

за мгновенье...

Знать, в окно залетела весна — это было ее дуновение.

Вновь не живу, а вспоминаю, как я в лесу, как на лугу приветы лета принимаю. А вот — стою на берегу, волне навстречу уплываю...

Так от самой себя бегу, но никогда не убегаю.

То ли снег, то ли дождь — не поймешь. Даже в мыслях, увя, непогода. Каждый день

с нетерпением ждешь, что тепло нам подарит природа. Листья черные. Между ветвей замелькали знакомые птицы, верны древней привычке своей... Вот и нам бы

с весной примириться и припомнить, что станет она и теплей, и ясней, и желанней... Ведь не зря же нам память дана о мечтательной юности ранней.

Забытое наполовину из старой памяти пришло, и мыслей целую лавину оно с собою принесло. Волна моих воспоминаний, куда меня ты унесла!

Ведь я не помнила названий, а ты их в памяти нашла...

Весна была у каждого своя. Надеждами, любовью одарила, но все же об основах бытия нам главного еще не говорила.

И каждый ненароком и тайком умел нырять в весну, как будто в омут, и точно знал, что в омуте таком вдвоем и при желании не тонут.

Не забывают первую любовь, она в сердцах навеки остается, и если мы о ней припомним вновь, то издали светло нам улыбнется. Пусть даже безответною была, но все равно

нам целый мир открыла. Покажется, давно она ушла, так почему же вновь заговорила? Свиданий первых робкие слова, прикосновений легкие тревоги... Порою закружится голова от радости, потерянной в дороге. У юности есть силы, но, увя, она еще не ведает терпенья, и если чувства беречь не стали вы, то им тогда отводится мгновенье. Но без терпенья жизни не сложить, об этом узнают навного позже. Не всем дано умение — любить. Кто любит,

тот за все ответит строже.

Звучат вдали серебряные трубы — то журавлей прощальных голоса. И вслед им

«до свиданья» шепчут губы, и тихо машут ветками леса.

Сначала мы не чувствуем их дара, потом запоминаем этот звук. И в зеркале осеннего пожара вдруг влюбимся в звучанье искр вокруг.

Рисунки Владимира Зайцева

Смотры-конкурсы хороши тем, что позволяют сразу, одним взглядом, обозреть, сравнить и оценить представленные, скажем, новые модели велосипедов или резиновых сапог, кухонной утвари или книжных полок, детских колясок или обоев. А тут... На зеленой глади Тушинского аэродрома в Москве, завораживая и восхищая, предстало более ста необычайных летательных аппаратов. Даже у бывалых летчиков загорались глаза при виде то пароплана, то дископлана, то махолета, мотоделтаплана, то мини-вертолета или такого крошечного самолетика, что взвали себе его на плечи и неси, как детскую игрушку. А мини-самолет не игрушка. Он летает да еще с человеком на борту. И все диковинные аппараты, выставленные на берегу Москвы-реки в Тушине на смотре-конкурсе «СЛА-87» — IV Всесоюзном смотре-конкурсе сверхлегких летательных аппаратов любительских конструкций, — все предназначались для работы в небе.

Удивительный это был смотр-конкурс! Ходил я по травяному аэродрому от самолета к самолету, от паролета к мотоделтаплану и все думал, как блистательно талантливо «самодельщики», какой каскад необычайных идей и творений, какой стусок дерзновенных технических решений продемонстрировали они на смотре! Но возникало и множество вопросов. Первый. До каких пор будет оставаться «белым пятном» славная, полная героизма история нашей легкомоторной авиации? Почему молодежь, идущая в аэроклубы, не имеет ясного представления о том, как создавался Центральный аэроклуб, а он — детище комсомола, ОСОА-ВИАХИМа и Военно-Воздушных Сил страны. На строительство Тушинского аэродрома приезжали вместе с молодыми рабочими заводов и фабрик Москвы секретари ЦК ВЛКСМ Косарев, Горшенин, начальник ВВС Красной Армии Алкснис, председатель ЦС ОСОАВИАХИМа Эйдман, журналисты «Комсомольской правды» — все брались за лопаты, тачки, топоры и работали от души. Когда Тушинский аэродром был готов, он стал центральной базой учебной и спор-

тивной авиации. Сколько здесь было проведено смотров, конкурсов, перелетов!

С той поры прошли десятки лет, а я помню воздушную гонку по замкнутому кругу общей протяженностью 5000 километров, которая приковала к себе внимание едва ли не всей молодежи. Тогда в Тушине вышло на старт 34 легких самолета, в том числе и «самодельки», например, авиетка, построенная энтузиастами трамвайного депо. Почему забыто то, чем комсомол, советская молодежь могут гордиться? Почему история смотров-конкурсов легких самолетов начинается теперь с 1983 года, в то время как еще 60 лет назад, в Крыму, проводились Всесоюзные планерные соревнования-слеты, на которых демонстрировали свои планеры и самолеты С. В. Ильюшин, С. П. Королев, А. С. Яковлев, О. К. Антонов, М. К. Тихонравов? С планеров и авиеток начинали творить будущие выдающиеся конструкторы самолетов и космических кораблей.

Важно восстановить не только летопись замечательных «воздушных дел» комсомола, но и вернуть истории имена тех, кто так много сделал для развития и укрепления подшефного комсомолу Воздушного Флота, создавал учебно-спортивную авиацию.

Да и в послевоенной истории легкомоторной авиации были периоды, о которых вспоминать горько... Было время, когда запрещалось строительство «самодельок». Не сразу пришло разрешение создавать «на дому» самолеты и вертолеты. Но где их строить? Энтузиасты превратили сараи, чердаки и подвалы, даже навесы в конюшнях в стапели для строительства своих «воздушных кораблей». Об одном из таких «одержимых» — водителе грузовика из Фрунзе Викторе Дмитриеве — рассказала «Правда»: за 18 лет конструкторской работы на дому Дмитриев создал 18 моделей и последнюю — X-14 представил на смотр-конкурс. Это легчайший моноплан весом 46 кг с двигателем, кажется, от моторной лодки мощностью 42 лошадиные

силы. Дмитриев летает на своем самолете, а на ночь заносит его домой и держит под кроватью.

— Человек с давних времен стремился летать, как птица, — говорит Виктор Дмитриев. — Почему же меня считают чудаком?

Если бы один только Дмитриев задавал этот горестный вопрос. К сожалению, он не один — ко многим самодеятельным конструкторам проявляется такое же тупоумно-снобистское отношение: дескать, вот чудаки, занимаются «баловством», небо им нужно, будто мало дел на Земле.

Дел на Земле действительно много, но пришло время разумно и широко использовать небо. Я смотрел на молодых и седеющих рабочих, на совхозных кузнецов, водителей грузовиков, студентов, инженеров с заводов истроек, разговаривал с ними, желая понять, какие силы влекут их в небо. Какие решают они задачи? Ради чего выходные дни и отпуска корпят они над чертежами, из кусков поролона и гнутых трубочек конструируют аппараты, хранят их под кроватями, на чердаках? Только ради того, чтобы совершить полет на самолете или вертолете собственной конструкции, сделанном своими руками?

Небо зовет умных и смелых. Мальчишки мечтают о крыльях, бредят древним мифом об Икаре, полетевшем к небу на самодельных крыльях. Прошли века с той поры, когда фантазия создала Икара, а он живет и будет жить, жить в труде и невидимых подвигах юных конструкторов, занятых не сказкой, а реальным, будничным делом — производством доступных всем крыльев.

Летать? Конечно, летать! Зачем? Во имя спорта. Во имя развития Человека. Летать во имя выполнения

больших и малых работ в небе в интересах народного хозяйства. Инженер Ю. Макаров с огорчением отмечает: очень часто в народном хозяйстве используют большие самолеты и вертолеты, тогда как вместо них должны работать легкие, дешевые самолеты и вертолеты. Народному хозяйству давно нужен легкий одномоторный вертолет, пилотируемый который мог бы самостоятельно и инспектор ГАИ и лесной патрульный, и инспектор рыбоохраны, и геолог. А вместо маленького вертолета «гонят» Ми-8, рассчитанный на 12 тонн груза или 30 пассажиров. Его два газотурбинных двигателя по 1500 л.с. расходуют 650 кг топлива в час. Молодой электрослесарь Н. Демидов из Новошахтинска предложил свой вертолет «Горняк» с двигателем от «Жигулей», расходующим в час 10 литров автомобильного бензина. Эксплуатация «Горняка» в час — 35 рублей, Ми-8 — более 450 рублей. Это лишь один пример, показывающий, какой экономический эффект получит страна от широкого развития «малой авиации», повсеместного использования ее в сельском хозяйстве, на стройках, в геологической службе, связи, охране лесов, в санитарной авиации и, конечно, в спорте.

Воспитательное значение «малой авиации» так велико, что его не оценить никакими финансовыми расчетами. Вот сейчас многие молодые люди увлечены всяческими вокально-инструментальными ансамблями. К сожалению, репертуар большин-

ства из них вызывает огорчение и рассчитан он на то, чтобы «убить время», «полировать нервы слушающей». Находятся средства на приобретение дорогостоящей аппаратуры, на аренду помещений для ансамблей — ну, хорошо, пусть будет так. Но почему же мы при этом забываем об ольте драгоценной «воздушной работы», которой в недалеком прошлом славились комсомол и вся наша молодежь? Ведь было время, когда на площадях и в парках культуры стояли парашютные вышки, молодежь стремилась в аэроклубы, на планерные станции, в авиамодельные кружки. Как счастлив был комсомолец, когда получал право носить на груди парашютный значок или значок планериста! А теперь?

Почему на кино- и телевизионных экранах так мало хороших фильмов, воспевающих мужество, ловкость и таланты покорителей неба? Почему сведена к минимуму пропаганда достижений и перспектив развития

«малой авиации»? Почему средства массовой информации «проигнорировали» смотр-конкурс «самоделок» в Тушине? А уж где-где, а именно там, на старом аэроклубном аэродроме, ярко и красочно были представлены таланты, дерзновенные поиски и удивительные достижения будущих Королевых, Яковлевых, Антоновых, Ильюшиных, Тихонравовых.

Конечно, время вносит свои коррективы, и сегодня нужны новые формы и методы работы. Очевидно, важно поддержать опыт создания хозрасчетных аэроклубов, и не только аэроклубов, но и конструкторских бюро, способных создавать для

строителей и колхозников, геологов и лесников портативные, легкие, надежные и дешевые самолеты и вертолеты, которые были бы незаменимыми и в аэроклубах.

Давно существует в мире Международная ассоциация экспериментальной авиации — ЕАА, объединяющая более 1500 «самодельщиков» из 53 стран. Им оказывается помощь во время проектирования летательных

Прошел IV смотр-конкурс в Тушине, а каковы перспективы внедрения лучших моделей, удостоенных премий и дипломов? Что практически будет сделано для улучшения материально-технического снабжения «самодельщиков»? Когда они смогут вынести свои конструкции из-под кроватей, из сараев и чердаков? Когда и где будет представлена им возможность испытывать свои чудо-

ИКАРЫ!»

Евгений РЯБЧИКОВ,
лауреат премии
имени М. В. Ломоносова

Фото Владимира Чейкина

крылья? И когда перестанут смотреть на создателей «малой авиации» как на «чудаков» и пустых «фантазеров»? Не будем забывать: в США имеется более 12 000 аэродромов, которыми могут пользоваться тысячи и тысячи частных самолетов. Кругосветный полет легкомоторного «Вояджера» без посадки и без дозаправки в воздухе должен послужить для нас, страны могучей «большой авиации», той целью, которую мы можем и должны перекрыть. В Тушино я увидел такое созвездие талантов, таких самобытных конструкторов, что радовался и гордился, и так хотелось воскликнуть: «Держайте, Икары!» Перестройка и гласность не минуют ДОСААФ, не минуют всех нас, и произойдет крутой поворот к созданию подлинно массовой, подлинно народной, крайне необходимой стране «малой авиации».

аппаратов и их строительства; на мировых соревнованиях-смотре ЕАА демонстрируется до 8000 «самоделок». Почему наша страна не является членом ЕАА? И еще вопрос: почему у нас нет Всесоюзного общества любителей экспериментальных летательных аппаратов? Творческий союз дизайнеров есть, и это хорошо, но почему обойдены вниманием творцы насущно необходимой «малой авиации»?

"ВСЕ В ЖЕЗРМВУ"

С Ираклием Виссарионовичем Абашидзе мы встретились в Тбилиси, в его доме на улице Барнова. Задача передо мной стояла сложная — расспросить одного из старейших и интереснейших советских поэтов о роли и значении Пушкина в его жизни и творчестве. Предстояло коснуться темы глубоко личной, почти интимной — ПОЭТ В ЖИЗНИ ПОЭТА, — а это прежде всего предполагает большую и напряженную работу не столько ума, сколько души. И искреннюю заинтересованность сердца. Несмотря на то, что мы дали себе слово: Пушкин и только Пушкин! — разговор наш то и дело вырывался за рамки этой строго обозначенной темы и часто устремлялся к иным пределам.

Пушкин, как и все по-настоящему великое, не может быть объясним и понят лишь тем, кто можно выразить словами, обосновать установленными фактами и подкрепить нужными цитатами. Его феномен — нечто несравненно большее. Сегодня на сердцевины каждого образованного, каждого мыслящего человека. Даже тогда, когда мы этого не замечаем, когда между происходящим и Пушкиным вроде бы нет никакой прямой, зримой связи, он тем не менее с нами. Если хотите, Пушкин стал нашим мировоззрением и нашей жизненной позицией.

Никому и никогда не следует братья за него лишь только потому, что «так нужно». Хотя бы в силу того, что сам Александр Сергеевич всякого рода безразличия и бесцеремонности презирал:

*Поэт идет: открыты вежды,
Но он не видит никого;
А между тем за край одежды
Прохожий дергает его...*

Так вот, никогда и никому не следует уподобляться тому прохожему...

В мое детство Пушкин вошел наводнением. Мы жили в Западной Грузии, на берегу бурной, горной реки. По весне река разливалась неистово, волны проносились мимо нашего дома. Отец стоял у окна, глядя на этот поток, и читал стихи:

*Прибежали в избу дети,
Второпах зовут отца:
«Тятя! Тятя! Наши сети
Притащили мертвеца».*

В стихах слышалась тайна, какая-то страшная глубина. Пушкин вошел в мое детское сознание не игрой чувств и красок, не жизнелюбивым темпераментом, не озорством силы, как, наверное, правильнее было бы воспринимать его в детстве, а этой вот простотой, за которой тайна. Я, собственно, не могу даже сказать, что мы, грузинские дети, познакомились с Пушкиным. Чувство та-

кое, что мы его всегда знали. На стенах нашего класса висели портреты: Акакий Церетели, Илья Чавчавадзе, Пушкин. Он словно был всегда и был наш, свой.

Потом произошло «отпадение». В двадцатые годы, в начале тридцатых моей душой безраздельно овладел Маяковский. Он вообще оказал огромное влияние на тогдашнюю молодую поэзию. Мы все стали под знамена новой поэзии: старое долгой! Я перевел Маяковского, писал стихи про облигации займа и был счастлив. С классиками мы знаясь более не хотели. Грешили этим почти все. Алио Машавили написал поэму «Я и Бараташвили» — это был манифест отхода от традиций великого грузинского классика, который сыграл в нашей лирике роль, в известной степени аналогичную роли Пушкина в лирике русской. Мы не хотели плыть по старому руслу... Река вышла из берегов.

Поворот намечился в середине 30-х годов. Я был в составе грузинской делегации на Первом съезде советских писателей. Состоянию и проблемам грузинской лирики был посвящен специальный доклад М. Торшелидзе; и вот в докладе были взяты под защиту Шота Руставели, Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели. Классики возвращались. Но я не мог тогда представить себе всех масштабов этого возвращения. Сейчас ясно: это не был очередной «поворот». Это было именно возвращение. Воды Риони вернулись в свои берега.

Говорят, что Грузия — страна поэзии. Иначе и быть не может, коль с девятнадцатого века каждый грузин узнает имя Шота Руставели и его бессмертную поэму уже в колыбели. Это накладывает на нас чувство огромной ответственности, которое потом никогда не покидает с того самого дня, когда мы впервые берем перо в руки. Помогает ли Пушкин осознать главенствующие категории искусства, поэзии? Без сомнения...

Каким бы великим новатором ни был поэт, каким бы он ни был крупным явлением в литературе своего народа, он все же звено в единой цепи этой поэзии, этой литературы, он вырос на поэтических традициях своих предшественников, он продолжатель этих традиций, передающий эстафету последующим поколениям. А чем древнее та или иная литература, чем более богатыми традициями она обладает, тем больше в глубь веков уходят истоки поэтического слова.

Подлинный поэт — это всегда квинт-эссенция души народа. Он его выстрадавшая боль и спасительная надежда. Потому что он плоть от плоти его, кровь от крови... И один источник утоляет их жажду, одна земля дарит им пищу и кров... А значит, и радости, и печали у них общие.

Пушкин своим творчеством разве не доказал нам это? Доказал — как народный поэт, то есть как истинный художник. А дар или предназначение его талант — это не так уж и важно...

Как я пришел к пониманию Пушкина? Думаю, что произошло это незаметно, бессознательно и выразилось в том, что я захотел написать о нем стихи. Но

прежде чем размотать этот клубочек, вернусь назад, в далекое прошлое. «Все в жертву памяти твоей...» — скажу словами Пушкина.

Мои дошкольные годы — это годы первой мировой войны. Селение Хони, раскинувшееся у подножия Сванетских и Лечхумских гор, утопающее в тополях и кукурузе, высокой, как тополя. Призывников из нашего края отправляли по преимуществу на южный фронт. Во всяком случае, сведения о погибших и пропавших без вести мы получали в основном с этого фронта, и потому мне казалось, что война бушует где-то здесь, совсем рядом.

Первая запомнившаяся песня, которую пели взрослые, была имеретинская «солдатская». И первый плач взрослых, также врезавшийся в память, был плач соседей по погибшим сыновьям и родичам. Мои односельчане со страхом ожидали день завтрашний, так как не исключали возможности вторжения турок, опустошительные походы которых еще хорошо помнили хонские старожилы.

Много душераздирающих песен о погибших на войне пел нам, мальчишкам, старик сосед. По моему, большую часть из них он сочинял сам. Но он не умел писать. И мы, дети, с удивлением и радостью глазами, как соседи записывали эти стихи... Я и сейчас помню некоторые из них. Примерно тогда я и услышал из отцовских уст: «Тятя! Тятя! Наши сети...»

Поэтическое мое становление пришлось на пору, как я уже сказал, «отпадения» от Пушкина, когда классика была объявлена ненужным и вредным балластом, когда главным достоинством поэзии считалось ниспровержение всего устоявшегося и авторитетного, а главным мерилом — возведенная в абсолют патетика. Даже такой рафинированный, работающий на тончайших нюансах поэт, как Симон Чиковани, и то требовал «тянуть лирику по башке сапогом». А я, молодой, восторженный и не очень эрудированный человек, был всего лишь сыном своего времени. И все происходящее вокруг мне безмерно нравилось. Если первое мое стихотворение, написанное в возрасте десяти-одиннадцати лет, было посвящено цариче Тамар, то уже через шесть лет первое опубликованное в молодежной газете называлось «Дворник». Согласитесь, что такой резкий скачок в неокрепшем сознании — от возвышенного к земному — объясним только злобой, только взрывными, бурлящими буднями тех дней.

В 1923—1924 годах я начал посылать свои стихи в различные издания. С замиранием сердца просматривал свежие номера газет и журналов в нашей сельской библиотеке. Но тщетно. В 1926 году, окончив школу, не дожидаясь осени, я оказался в раскаленной, как сковородка, столице республики. Поступив в университет, я с головой окунулся в волны, плывать в которых давно мечтал, — посещал самые разнообразные аудитории, где шли нескончаемые споры о роли и назначении литературы и искусства, активно работал в кружке молодых писателей, который был организован при ЦК комсомола Грузии. С 1928 года начал печататься

систематически. А в 1931 году уже вышла моя первая книжка «Несколько стихотворений»...

Конечно, многое из написанного в те годы не свободно от нарочитой плакатности и схематизма, но ведь именно это мы и возводили тогда в принцип, именно это считали главным достоинством. В то время слова перестали быть просто словами. Мы мечтали без проволочек воплотить бесплотный звук в реальную, «из железобетона и стали», конкретность. «Индустриализация», «электрификация», «промышленность» — это даешь! Все прочее — химеры! И потому даже все самое великое было возможно только в союзе с обыденным и злободневным.

Теперь, с высоты прожитых лет, отчетливо видны и жестокие ошибки, и жалкие промахи, и смехотворные заблуждения... Но я ни о чем не жалею и — появившись у меня такая возможность — ничего не стал бы перелицовывать в своем прошлом. И не потому, что раз оно мое, то мне все в нем нравится, нет. Просто те дни были так до краев насыщены чистотой помыслов и напряженной искренностью побуждений, что добровольно отказаться от них из одной боязни показаться кому-то смешным и нелепым было бы подлинным кощунством и настоящей изменой. По отношению ко всему человеческому, что есть в человеке.

И если допустить, что поэт обладает возвышенным даром, что он действительно пророк, то это, несомненно, пророк, постоянно в себе сомневающийся. И сомнения эти могут умалить его только в глазах ханжествующих глупцов. Потому что именно сомнения и есть тот долгий, мучительный путь к озарению, к познанию истины, который рано или поздно, но проходит каждый настоящий художник. И зачастую ошибки такого пророка во много крат дороже нам открытых и произнесенных им истин. Пушкин великолепно сказал об этом:

*Во жалок тот, кто все предвидит,
Чья не кружится голова,
Кто все движенья, все слова
В их переводе наивидит.
Чье сердце опыт остудил
И забывает запретил!*

Исследователи «Витязя в тигровой шкуре» много пишут последнее время о том, что Руставели создал произведение, по структуре и философии прямо предсказывающее Ренессанс. Не куртуазный роман средневековья (который тоже ведь имел бы огромное значение хотя бы потому, что преодолевал воздействие на литературу богословских канонов), нет, именно возрожденческий философский апофеоз свободной личности был предвещен в грузинской поэзии великим Руставели. Но много времени должно было пройти, пока это предвещье стало вестью, пока завет исполнился.

Что произошло в грузинской поэзии после Шота Руставели? Создалось как бы два поэтических языка: церковный, старый, и светский, новый. Теперь из этой традиции было два выхода. Один — к живому народному языку. На этот путь стал Давид Гурамишвили. Другой — к высокой европейской поэзии нового времени. Это Николай Бара-

ПАМЯТИ ТВОЕЙ!

Ираклий АБАШИДЗЕ

ташвили. Именно Бараташвили вывел грузинскую лирику на европейский уровень девятнадцатого века. И тут я подхожу к главному: Бараташвили делал это рука об руку с Пушкиным.

...Пушкин всеобъемлющ. В нем все начала и все концы. В нем и народная глубина, и европейский блеск. Но я говорю о том, чем в тот момент Пушкин стал для нас, грузин. Нет сомнения, что Николоз Бараташвили знал лирику Пушкина еще до того, как первые пушкинские стихи появились в переводах на грузинский. Дело было не во влияниях, конечно, хотя и во влияниях нет ничего дурного: поэты должны влиять друг на друга, если смысл таких воздействий не в подражании, а в глубоком родстве поэтических систем.

Бараташвили был первым в новой грузинской лирике поэтом-мыслителем. Он вырвал грузинскую лирику из-под спуда восточной орнаментики. Он повернул нашу поэзию лицом к Европе.

Даже Александр Чавчавадзе, один из просвещеннейших умов того времени, тесть Грибоедова, писал песни в восточном духе. В них была своя прелесть, своя поэзия, но... не было того, что мы называли бы высшим смыслом, интересом к общим вопросам бытия, философским пафосом.

По своему приезду в 1829 году в Тифлис Пушкин записал: «Голос песен грузинских приятен. Мне перевели одну из них слово в слово: она, кажется, сложена в новейшее время, в ней есть какая-то восточная бессмыслица, имеющая свое поэтическое достоинство...» Интереснейшее признание. Пушкин не отрицает за восточной стилистической школой «поэтического достоинства», но без определения содержательной тенденции она становится в его глазах бессмыслицей. Что же это за содержательная тенденция? Это диалектика души. Это динамическая психология личности, докапывающаяся до смысла событий, до смысла жизни. Это обеспокоенная активная духовность, которая на первое место ставит не прелесть формы, а истину. Это философская глубина поэзии, идущая вглубь и не нуждающаяся в украшении орнаментом. Это, одним словом, европейское мышление нового времени.

Николоз Бараташвили совершил великий переворот, и он сделал его вместе с Пушкиным, с помощью Пушкина, может быть, под знаком Пушкина... «Но мы сыны земли, и мы пришли на ней трудиться честно до кончины, и жалок тот, кто в памяти земли уже при жизни станет мертвечиной» — в этих строчках Бараташвили чувствуется императив, намыслимый для прежней грузинской лирики. Борись до конца, ищи свое место в жизни, свое предназначение, не уходи от трагических проблем жизни, будь в центре борьбы, неси свой крест до конца. Поэт становится средоточием боли мира — не украшением его, а именно средоточием боли. В России это Пушкин, у нас — Бараташвили.

Сейчас слово «поэт» неотделимо от слова «ответственность». Раз ты считаешь себя поэтом, ты отвечаешь за все. И, наверно, это справедливо, чтобы именно поэт отвечал за смысл и правду в этом мире. Сегодня, и это очень правильно, от него не ждут ни «украше-

ния», ни «развлечения». Только правды и смысла.

И на современную грузинскую поэзию воздействие Пушкина прослеживается очень явственно. В многообразной грузинской лирике середины XX века можно условно наметить как бы две тенденции образного мышления, и обе эти тенденции связаны с влиянием Пушкина.

Один тип — пластическое «сорадование миру», разворачивание его красочной панорамы, мажорный гимн сущему, упоение формой, плотью, тканью мира, его праздничной красотой. Это Георгий Леонидзе. Здесь Пушкин присутствует своей любовью к жизни, своим юношеским темпераментом, своим неистовым напором чувств, своим изяществом.

Есть и другой тип поэтического переживания в грузинской лирике нашего времени. Не разворачивание панорамы мира, а вглядывание в его смысл. Пристальное углубление в тайну. Интерес к философским, «пределным» проблемам бытия. И музыка, музыка... Это Галактион Табидзе, один из самых глубоких поэтов нашего века. Галактион Табидзе — это музыка. Не музыка, «приятно» дополняющая жизнь, а музыка самого мироздания. То, что, быть может, в Литве искал Чюрленис. То, что у Бараташвили высказалось словами: «Чей голос тайный слышу я?» То, что бессмертно услышал Пушкин:

*Мчатся тучи, выются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рои за роєм
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...*

Попробуйте определить, что околдовывает в этих стихах. В них есть и гармония, и ужас, и безумика... Поэт величайшей яркости, Пушкин отмечен вот этой необъяснимой безумикой. Не потому ли, кстати, во время «путешествия в Арзрум», слушая грузинские песни, пленившие его «приятностью», он чуть-чуть уловил в них «какую-то... бессмыслицу», — музыка жизни никогда не была для него обыденно правильной, в ней всегда была тайна. Именно такой Пушкин мне дороже всего и сейчас.

Скажу по собственному опыту, что Маяковского переводить — по непосредственным ощущениям — труднее, чем Пушкина. Маяковский требует отчаянных усилий; нужно досконально знать русскую жизнь, чтобы переводить Маяковского; чтобы уловить интонацию, иронию его, нужно стать почти русским... Пушкина переводить легко. Он переводим, даже если ты русской жизни не знаешь. Он всемирный гений, мудрец, универсальная душа... И вот переводится Пушкина, и вроде все легко получается, а потом смотришь — не он! Ускользнул! Ушел! Неуловим... Тайна Пушкина поражает и останавливает, когда решаешься перевести его стихи.

Кажется, Пушкин весь переведен на грузинский язык. И переводили его хорошие поэты. Но, чтобы в полной мере почувствовать силу его колдовских строк, я бы советовал читать его все-таки на русском языке. Так будет понадежнее. Тем более что уровень культу-

ры и образования сегодня делает это вполне возможным. На мой взгляд, это обстоятельство полностью разрешает проблему перевода с русского на другие языки. Хотя остается, если не заостряться, другая сторона этого вопроса — перевод поэтов братских советских республик на русский язык.

Практика показывает, что обычно в результате перевода, даже самого добросовестного, культурного, как мы его называем, переводимый поэт либо очень много теряет, либо, наоборот, слишком много приобретает. И в том, и в другом случае это плохо. Потому что и в том, и в другом случае он теряет собственную индивидуальность, свой голос... Кроме счастливых исключений, конечно... Мне, я считаю, повезло. Вначале меня долго и хорошо переводил прекрасный поэт и дорогой мой товарищ Александр Межиров, а теперь с той же задачей успешно справляется талантливый Михаил Синельников.

Есть вид благодарности, которую можно и не пытаться выразить словами — тщетою. Под нее невозможно подвести никакой материальной коэффициент. Ее нельзя ни с чем соизмерить. Она просто есть. Всегда. Ежечасно. Ежеминутно... И нарастает с годами... Пример такой благодарности к товарищам по ремеслу одним из первых подал Пушкин. Помните его: «Друзья мои, прекрасен наш союз! Он, как душа, неразделим и вечен...?» Такую вот признательность я испытываю к Александру Межирову и еще к одному человеку.

Завершив свою главную поэтическую работу, цикл «По следам Руставели», я с трепетом и волнением отправился в Москву к Межирову. Кроме него, я никому не смог бы доверить свое выстраданное детище. Но тем не менее меня всю дорогу обуревали страхи и сомнения. Поймет ли меня мой старый, испытанный друг? Сумеет ли он осуществить то, что уже стало для меня дорожкой жизни? Ведь в период работы я настолько углубился в прошлое, что временами даже физически ощущал полную свою сопричастность с XII веком. И потому вопрос: а сможет ли Саша верно пройти по моим надежам, укрытым от посторонних глаз толщею веков следов? — был далеко не праздный.

И тут я еще раз убедился в том, что с провидением спорить бесполезно, — то, что предопределено, всегда свершается. Оказалось, что Саша Межиров как раз в этот период был с головой погружен в изучение философии раннего христианства. Это было почти знаменем. Ведь совершенно независимо друг от друга, но почти одновременно мы оба ощутили настоятельную потребность тщательно и всесторонне разобраться в истоках, в том, что определило развитие и становление многих народов, в том числе и грузинского... При таком положении вещей за судьбу перевода можно было не беспокоиться. Он и в самом деле был выполнен с блеском.

Но главное испытание было впереди... Уже после того, как Межиров полностью закончил свою работу, я «вдогонку» написал последнее и самое важное, на мой взгляд, стихотворение цикла — «Голос у Голгофы». Ознакомив-

шись с подстрочным переводом, Саша с присущей ему честностью и прямотой сказал, что перевести его, к сожалению, не сможет, так как уже полностью вышел из руставелиевской атмосферы. Тут-то я пригорюнился по-настоящему. Но Межиров меня выручил снова. Он показал подстрочник Арсению Тарковскому, и тот любезно согласился помочь.

Смею считать, что в литературе я человек искусственный. Но то, что удалось сделать с моим стихотворением Тарковскому, непостижимо. Ни до, ни после мне больше никогда не доводилось встречать такой максимально приближенной к оригиналу работы. Полное совпадение по всем параметрам. И при этом перевод Тарковского органически сочетался, составлял единое целое с переводами Межирова...

Через сто лет после Пушкина другой гений русской поэзии, Сергей Есенин, в стихотворении «Поэтам Грузии» сказал:

*Я — северный ваш друг
И брат!
Поэты — все единой крови.
И сам я тоже азиат
В поступках, в помыслах
И слове...
...Свидетельствует
Вещный знак:
Поэт поэту
Есть кунак...*

Открытие Кавказа в русской поэзии произошло, как известно, еще в XIX столетии. Но почти сто лет грузинская литература оставалась для русского читателя понятием чисто умозрительным. Великий грузинский поэт и мыслитель Илья Чавчавадзе, ушедший от нас в начале XX века, до самой смерти тщетно мечтал об одном-двух переводчиках, которые могли бы познакомить многомиллионную русскую читательскую аудиторию хотя бы с несколькими образцами грузинской поэзии. Ведь даже Бальмонт, первым выполнивший полный поэтический перевод «Витязя в тигровой шкуре» на русский язык, проделал свою работу по английскому переводу Уордроппа.

С первых же дней существования многонационального Советского государства мы, литераторы Грузии, ощутили себя полноправными членами большой и дружной творческой семьи. В этом главная заслуга принадлежала таким крупным мастерам русского слова, как Маяковский, Есенин, Тихонов, Пастернак, Антокольский... И главное — их энтузиазм и напряженная работа в области перевода.

Особо мне хочется подчеркнуть роль Николая Тихонова. После Пушкина и Лермонтова, великих певцов Грузии, никто из русских поэтов не был так беспредельно влюблен в Кавказские горы, как они. Или, если говорить точнее, никому после них не удавалось так полно и так прекрасно выразить в своей поэзии эту любовь.

Многие десятилетия тесных дружеских отношений связывали нас, грузинских поэтов, с Николаем Семеновичем. Я бы сказал: святая, неодолимая, постоянная и бесконечная дружба. Его прекрасные стихи были вдохновлены не только прелестью и величием грузинской земли. Нет, это еще и резуль-

ы приехали в Ленинград и, обнаружив на перроне Московского вокзала веселую толпу, поняли, что нас встречают «Лицедееи». Чудно одетые люди с миниатюрным патефоном, из которого доносилась дикая музыка, весело зазывали прохожих, указывая на афишу, которую они выставили на всеобщее обозре-

ние: «Лицедееи — лицееи. Школа уличного театра».

В Ленинград съехалось около двухсот человек со всех концов страны. Организовал фестиваль Вячеслав Полунин, и его «Лицедееи» были «гвоздем» программы. Почему «школа»? Видимо, потому, что традиции того самого, уличного, скоморошьего театра у нас давным-давно забыты и, наверное, сейчас самое время попробовать как-то опреде-

лить границы этого «хорошо забытого старого». Вот и собрались в Ленинграде для начала просто попробовать. Москва, между прочим, пыталась провести что-то подобное, например, на первоапрельском празднике на Арбате в 1986 году.

Что такое «уличный театр»? Здесь актер живет бродячей жизнью, колесит с места на место, а представления разыгрываются прямо в гуще толпы. Зритель — любой прохожий.

Алексей КУЗНЕЦОВ,
специальный
корреспондент «Смены»

Место действия — улица. Метод работы — импровизация. Уметь работать в таком театре может не каждый. Для того, чтобы актер мог естественно вписаться в эти условия, ему необходима эмоциональная встряска, перемена условий жизни. Такой встряской и стало для всех нас путешествие по Финскому заливу на остров Тотлебен. В шумном палаточном лагере и начался наш фестиваль. Уже в лагере то тут, то там

Фото: Евгения Ступко

**«Нам обязательно
нужно возродить
уличный театр»,—
считает
лауреат премии
Ленинского
комсомола
Вячеслав Полунин.
Обком комсомола
поддержал и помог
реализовать его идею.**

стихийно возникали показы, импровизации. И к моменту выезда на первый спектакль-концерт все уже были готовы к работе в новых условиях.

Очевидно, нет смысла описывать подряд все концерты и все номера участников «школы». Хотя были среди них и безусловные лидеры, например, группа «Птицы с юга» из ташкентского молодежного театра «Ильхом» или Б. Харченко из Харькова и Д. Богатырев из Одессы. Важно то, что на фестивале вдруг проявились очень интересные тенденции нашего не только художественного, но даже и социального развития. Прежде всего сразу стало ясно, что традиционная концертная форма работы здесь «не проходит». Какая, в самом деле, разница, работают клоуны в зале или на улице, если и там, и там есть эстрада (сцена) и сидящие вокруг нее зрители? Пусть даже к сцене все идут карнавальным шествием через парк, собирая при этом толпы народу, а сцена находится на ступенях красивейшего дворца в Ломоносове или в Летнем саду! Но стоит актерам и клоунам рассыпаться по парку и начать разыгрывать свои сценки, интермедии, импровизации прямо на аллеях, среди толпы — картина сразу меняется. Первыми это начали делать «Лицедеев», нарушив несколько академичное течение концерта в Ломоносове. Вслед за ними — «Птицы с юга», студии «Перспект» из Челябинска, «Скица» из Горького и другие. Но мало было просто выйти «в народ» и начать «представлять». Поначалу казалось — нет ничего проще. И действительно, зрители охотно собирались, образовывали круг, где и работали актеры. Но ведь уличный театр и вообще любой карнавал немислим без участия зрителей. И тут оказалось, что люди ужасно смущаются, стесняются, что заставить их стряхнуть с себя какое-то оцепенение крайне сложно. Поверить в атмосферу всеобщего праздника — дело, как оказалось, нелегкое. А ведь это, по существу, и было задачей «школы» — научиться самим и научить других праздновать, радоваться, играть, наконец!

Но лиха беда начало. Следующие три дня лагерь стоял в Ленинграде, в ЦПКиО на Елагином острове. Городские власти отдали для фестиваля самые что ни на есть важные точки города: Аничков мост и сад Адмиралтейства. Летний сад и ступени Михайловского замка. Тут-то и началось самое главное, то, ради чего была устроена эта «школа». Рассыпавшись по Невскому возле Аничкова моста, все актеры и клоуны смогли заразить зрителей весельем, ощущением радости и удивительной внутренней раскрепощенности. Собственно, театрализация жизни — как правило, показатель состояния здоровья общества. В этом смысле фестиваль-школа стал точнее диагностом. Тут царил закон импровизации. Тут было дозволено любое дурачество, каждое выступление проходило «на ура». Аничков мост и Летний сад словно обрели вторую жизнь, на день сбросив с себя традиционную чопорную светскость и став от этого милее и обаятельнее. Иными словами, получился настоящий карнавал (хотя опять же горожане больше смотрели, чем сами участвовали!), который завершился в час ночи очередным веселым представлением «Лицедеев» с купанием в фонтане Адмиралтейства.

В общем, дело начато хорошее. Уверен, что фестиваль должен стать традиционным. Значит, надо учиться. Раздавая автографы, руководитель «Лицедеев» Полунин написал на одной из многочисленных афиш: «Будем пахать и засеивать звезды». Что ж, это в самую точку!

Александр Савин:

тат сердечных уз, связавших его с поэтами Грузии, сыновними, влюбленными глазами которых он смотрел на эту землю: «Мне в этом крае все знакомо, как будто я родился здесь».

Летом 44-го года из недавно прорвавшего блокаду героического Ленинграда Николай Тихонов приехал в Грузию. Перед нами сидел бледный и худой человек, еще не восстановивший своих сил и здоровья после блокадного ада. Мы о чем-то говорили, а он больше молчал. Только время от времени поднимал голову и поглядывал на гору Зедзени, которая высилась над нами. Неожиданно как будто про себя он сказал: «Я должен туда подняться». Но сказал так твердо, словно объявлял не подлежащий обжалованию приговор.

Шли мы долго. Подъем давался ему с трудом. Несколько раз я предлагал вернуться, отдохнуть и возобновить подъем завтра. Но Тихонов делал вид, что не слышит моих слов... Мы поднялись на вершину. Вокруг царил божественный покой. Неожиданно я заметил, что сев на камень под дубом, он тут же уснул. Крепко уснул. Как человек, добросовестно проделавший трудную, но нужную работу. И еще мне подумалось, что это, наверное, был первый по-настоящему спокойный сон безмерно уставшего за войну поэта...

Я знаю, что поэзию обновляют молодые. Я отлично помню, как мы сами в двадцатые годы, сбрасывая многих с корабля современности, дрались манифестами. Я и сейчас думаю, что если обновится поэзия, то молодые силы. Наше поколение сделало свое дело. Сколько мы еще напишем? И что напишем? Мы еще можем прибавить количественно, но качественную поэзию мы уже не продвинем. Я говорю это без всякого сожаления; если уж касаться моей собственной поэтической судьбы, то заветнейшее осуществление ее — циклы «Палестина, Палестина!», «По следам Руставели», «Приближение» — уже стало фактом, и я рад, что в момент прозрения у меня хватило сил записать то, что открылось мне. Так что я не собираюсь ничего менять, ломать и обновлять в поэзии. Спасибо судьбе, что воды Риони вернулись в родное русло. Перемены, настроения — это дело молодых. Но умудренные опытом люди знают, что такое жизнь и что такое человек. Пушкин же нужен сегодня как знак этой мудрости.

Он многому учит и сегодня. Даже чисто технологически. Вот сюжет, какая поэма естественнее — сюжетная или чисто лирическая. Для меня, например, вопроса нет: я считаю, что чем писать повесть в стихах, лучше писать повесть в прозе, а если уж писать стихи, то сюжет должен быть только один — история душевного восхождения. И я нахожу у Пушкина подтверждение этим мыслям; движение Пушкина от «Полтавы», скажем, к «Медному всаднику» — это движение от Одиссеи событий к Одиссее размышлений. А поэзия XX века — это прежде всего поэзия мысли.

Что еще он несет нам сегодня? Ясность и глубину. Пушкин ясен и глубок, и две эти стороны прочно связаны в его облике. Ему не нужна мысль украшенная, не нужно слово усложненное — у него красота и сложность свойственны самой мысли, и он не боится сказать просто. Какой точный урок поэтам нынешним! Как легко писать сложно, как легко передавать в стихе эту непередаваемую, «хаотическую», неопределенную «сложность» мира! Есть поэты замечательные, блестящие, глубокие. Есть поэтические школы, исповеди поколений, стилистические системы, покоряющие читателя. Но... Нет великой простоты. И потому нет великого поэта.

Достаточно вспомнить имя Пушкина, чтобы понять, чего нет. И если суждено сейчас в советской поэзии появиться такой всезавершающей фигуре, она появится только под знаком Пушкина.

Записал
Сергей ЛАБАНОВ.

Согласитесь: привычно, когда из сборной отчисляются, выгоняют, выводят на время, частично в ходу и обтекаемая формулировка — не привлекают, но чтобы по собственному желанию, истинно по собственному — редкость, диковина. Но так было: после прошлогоднего чемпионата мира по волейболу, где наши оступились в финале в матче с американцами, один из ведущих игроков сборной, Александр Савин, пришел в Госкомспорт и заявил: «Хочу сказать откровенно: в сборной прошу меня больше не задействовать по причине крайней усталости и еще по ряду причин». Ветерана выслушали, поблагодарили за честно отработанные в сборной сезоны и в тот раз особо изменить его решение не пытались. А между тем...

Столичный армеец Александр Савин — один из самых титулованных волейболистов мира: олимпийский чемпион, дважды чемпион мира, шестикратный Европы и двенадцатикратный Советского Союза. Но дело даже не в титулах — Савин на протяжении долгих сезонов неизменно играл первую скрипку и в сборной, и в родном ЦСКА. Так что ж, молвит читатель, конечно же, ветеран, всему свое время, пора и честь знать. Тогда напомним, что ныне Александру 30, год назад, как нетрудно понять, было 29. С семнадцати лет он в сборной, так что организм, безусловно, подызошен, но порох в пороховницах есть, недаром на последнем первенстве Союза он опять был одним из лучших. На заключительных турах с ним опять начали переговоры тренеры сборной — может, передумаешь, ты еще в соку, очень даже пригодился. Савин в основном отмалчивался и только изредка вставлял: «Я уже все решил тогда».

Почему же все-таки один из лучших волейболистов планеты (а таковым его признавали на двух чемпионатах мира — в 1978 и 1982 годах) принял такое серьезное и на первый взгляд довольно странное решение. Ну то, что устал, сомнению не подлежит, так оно и есть. Это главный, официальный довод. А дальше? Дальше из области психологии и социологии, межличностных отношений. Время и сопутствующая ему смена поколений в сборной постепенно превратили его не просто в ветерана, а в ветерана с функцией палки-погонялки. Он же привык объяснять не столько словами, сколько личным примером на тренировках и в игре. «Новую волну» он далеко не всегда понимал, поражаясь отсутствию у молодых дарований максимализма. Но не превращаться же в старожилу-ворчуна, всё помнящего, всё знающего и всех поучающего. И еще он очень скучал по своей старой волейбольной компании, с которой они и устроили в свое время шумный переполох в мировом волейболе.

Из разговоров с Савиным: «Ты знаешь, кого здорово напоминают американцы? Нашу сборную образца семидесятых. Когда мы из кожи вон лезли, выбивая себе авторитет, доказывая, что сильнее. Тех же поляков — тогдашних законодателей мод — мечтали и желали обыграть больше всего на свете. Все парни были заряжены током одинаковой величины, в одном силовом поле находились.

Вот так сейчас американцы — честолюбивая, настырная команда. Скажи, кто о них слышал еще пять лет назад?

На чемпионате мира в Аргентине в 1982 году они были аж 13-е (!). Кстати, французы, которые также стремглав ворвались в клан избранных, были еще ниже — 16-е. А теперь американцы отбирали у нас все титулы. Ничего себе, рывочек за четыре года. Понятное дело, они под свой четкий, выверенный волейбол научную базу подвели. У них для нужд сборной, по авторитетным слухам, на персональных компьютерах солидный банк данных задействован. Так половина всей информации только по сборной СССР обрабатывается, а другая половина — по всему остальному мировому волейболу. Представляешь, насколько досконально они нашу сборную изучили?! По полочкам, то бишь по магнитным дискам всю манеру игры, все нюансы разложили. Знают, в какой ситуации с большей вероятностью чего от кого можно ожидать. То есть наша сборная для американских тренеров во многом как на ладони.

Как бороться против подобного всезнания? Только сюрпризами тактического свойства и сверххриением во время очной ставки. Увы, сборная СССР, на мой взгляд, последние годы топталась на месте, ничего сверхнового придумать не старалась. Довольствовались добротным, но старым багажом. В то время, как французы научились крутить очень хитрые комбинации, бразильцы толково применяли силовую подачу в прыжке, у американцев во всех расстановках мяч принимали два одних и тех же волейболиста, кубинцы к своим традиционным достоинствам добавили приличную общую игру, изыскали неординарного пасующего. Другими словами, конкуренты наши, каждый в чем-то своем, заметно продвинулись вперед. А в тех элементах игры или амплуа, где мы имели несомненный перевес, к нам подтянулись, стали ровень, если не обогнали.

При таком стечении обстоятельств на чемпионате мира нас могли выручить только полная отмобилизованность, стремление всех игроков сыграть на пределе, на максимуме. Тогда команда выглядит, как сжатый кулак. Увы, порыва с нашей стороны, считаю, не наблюдалось. Представь картину. По одну сторону сетки бьются, «лезут», задираются, а по другую так спокойно стоят, нет, стараются, конечно, но не чрезмерно, не из последних сил. Как считаешь, чья возьмет при примерно равном классе? То-то. И сам в финале далеко не лучшим образом действовал, что и говорить, определенной вины с себя не снимаю. Но скажу так: главного — коллектива, способного горы своротить, не было».

Савина вполне можно понять. Ему есть что и с чем сравнивать. Истоки беспроигрышной серии в официальных турнирах советской сборной в период с 1977 по 1984 год как раз следует искать в приподнятой атмосфере товарищества и одновременно ответственности, царившей в коллективе. Ребята подобрались на загляденье: увлеченные и трудолюбивые. Колоритных фигур было хоть отбавляй, но неизменным стержнем команды, ее незабываемой основой всегда оказывались взаимопонимание и поддержка, целеустремленность и общность интересов.

Ранжирование заслуг, дотошно определение приоритета при достижении успеха не котируются. Считалось — все выиграли, все победили. Компанейские подобрались волейболисты. И хотя в привычном обиходе слово

«компания» нынче подчас звучит не слишком лестно и одобряюще, они себя именовали исключительно так. Увы, из старой славной компании почти никого не осталось. Распрощались со сборной Павел Селиванов, завершает активные занятия волейболом Вячеслав Зайцев, решил выступать только за родной клуб Александр Савин.

Как все же быстро летит время! Вроде совсем недавно Саша был самым младшим членом сборной, теперь он — последний из плеяды дерзких и непобедимых. С быстротечностью спортивной карьеры. В 19 лет попал на Олимпийские игры в Монреаль, а в 21 год — вице-капитан сборной. Для волейбола подобные ранние и крутые восхождения в диковинку. В этой игре, как правило, в цене и почете зрелые, прошедшие огонь и воду спортсмены. Но давайте присмотримся к резкому старту Савина повнимательнее — ведь пора чудес в спорте давно миновала, а всякому малопонятному явлению желательное объяснение.

В родном Обнинске мальчишкой Саша сначала отдавал предпочтение легкой атлетике, затем волейболу, а когда секция распалась, его, словно магнитом, притянуло плавание. Да и продолжало оно ему нравиться все три года занятий. И только настойчивость, если не настырность, тренера Владимира Питанова возвратила волейболу Савина. Перетянул его наставник из бассейна чуть ли не силком. Значит, разглядел в нем изюминку — оттого и настаивал на своем выборе.

Когда я допытывался у Сашиной мамы, физика по специальности и призванию, чем отличался ее старший сын в детстве, она отмечала редкую самостоятельность. Чувствуя это, к нему тянулись и те, кто помладше, но и в обществе старших он находился в общении «в своей тарелке». Еще бы, учась в восьмом классе, он уже вовсю выступал за взрослую сборную горьба.

В шестнадцатилетнем возрасте Савина приглашают в Москву, в знаменитый ЦСКА. Не в коллектив мастеров, конечно, в юношескую команду. Но тем не менее уже тогда на него взирали с надеждой. И всего через год почти одновременно включают и в клубную команду, и в сборную. А в 18 лет Александр уже чемпион Европы и среди юношей, и среди взрослых. Семимиллиные шаги к признанию, не так ли?

Что и говорить, мощный двухметровый гигант был щедро одарен физически. И прыжком обладал таким, что по пояс над сеткой выпрыгивал, и ударом таким мощным, что пол трещал. Но лучше всего благодаря потрясающей прыгучести и врожденному чутью у него получался блок. А вот техника нападающего удара заметно хромала — партнеры в клубе и в сборной на первых порах даже посмеивались над его негнущейся рукой. Во время дебюта на Олимпийских играх 1976 года к нему приклеилось шутовское прозвище «Звезда замены». Поскольку выходил он на площадку на короткие отрезки партий с целенаправленной задачей закрыть кого-нибудь из соперников блоком. В тени Саша пребывал не случайно — высшего волейбольного образования все же не хватало. Но дальновидный тренер ЦСКА Юрий Чесноков не желал терять драгоценное время, держал его в глубоком запасе, то и дело при любых возможностях бросая в самое волейбольное пекло.

ПОЧЕМУ Я УШЕЛ ИЗ СБОРНОЙ

Основная волейбольная специальность Савина в то время, да, откровенно говоря, и сейчас, довольно дефицитна. Звучит прозаично — нападающий первого темпа. «Первым темпом» — значит взмывать над сеткой еще до паса и уже там, в воздухе, соображать, как лучше распорядиться мячом. Естественно, что при такой сверхскоростной атаке с заниженных передач времени на раздумья в обрез — все решают доли секунды. Резкий, сильный, умный игрок подобного амплуа как воздух был необходим нашей сборной. И Вячеслав Платонов, сменивший Чеснокова на посту наставника главной команды страны, сделал ставку на Савина. Перед ним была поставлена задача — за 1—2 года выйти на уровень мировых стандартов. Меньше времени на тренировках уделялось приему, общей игре — все внимание быстрой атаке.

Не знаю, сумел ли бы Александр за столь короткий срок прийти к намеченной цели, если бы не помощь капитана ЦСКА, мудро и сверхопытного пасующего Юрия Старунского. Повидавший волейбольный мир и обладавший тренерской жилкой (недаром он сейчас один из наставников женской сборной страны) Юрий сразу после появления новичка в команде взял его на заметку. И каждый день буквально, много слова и не подберешь, возился с ним. Терпеливо обучал он у сетки понравившегося дебютанта: где встать, куда бежать, когда прыгнуть. Вдалбливал азы, раскрывая секреты, акцентировал внимание на тонкостях. Через пару лет упорных занятий Старунский и Савин в тандеме устроили подлинный переполох в играх всесоюзного первенства. Их удивительная сыгранность, как правило, наводила панику на соперников.

Словоохотливый Старунский к тому же вольно или невольно выступал в амплуа мудреца и по житейской линии. Наставлял одаренного юношу и один из самобытнейших нападающих того времени, Ефим Чулак, — наставлял не только в спортивном, но и в бытовом плане, учил уму-разуму. Но видеть в юноше-здоровяке только внимательного, покорного, исполнительного слушателя, этакое пайныку было бы абсурдно и наивно. Савин — редкий упрямец, и сей факт неоспорим. Жена Надежда (в прошлом волейболистка, на ниве волейбола они и познакомились) рассказывает, что в ранней молодости его еще возможно было переубедить. Муж при этих давних воспоминаниях смотрит на жену, улыбается и поправляет: «Не переубедить, а уговорить. Сейчас, правда, и с этим тяжелее», — следует улыбка в усы.

Если б я написал, что Савин — легкий человек или обладает ангельским характером, я бы, несомненно, погрешил против истины. Парень он с норовом, немного замкнутый, поупираться,

поартачиться — у него в крови. Рубить сплеча не станет, но правду-матку в лицо выскажет непременно, в том числе и тренеру.

Собственные впечатления хороши, кто ж с этим спорит, но читателю небезынтересно мнение людей, знающих Савина получше и поближе. Приведу характеристику, по-моему, достаточно занятую, данную ему одним из тренеров сборной, работавшим несколько сезонов с Савиным, — заслуженным тренером СССР Юрием Фураевым, человеком объективным и рассудительным, к тому же имевшим со своенравным игроком и конфликты.

«Савин — парень непростой, человек оригинальный, в чем-то даже загадочный. Упрямый, обидчивый до крайности, но очень порядочный и добрый. Выше всего почитает справедливость. Он, знаете ли, из породы лидеров. Не просто ведущий игрок основной шестерки, а образец. Он на площадке живет, творит и сгорает. И подает партнерам ох какой пример для подражания. Ведь на него смотрят и пятеро, стоящих рядышком, бок о бок, и шестеро, сидящих на скамейке запасных. Бойцовский дух у него развит в высшей степени. Приведу характерный случай даже и не из игровой практики, а из рядовой тренировки. Представьте — общефизический сбор в Сухуми. Нагрузки огромные, все устало донельзя. Дается очередное задание — двадцать раз подряд двойной прыжок, кто выигрывает — от следующего упражнения освобождается. Побеждает Савин и заявляет: «Я отдышаться не стану, буду дальше делать вместе с ребятами». То есть «заводит» он народ и притом без малейшей рисовки».

Упрямость и прямота — понятия, как легко понять, различные, но у Савина они сочетаются, даже связаны. Перед отказом играть за сборную коллеги — старожил сборной доказывал ему: «Зачем сейчас демарш предпринимаете? На носу поездка в Японию, выгодная во всех отношениях. Ты что, после нее свое решение обнародовать не в состоянии?»

Савин искренне считал, что именно такой поступок к категории честных отношений не имеет вовсе. И сделал по-своему.

Из разговоров с Савиным: «Понимаешь, у нас в старой компании было заведено раз и навсегда: идет серьезный турнир — никаких магазинов. Закончится — тогда пожалуйста. А в Париже, на чемпионате мира, не успели приехать, вся молодежь уже за покупками. Куда это годится?! По моему разумению, у наших молодых какая-то переоценка ценностей по сравнению с нашим поколением состоялась. Для них главное — попасть в состав, поучаствовать в поездках. А так, чтобы в первые слова голову врать, такого

нет, довольствуются ролью запасных. Прошлогодний тревожный звоночек, когда наши юниоры на первенстве континента впервые за долгие годы не стали чемпионами, а оказались лишь пятыми, тоже дорого стоит. А ведь сборной свежая кровь ох как нужна. И молодежь надо обкатывать в самых серьезных встречах, как, скажем, армейца Кузнецова на прошлогоднем Кубке Японии. Парень сразу в символическую сборную мира попал. Молодежь учиться и испытывать надо, и наказывать, но по совести. У нас в сборной в последние годы руководства Платонова такого не происходило. Для «стариков» и для новобранцев существовали различные правила поведения, за одни и те же провинности для новичка и старожилы мера наказания была совершенно различной».

Что меня больше всего убивало, так это кардинальное изменение атмосферы в сборной. И я полагаю, что все началось с самого Платонова. Он здорово поменялся в последние годы. Когда он только пришел в 1977 году, мы все «пахали», и он «пахал» не меньше других. Находил время и место с каждым поговорить по душам. Постепенно эта традиция сошла на нет. «Великий» тренер решал все сам. Опять высказываю свою личную точку зрения, у других она может быть иной. Во главу угла ставилась финансовая система наказания в зарубежных поездках. В обиход традиционно провинившихся, например, попадал Владимир Шкурихин. А затем на чемпионатах оказывался одним из лучших. В сборную стали привлекать по 4—5 ленинградцев, хотя «Автомобилист», руководимый Платоновым, считал за благо, если получал бронзовые медали чемпионата страны.

Вокруг сборной прессой создавалась мощная завеса восторгов, редкие критические нотки тонули в море похвал. То есть мужской волейбол слишком долго ходил в числе благополучных. Это как ком с горы катится: после какого-то момента его уже не остановить. Позапрошлым летом провели турнир по США, правда, не самым сильным составом. Ни одного матча у американцев не выиграли. И что же? Полная тишина, все делают вид, что ничего не случилось. А ведь перед этим состоялась такая же молчаливая серия поражений от бразильцев в 1983 году, четыре осечки в четырех матчах против американцев в Харькове в 1984-м. И что самое странное — после поражения в Париже в развернувшейся дискуссии приняли участие все, кроме тех, кто отвечает за развитие волейбола в стране. Стойкая и удивительная позиция — ничего особенного не произошло. А то, что после многочисленных поражений от американцев если не комплекс, то зажатость, скованность появляются, — это неважно. Потом,

если перед командой (это уже при Геннадии Паршине, принявшем сборную после освобожденного по болезни Платонова) ставят конкретную задачу — войти в тройку, то серебряные медали означают выполнение задания или как? Когда основная задача выполнена — это расковывает, а бывает и наоборот — слишком успокаивает. В Париже оказался скорее второй вариант. Психологической настрой сыграл в тот раз с нами коварную шутку. Спрашивается: что делать? Как обыграть олимпийских чемпионов — команду крепкую, но не имеющую такого массового тыла, как у нас?

Надо бережно (не путать с чрезмерным покровительством) относиться к своим доморожденным талантам и ответственно, с болью в сердце, к тому, что в нашем волейболе происходит. Нельзя из-за клубных распри «отцеплять» на целый сезон таких игроков, как Антонов, включенных после Кубка мира в символическую сборную планеты. Нужна поддержка тем, кто душой болеет за волейбол, а не ищет в нем источник благополучия».

Вот тут бы в данном высказывании и не упустить момент, когда у Савина созрела и окрепла мысль попроситься со сборной. Вот как было дело. Савин и Панченко, два ведущих игрока сборной, пошли в Управление спортивных игр к его тогдашнему начальнику Голенько и тогдашнему начальнику отдела волейбола Беляеву просить за Антонова. Того на год дисквалифицировали за несвоевременный переход из «Динамо» в ЦСКА. Ребята и доказывали руководству, что такая дисквалификация если кому и выгодна, то американцам, поскольку их главный конкурент ослабевает. О данном походе тотчас доложили Платонову. Тот вскоре на туре в Ленинграде устроил собрание «сборников» и объявил Савина с Панченко «заговорщиками, коалицией, группировкой, которая ходит в Спорткомитет снимать тренера». После такого «душа», скоропалительных и необоснованных обвинений, видя, что между армейскими игроками и остальными сознательно вбивают кол, и укрепился Савин в мысли распрощаться со сборной. Отыграл, правда, потом и Игры доброй воли, после успеха на которых и нацелили, кстати, сборную на мировом первенстве не обязательно на золото, а на место в призерах. Ну, а дальше вы знаете. Что добавить к рассказанному? Савин по-прежнему капитан ЦСКА, по-прежнему пример для подражания. Вот только многие в волейбольных кругах удивляются: зачем он все-таки самолично ушел из сборной? Видите, какие мудреные истории случаются в простенькой на вид игре: все на три счета, на три касания — раз, два, три. Раз, два, три...

ЦЕПРИМИРИМОСТЬ

Юлиан СЕМЕНОВ

Рисунки Алексея Остроменского

«ВЫЗОВИТЕ МЕНЯ НА СУД!»

1

Бывший чин охраны Андрей Егорович Турчанинов, помогавший Дзержинскому и его друзьям, бежал из Варшавы, заметив за собой слежку. Скрыться помогли товарищи — через Закопаны ушел в Вену; оттуда отправился в Париж и, устроившись ночным портье в отеле «Фридланд», снял мансарду на Монмартре (без умывальника, туалета и зеркала). Первый месяц отсыпался; поначалу мучили кошмары, постоянно видел желтоватое, нездоровое лицо полковника Глазова, его мертвые глаза и, вскакивая с узенькой деревянной койки, махал руками над головою, стараясь оттолкнуть от себя недруга.

Лишь по прошествии нескольких месяцев успокоился; сны сделались красочными, пасторальными, повторяющимися прожитый день: видел прогулки по набережной Сены мимо лотков букинистов, отдохновение за столиком открытого кафешки на Монпарнасе, когда

можно взять «Эвиан» и просидеть со стаканом безвкусной минеральной воды хоть полдня, наблюдая прохожих; ни им до тебя нет дела, ни тебе до них, вот жизнь, а?!

Спустя полгода Турчанинов отправился в библиотеку Сорбонны, подивился тому, как легко здесь можно записаться в читальню — никаких паспортов или бланков от столоначальника: внес аванс, и сиди себе в зале весь день! Уплатил еще побольше — бери книги на дом... Получив русские и польские журналы и газеты, Турчанинов прочитал их самым внимательным образом; лишний раз подивился тупости петербургских властей, которые видели главную угрозу Двору со стороны эсеровских бомбистов, а надеждой трона считали правых националистов, захлебывавшихся от истерического кликушества по поводу величия традиций и незыблемости особой духовности «третьего Рима»; вольные или невольные провокаторы, думал Турчанинов, каково такое слушать инородцам?

Во дворцах Петербурга не видели главного: социал-демократия с ее проповедью социальной справедливости, свободы и братства народов несла в себе организованную, постоянно растущую угрозу самовластию. Беда сановников, видимо, заключалась в том, что

с эсерами, с их террором бороться было легче, чем с энциклопедизмом эсдеков, с ясной программой и твердой линией, которая в отличие от эсеровской легко корректировалась ЦК — в зависимости от постоянных изменений общественной жизни России. Власть предрержание в Петербурге, даже если бы и решились, просто-напросто не были готовы к диалогу с социал-демократией; что могли противопоставить эрудитии выдающихся теоретиков старые деды и молодые волкодавы, лишенные понимания истории и страшящиеся фундаментальных основ политической экономии, как черт ладана?!

То, что дни империи сочтены, Турчанинову стало ясным еще в девятьсот пятом, когда он столкнулся с Дзержинским лицом к лицу; Джордано Бруно можно было сжечь, но ведь идея не боится пламени; раз сформулированная, она становится вечной категорией, ее торжество — вопрос времени; идиотизм инквизиции, как бы ужасен ни был, понятие преходящее, тогда как опережающая шаблонность представлений, бытующих в данный исторический период, — категория постоянная, раз мысль состоялась, — значит, состоялась, она рано или поздно обречена на победу над тем, что изжило себя.

Просмотрев последние выпуски газет, столбовой дворянин Турчанинов еще раз горестно подумал о несчастной России, которую ждут горькие времена; стоять в стороне — преступно по отношению к моему доброму, доверчивому, терпеливому, талантливому народу; единственная возможность принести ему пользу, хоть как-то реализовав себя, — возобновить контакт с поляком Дзержинским. Иного пути нет. Поляк — надежда России? Хм-хм!

Письмо, отправленное по одному из тех адресов, что Юзеф назвал ему, когда прощались в Варшаве, видимо, не дошло, хотя было совершенно безобидным по содержанию.

Второе также осталось безответным.

Лишь третье письмо попало адресату; Юзеф ответил, что он тронут восточкой от милого «Анджей», осведомляясь, как тот устроился, не нужна ли помощь с «учебниками», советовал посещать лекции парижской профессуры, связанные с «абстрактными науками», и сообщал, что «Мацей» ныне довольно часто занимается «математикой» в «технологичке», прилежен точным наукам, «вы его помните, он провожал вас на железную дорогу».

Это «Рыдз», понял Турчанинов. Высокий парень с очень румяным лицом, именно он отвез меня на вокзал, чтобы передать тем, которые затем переправили через границу в Татрах.

Нашел его легко, в библиотеке «технологички», протянулся было с объятием, но Рыдз тактично уклонился; руку тем не менее пожал крепко, дружески.

— Юзеф сказал, чтобы я наладил с вами связь, вот я и пришел, — сказал Турчанинов.

— Замечательно, Анджей, — ответил поляк, собирая в потрепанную матерчатую сумку свои книги. — Пошли выпьем кофе. Угощаю я, мама перевела денег...

— А я получил недельный заработок... Берегите деньги мамы, отдадите товарищам. Или вернете старушке.

Рыдз усмехнулся:

— У старушки, которой всего сорок пять лет, миллион, Анджей. Она у меня банкирша... Так что с ней все в порядке. Кстати, Юзеф просил вас взять еще один псевдоним, на всякий случай. Он предложил «Ядзя». Не возражаете?

— Конечно, нет. «Ядзя» так «Ядзя».

— Юзеф будет использовать этот псевдоним лишь в самых крайних случаях, когда дело особенно секретное и отлагательств не терпит.

Они вышли на бульвар, присели за столик уличного кафе; Рыдз поинтересовался:

— Не голодны? А то можно спросить ветчины.

— Ветчины? — Турчанинов улыбнулся. — От ветчины не откажусь, это стало для меня деликатесом.

— Скажите, Анджей, вам не приходилось встречаться с Меньшиковым или Бакаем?

— Разве они здесь поселились?

— Да.

— Я слышал, что Бакай свободно ездит в Россию...

— У нас нет такой информации. Нам доподлинно известно, что они сейчас сотрудничают с Владимиром Львовичем Бурцевым... Кстати, когда вы служили в охранке, не приходилось знакомиться с его наблюдательным формуляром?

— Что-то видел... Он ведь сам до девяносто пятого года работал в терроре?

— Вроде бы так... Во всяком случае, он это утверждает...

— Да, да, он был в терроре... Потом, после манифеста семнадцатого октября, отошел от партии, в ЦК эсеров по этому поводу достаточно много говорили...

— В негативном плане?

— Как сказать... Пытались понять побудительные мотивы... Он ведь скандалист, этот Бурцев... Знаете, уж если есть истовые правдолюбцы, так только в России, вроде боярыни Морозовой, — хоть на смерть, но обязательно с двумя перстами над головой...

— А кого в охранке знали из эсеровских лидеров?

— Всех... Думаю, всех наиболее заметных...

— По памяти можете перечислить?

— Попробую... Чернов, Гоц, Авксентьев, Зензинов, Савинков, Дора Бриллиант...

— А еще?

— Стеблов, Аргунов, Мякотин...

— А еще?

— Больше не помню...

— Попробуйте вспомнить...

— Нет, положительно в ум другие имена никак не идут...

— А Евгений Филиппович Азеф? — спросил Рыдз, отхлебывая кофе из тяжелой чашки. — Эта фамилия проходила в документах?

— Азеф? Которого Бакай и Бурцев обвиняли в провокации?

— Не знаю... Видимо...

— Нет, Азеф в материалах не проходил. Я достаточно много работал по эсерам, переработал много бумаг о ЦК, но эта фамилия в документах охраны не проходила...

Рыдз мягко улыбнулся:

— Анджей, пожалуйста, не употребляйте в разговоре со мной слово «охрана». В этом застенке изнасиловали мою сестру... И она сошла с ума. А когда ее

вылечили, повесилась... Будучи беременной... Для меня нет понятия «охрана». Только «охранка». И никак иначе. Ладно?

— Конечно, конечно, — ответил Турчанинов, ощутив тягостное неудобство.

— Не сердитесь, если я был резок, хорошо?

— Да разве это можно назвать резкостью? — Турчанинов пожал плечами. — Вы сказали вполне европейски. Я исповедую именно такую манеру разговора: с самого начала определить все своими именами, тогда легко иметь дело с собеседником, ничего недосказанного.

— Спасибо, Анджей... Теперь мне бы хотелось передать вам еще одну просьбу Юзефа... Не сочли бы вы возможным посетить Бурцева?

— Это нужно для вашей партии? Или для Юзефа лично?

Рыдз закурил.

— Неразделимые понятия.

— Конечно, готов... Хотя в отличие от Меньшикова и Бакая я оказывал такую помощь Юзефу... вашей партии... которая по законам империи подлежит суду... Скорее всего военному... Я ведь преступил присягу, так что охран... охранка, включив меня в розыскные листы, вполне может потребовать моей выдачи и у французской полиции, если узнает о моих контактах с Бурцевым.

— Я встречусь с Бурцевым и объясню ему вашу ситуацию... Думаю, он отнесется к вашему особому положению с пониманием...

— Да, такой визит был бы весьма уместен.

— Хотя... Рыдз снова улыбнулся своей мягкой, женственной улыбкой, — я тоже в розыскных листах, ушел из-под виселицы...

— Тогда не надо! Ни в коем случае, — воспротивился Турчанинов. — Я все устрою сам, спишу с ним, договорюсь о встрече на нейтральной почве, вам рисковать неlesia.

— Спасибо, Анджей, это так трогательно... Тем не менее сейчас я отвечаю за вашу безопасность, а не наоборот... Давайте увидимся здесь же, завтра, в девять. Вас это время устроит?

— В десять. Я сдаю свой пост в девять... Я теперь служу ночным портье, смена кончается не ранее девяти пятнадцати... Пока все передашь сменщикам, то да се...

— Денег на жизнь хватает?

— Вполне, благодарю.

— А на ветчину? Рыдз снова улыбнулся. — Юзеф уполномочил меня передать вам некоторую сумму...

Лицо Турчанинова замерло.

— Видите ли, я какой-никакой, но русский дворянин... Я не умею принимать вспомоществование от кого бы то ни было. Так что просил бы вас более к сему предмету не возвращаться. Завтра в десять здесь же, честь имею.

— Минуту, — остановил его Рыдз. — Вы напрасно сердитесь, Анджей. В нашем обществе взаимная выручка не считается обидной... Мы живем несколькими иными, скажем так, нравственными категориями... Они основаны на абсолютном доверии друг к другу... Вам, возможно, понадобятся деньги для работы... Для нашей работы. Вот в чем дело. И это не есть какая-то подачка... Или тем более оплата услуги... Рациональная оценка сложившейся ситуации, всего лишь... Ваше бывшее звание в охранке ротмистр?

— Точно так.

— Никаких документов, удостоверяющих вашу личность, не сохранилось?

— Все сохранилось, как же иначе... Иначе на острове Сен Луи¹ не дадут продления вида на жительство.

— Но вы здесь обосновались не под своим именем?

— Конечно. У меня вполне надежный паспорт, — Турчанинов усмехнулся, — выкраден из охран... охранки...

— До завтра, ладно?

Турчанинов не удержался, шуточно передразнил Рыдза:

— «Вадно». Поляка сразу можно определить по вполне французским буквам — «в» и «л».

Рыдз рассмеялся:

— До встречи, Анджей.

2

Квартира Владимира Львовича Бурцева, которую он снимал на Ваграме, являла собою Румянцевскую библиотеку в миниатюре: стены трех комнат, широкого коридора, даже кухни были заставлены самодельными стеллажами, набитыми книгами, журналами, большими папками с газетными вырезками, бюллетенями заседаний Государственной думы, выпусками правительственных вестников; запах кофе был постоянным; Бурцев варил его по-студенчески, на спиртовке; пил из крохотной чашки, всего на два глотка; длинные зубы от постоянного курения и крепчайшего кофе были желты; подшучивал над собою: «Вроде старого коня — не заметил, как жизнь просквозила».

Рыдза признал сразу же, но, однако, настоящим именем называть не стал, осведомился, как следует обращаться; выслушав ответ — «Мацей», удовлетворенно кивнул и, пригласив устраиваться в кабинете, где свободного пространства почти не было, оттого что кипы новых, не проработанных еще газет валялись на полу, между скрипучими, разностильными стульями, отправился готовить кофе.

Возвратившись со своей крохотной чашечкой и стаканом для Рыдза, осведомился:

— Чем могу служить?

— Владимир Львович, мы получили данные, которые бы хотелось перепроверить... Один наш товарищ видел, как глава боевки социалистско-революционеров садился в экипаж некоего полицейского чина, носящего гражданскую форму.

— Это вы про Азефа?

— Да.

— Ну и что?

Рыдз опешил:

— То есть как?

— А так, — хохотнул Бурцев. — Для меня совершенно ясно, что Азеф — провокатор. И я про это, как вам, по-видимому, известно, неоднократно заявлял. Но ведь ЦК постоянно берет его под защиту.

— Чем вы это можете объяснить?

Бурцев разбросал руки, словно драчливый петух крылья.

— А вы?

— Партия переживает кризис, — ответил Рыдз уверенно. — Мы об этом писали неоднократно.

— Я, как бывший эсер, слушаю это с болью, но, увы, Ленин тут прав, — вздохнул Бурцев, — именно кризис.

— Мне тоже это больно слышать, Владимир Львович... Я имею множество друзей эсеров, честнейшие люди, огромного личного мужества и чести...

— Да уж, этого не занимать.

— Однако, Владимир Львович, товарищ, получивший информацию об Азефе, крайне щепетил в вопросе обвинения кого бы то ни было, да тем более в провокации. Этот товарищ просит вас встретиться с человеком, который бежал из охранки после того, как оказал нам реальную помощь... Вполне серьезную. Он в розыскных листах, ему грозит военно-полевой суд. Если французы выдадут его Петербургу, надо ждать еще одного обвинительного приговора... Мы можем надеяться, что использование вами этого человека не нанесет ему ущерба?

— Хотите, чтобы я встретился с анонимом?

— Да.

— Как правило, я работаю с теми, кто принимает на себя ответственность, товарищ Рыдз.

— Этот человек, возможно, еще пригодится нам для борьбы... Мы стараемся оберегать его от провала...

— Проверяли его? Надежен?

Рыдз ответил вопросом:

— А вы Меньшикова с Бакаем проверяли? Надежны?

— Да.

— Двойной игры с их стороны быть не может?

— Нет. Ведь именно они помогли мне разоблачить провокатора Зинаиду Жуженко...

— Аджютанта «Казбека»?

— Да.

— «Казбек» — это Сладкопевцев?

— Он же в борьбе... Я не вправе открывать псевдонимы тех, кто продолжает бой с самодержавием.

— Простите.

Бурцев начал ловко лавировать между кипами газет, по-петушиному забросив руки за голову, чудом сидевшую на тоненькой ше; остановился перед Рыдзом, нагнувшись к нему, спросил:

— Ну, хорошо, допустим, я встретился с вашим человеком анонимно... Он дал мне новую информацию, которая понудит ЦК социалистско-революционеров хоть как-то откликнуться на новые улики. Но ведь тогда Чернов с Савинковым неминуемо потребуют встречи с моим... с вашим свидетелем... Как быть?

— Давайте начнем, а? За это время я снесусь с моими товарищами.

— Что ж, попробуем.

— У меня, кстати, есть внешний портрет того полицейского чина, который встречался с Азефом... Это была не случайная встреча, он его в извозчике ждал, в экипаже...

— Послушаем, — откликнулся Бурцев. — Давайте-ка портрет.

— Глаза стальные, с прищуром, веки припухлые, усы, чуть правленнее вниз, нос прямой, лоб высокий; выражение лица сосредоточенное, особых примет нет, крепкого телосложения, довольно широкоплеч, рост высокий, по здешним меркам под метр восемьдесят пять, с аршинами я путаюсь...

— Хм... После девятиста пятого года новые начальники департамента и охраны не очень-то позволяют печатать свои фотографические портреты... На Виссарионова не похож, на Комиссарова тоже...

— Кто из чинов полиции был на процессе депутатов первой Думы?

— Информация не поступала, но кто-то был, вокруг здания кишели филеры, ждали кого-то...

— Не Герасимова?

— У меня есть только одна его фотография... Давняя, когда он в начале девятидесятых годов служил адъютантом при Самарском жандармском управле-

¹ Отдел городской полиции Парижа.

нии... Усы у него были стрельчатые, борода клинышком, волос кучерявый, шатен, весьма привлекателен...

Поднявшись, Рыдз сказал:

— Человек, который к вам придет, живет под чужим именем. Его зовут Федор Мокеевич. Это псевдоним. Когда соблаговолите его принять?

— Давайте завтра, часов в девять, я птица ранняя.

— Ему далеко добираться, живет в пригороде. Если разрешите, он будет в одиннадцать тридцать.

О «пригороде» сказал неспроста: Владимир Львович — человек увлекающийся, Монмартр в Париже один, а пригородов много, страховка не помешает.

3

— Владимир Львович? — осведомился Турчанинов, разглядывая Бурцева.

— Именно так. С кем имею честь?

— Я Федор Мокеевич.

— Кто?!

— Вчера вам говорили обо мне. Вы назначили встречу на одиннадцать тридцать.

Бурцев посторонился, пропуская гостя в квартиру: — Да, да, верно. Прошу.

Вчера вечером Турчанинов спустился квартирою ниже, там жили две проститутки, Мадлен и Мари (перекрытия потолка слабые, все слышно, гостей у девушек не было), попросил утюг с угольями. Мадлен вызвалась погладить ему пиджак и брюки: «Я же работала прачкой, все сделаю вмиг». Турчанинов поблагодарил, ответив, что стеснен в средствах, лучше уж сам. «С соседями не берем, — расхохоталась Мари, — даже за любовь не берем с соседями». Поэтому к Бурцеву пришел выжужженный, в свежей сорочке и галстуке, военная косточка, привычка — вторая натура.

— Нуте-с, Федор Мокеевич, с чем пожаловали?

Турчанинов усмехнулся:

— С головою, Владимир Львович. В коей есть информация, которая может помочь вашей борьбе с провокацией.

— Ага... Ну, что ж... Вы с Бакаем и Меньшиковым знакомы?

— Шапочно. Они были в Петербурге, а я служил в Привисленском крае.

— Вы в розыскных списках девятьсот седьмого года?

— Да.

— Так что ж вы и ваши польские друзья от меня конспирируете, милостивый государь?! Вы Андрей Егорович Турчанинов, адъютант при бывшем начальнике варшавской охраны полковнике Глазове, а затем какое-то время при Попове, до того, как он был казнен. Из привисленских только один вы и значитесь в списках...

Турчанинов вздохнул:

— Ну, и слава богу... Сразу легче стало с вами говорить.

— К ликвидации Попова имеете отношение?

— Да.

— Чем вам это грозит?

— Если докажут, — расстрелом.

— Тогда вернемся к Федору Мокеевичу, дело нештучное... Скажите, пожалуйста, как вы относитесь к тем материалам, которые мне передали Бакай и Меньшиков?

— Положительно. Вы базировались на их показания, когда разоблачили Жуженко?

— На их тоже.

— А показания об Азефе они вам давали?

— Да.

— У нас в варшавской охран... ке... об Азефе вообще ничего не было известно.

— Это и понятно... Агент такого уровня действует под руководством непосредственно главного шефа... В России никогда тайн не было, на язык горазды...

— Потому что никогда не было свободной печати. Бурцев удивился:

— Не вижу связи...

— Прямая связь, — возразил Турчанинов. — Поскольку все везде закрыто, люди стремятся утвердить себя причастностью к секретам — проявление обычного человеческого самодовольствия, форма самовыявления...

— Занятно, — откликнулся Бурцев, оглядев Турчанинова еще раз; глаза его потеплели, прежней настроенности в них не было. — Вы оригинально мыслите. Скажите-ка, а вы с Герасимовым встречались?

— Дважды.

— Где?

— В северной столице. Был командирован за дополнительными материалами по государственной преступнице Розалии Люксембург, когда она была схвачена в Варшаве.

— Опишите-ка мне его, пожалуйста.

— Извольте... Высокого роста, шатен с легкой проседью, усы подбивает, чтобы повторяли форму рта, губы чувственные, полные, нос прямой, особых примет на лице нет. Во время выездов на конспиративные встречи и самоличного наблюдения за интересующими его персонами имитировал хромоту...

— Сходится. — Бурцев даже в ладони хлопнул (пальцы длинные, как у пианиста). — Он хромотал и на процессе против социал-демократических депутатов, когда вторую Думу разогнали!

— Меня уполномочили попросить вас, Владимир Львович, если почтете возможным, передать раннюю фотографическую карточку Герасимова, поры его службы в Самаре...

— Передать не передам, а вот сходить в мастерскую портретов мсье Жаклюзо — можем. Если хорошо оплатите, он сделает копию в два дня, работает виртуозно...

4

«Дорогой Юзеф!

После того, как Ядзя начала работу с Влодеком, выявилось множество интереснейших подробностей.

Начну с того, что Нэлли, оказывается, передавала дедушке Герасиму про все шалости толстяка, особенно когда они собирались на чай.

Впрочем, Влодек говорит, что Нэлли ябедничала не столько дедушке Герасиму, сколько дяде Климу, а тот уже передавал старику.

Таким образом, плуты выдавали зоркому родительскому оку, каким по праву являются дедушка Герасим и дядя Клим, все, что происходило, когда детвора встречалась, чтобы придумать новые проказы.

Толстяк про Нэлечку ничего не говорил, жалел беденькую, вот ведь какая доброта и благородство! Только он не знал, утверждает Влодек, что она сама шептала обо всех проделках Климу.

Фотографию дедушки Герасима я тебе отправил с Халинкой, передаст в собственные руки; постарел ли он, как ты находишь?

Как поступать дальше с нашими шалунами? Ты у меня славный и мудрый педагог, подскажи.

Твой Големба».

«Ядзя» — Турчанинов.

«Влодек» — Бурцев.

«Нэлли» — З. Жуженко, член партии соц.-революционеров, провокатор охранки.

«Дедушка Герасим» — А. В. Герасимов.

«Шалости» — выступления на заседаниях ЦК эсеров, работа по выработке резолюций.

«Толстяк» — Азеф.

«Собрались на чай» — съезд эсеров.

«Ябедничала» — писала донесения.

«Дядя Клим» — генерал Климович, начальник московской охранки.

«Детвора» — члены ЦК и делегаты эсеровских съездов.

«Жуженко знала от Климовича, что Азеф является агентом охранки, в то время как Герасимов не открыл ему принадлежность Жуженко к охранке».

«Големба» — Рыдз, Розинский.

5

«Дорогой Мацей!

Спасибо за письмо. Очень рад, что твоя учеба идет так хорошо.

Наша беда в том, что мы мало и недальновидно думаем о будущем, когда нам понадобятся высокоталантливые исследователи. Не забывай меня фантазером. Я в это верю. А все то, во что по-настоящему веришь, — сбывается, если в подоплеке веры лежит не смрадное суеверие, но знание, базируемое на науке.

Теперь по поводу наших шалунов.

Поскольку Халинка еще не приехала (видимо, остановилась в Берлине у сестры), я лишен возможности полюбоваться на любимого дедушку.

Жаль, конечно, потому что я не смогу ответить на твой вопрос, насколько он постарел и осталось ли в его чертах сходство с портретами молодости.

В моем письме для меня немало интересного. Но я ставлю один главный вопрос: если проказница Нэлли знала о том, что толстяк наущивает милому дедушке, то отчего Влодек, рассказав про другие ее шалости, об этой до сих пор таит, даже после того, как девушка удалась из монастырской школы?

До тех пор, пока она открыто не подтвердит Влодеку недостойное ябедничество толстяка, мы не можем журить его; самое досадное — зазря обидеть человека. Хотя чем больше я думаю о том, что мне довелось видеть своими глазами в Пальмире, тем тверже убеждаюсь, что мое предположение, увы, правильно. Признаюсь, мне это очень горько. Можно любить человека или не любить, симпатизировать ему или выражать антипатию, но обвинять в проступке такого рода, о каком идет речь, дело чрезвычайно серьезное.

Ты знаешь, что меня связывает давняя дружба с Наташей, а она всегда истово защищала и защищает толстяка, считая, что его все не любят за вздорный нрав, но мальчишка он на самом деле чистый и высоко честный.

Надо быть крайне осторожным в обвинениях; лучше простить виноватого, чем наказывать невиновного...

Хорошо было бы свести воедино мнения всех ребятшек, знавших толстяка, а уж потом пригласить его на дружескую беседу за круглый стол с чаем.

Хотя есть и другой путь. Если Влодек так уж уверен в своей правоте, — я ведь знаю его, человек он честный, но очень неорганизованный, поддающийся настроениям других, резко меняющий свои мнения, — пусть предложит Витэку и Боре, чтобы те сначала пригласили его самого на кофе. Коли он убежден в своей правоте, пусть идет на это. Такого рода застолье не может не вызвать отклика, глядишь, еще кто чего расскажет.

Сердечно приветствую тебя,
Юзеф».

«Сестра в Берлине» — Роза Люксембург.

«Любимый дедушка» — Герасимов.

«Нэлли» — провокатор З. Жуженко.

«Монастырская школа» — охранка.

«Недостойное ябедничество» — провокация Азефа.

«Пальмира» — Петербург.

«Наташа» — Марк Натансон, член ЦК эсеров.

«Ребятишки» — в данном случае Меньшиков, Бакай, Турчанинов.

«Дружеская беседа за круглым столом с чаем» — партийный суд ЦК соц.-революционеров.

«Влодек» — Бурцев.

«Витэк и Боря» — члены ЦК соц.-рев. В. М. Чернов и Б. В. Савинков.

«Кофе» — третейский суд.

6

«Дорогой Юзеф!

Имел беседу с Влодеком. Твое предложение ему понравилось. Он написал Витэку, что готов пожаловать на кофе.

Ядзя и ребятишки встречались у Влодека, свели все свои соображения воедино, Влодек очень этому рад.

Получил ли портрет нашего дедули?

Твой Мацей».

7

«Дорогой Мацей!

Портрет, который мне передали, свидетельствует о том, как мало изменился наш дедушка Герасим. Передай Влодеку, что я могу это свидетельствовать за чашкой чая, если смогу вернуться.

Юзеф».

8

Рано утром в дверь бурцевской квартиры резко постучали: сразу понял, что пришел русский, — звонок не признает, рукой слышной.

— Кто там? — спросил Владимир Львович.

— Это я, — услышал он знакомый голос; открыл дверь; на пороге стояла Рита Саблина, член Боевой Организации эсеров.

— Милости прошу, заходите, солнышко. Рад вас видеть!

Не ответив, Рита прошла в его кабинет, брезгливо огляделась; была здесь первый раз.

— Хотите кофе?

— Я не стану пить у вас кофе, — ответила маленькая девушка с огромными, немигающими глазами; приняла участие в двух актах; Савинков спас ей жизнь, — Азеф настаивал, чтобы она была метальщицей снаряда в карету министра, загодя отдавая ее на заклятие; Савинков сказал тогда, что он сам будет метать снаряд.

— Ну, уж смените гнев на милость, Рита, — мягко попросил Бурцев, понимая, что улыбается, вполне вероятно, последний раз в жизни; девушка напряжена, натянута, словно струна, руку из кармана юбки не вынимает, видимо, сжимает холодными пальчиками револьвер, чтобы покончить с ним, «наймитом охранки, гнусным клеветником на партию». — Если же вы полагаете возможным убить меня до того, как выслу-

шааете, — что ж, стреляйте. Я ведь в террор пришел, когда вы третий класс гимназии посещали, смерти в глаза смотрел поболее, чем вы, не боюсь ее.

— Сначала вы меня выслушаете, господин Бурцев. А потом уж я разрешу сказать вам несколько слов.

— Вы съдите хотя бы, — снова попросил Бурцев. — Что ж мы стоя разговариваем?!

— Мне отвратительно в вашем доме все, даже ступеньки, на которых сидят жандармы...

— Бывшие, товарищ Саблина, бывшие. И если бы они тут не сидели, то ваша подруга Зиночка Жуженко продолжала бы писать осведомительные письма генералу Климовичу, ее любовнику и шефу московской охранки, про то, что происходит у вас в ЦК. Или вы ставите под сомнение ее провокаторство тоже? Раз эсер, то, значит, безгрешен? Ни ошибок, ни предательства совершить не может?

— Речь идет не о Жуженко, — досадливо поморщившись, ответила Рита, — но о товарище Азефе. Я была с ним на актах... Он спас мне жизнь, хотя я его об этом не просила: рискуя сорвать дело, он снял меня с метания снаряда, заменив своим адъютантом. По несчастливой случайности ни один из нас тогда не погиб. Как же провокатор может ставить акт, приводить в исполнение приговор трудового народа против палача, да еще при этом не потеряв ни одного из товарищей?!

— Двойник может и больше, — ответил Бурцев. — Да? Он может спокойно убить великого князя Сергея? И получить за это благодарность охранки?

— Послушайте, Рита, — раздражаясь, сказал Бурцев, — я же предлагаю вашему ЦК: вызовите меня на суд! Позавчера я послал письмо Чернову, но ответа до сих пор не получил. А ведь можно позвонить по телефонному аппарату в конце концов. Да и живет Виктор Михайлович от меня в десяти минутах ходу.

— Я шла девять, — отчеканила Рита. — ЦК вызывает вас на суд, хотя я голосовала против. Тем не менее если и после того, как мы опозорим вас — фактами, только фактами — и уличим в клевете, вы станете продолжать свои нападки на товарища Азефа, я лично я убью вас, господин Бурцев. Вы меня знаете, меня не остановит ничто.

— Слава богу, — облегченно вздохнул Бурцев. — Вы принесли мне самое радостное известие, которое я получал в последнее время. Спасибо, Рита, я счастлив, что будет суд.

— Я не «Рита» для вас, но «госпожа Саблина», — отчеканила девушка, осмотрела жалкую фигурку тщедушного Бурцева с нескрываемым презрением и, резко повернувшись, пошла к двери.

ВОТ ПОЧЕМУ РЕВОЛЮЦИЯ НЕМИНУЕМА! (IV)

«Вчера и сегодня разбиралось дело о нападении на почту вблизи Соколова. Мужчины — пятнадцать человек — и одна женщина приговорены к смерти, две женщины — к пятнадцати годам каторги... Ученик из Седлеца, сидевший рядом со мной, тоже приговорен вместе с ними.

...Опять восемь человек было приговорено к смерти.

Сегодня Ганку вызывали в канцелярию, откуда она вскоре вернулась возбужденная, хохочущая. Начальник предложил ей на выбор: или предать — тогда ее приговорят только к пожизненной каторге, или быть повешенной. Он говорил ей, что она молода и красива. В ответ она расхохоталась ему в лицо и выбрала виселицу.

Теперь она считает дни, сколько ей еще осталось жить, старается спать как можно меньше, целыми ночами бродит по камере. Иной раз вырвутся у нее из груди слова смертельного утомления и отчаяния: «Почему они пьют без конца нашу кровь! Я утешала себя, что все это вскоре рухнет, а они все еще убивают... И молодежь уже не спешит к нам». Но такие слова не часто вырываются из ее груди. Теперь она уже снова поет, устраивает жандармам скандалы, хохочет: «Даже когда меня донимают ужасные муки, я делаю все, чтобы они этого не заметили. Пусть не радуются».

Часто в ее словах чувствуется, что она мечется между жадной жизни и неизбежностью смерти от их рук, и у нее является мысль о самоубийстве, но луч надежды продолжает в ней тлеть. А когда она стучит мне, что она не склонит головы, что она не дрогнет, вступая на эшафот, я чувствую, что она говорит правду. По временам ею овладевает желание иметь при себе близкого человека, видеть его, чувствовать его прикосновение, свободно говорить с ним; тогда она кланет разделяющую нас стену. Вот так мы рядом живем, словно родные и друзья из непонятной сказки. И я не раз проклинал себя, что не меня ждет смерть...

...Вчера казнены приговоренные за нападение в окрестностях Соколова. Заключенный, сидевший вместе с одним из них, не обращая внимания на жандарма, крикнул во время прогулки Ганке: «Уже казнен!» Сегодня на прогулке мы видели только одного из приговоренных к смерти — ученика из Седлеца, сидевшего раньше рядом со мной. Он сообщил, что его вернули с места казни... Завтра будет суд над пятью-

десятью одним человеком по делу об убийстве ротмистра в Радоме.

...Полчаса тому назад (теперь уже, должно быть, около 11 часов вечера) привели из суда в наш коридор двоих радомчан. Оба приговорены к смертной казни. Если бы нашелся кто-нибудь, кто описал весь ужас жизни этого мертвого дома, борьбы, падений и подъема духа тех, кто замурован здесь, чтобы подвергнуться казни, кто воспроизвел бы то, что творится в душе находящихся в заключении героев, а равно подлых и обыкновенных людишек, что творится в душе приговоренных, которых ведут к месту казни, — тогда жизнь этого дома и его обитателей стала бы величайшим оружием и ярко светящим факелом в дальнейшей борьбе. И поэтому необходимо собирать и сообщать людям не простую хронику приговоренных и жертв, а давать картину их жизни, душевного состояния, благородных порывов и подлой низости, великих страданий и радости, несмотря на мучения; воссоздать правду, всю правду, заразительную, когда она прекрасна и могущественна, вызывающую презрение и отвращение к жертве, когда она сломлена и опустилась до подлости. Это под силу только тому, кто сам много страдал и много любил; только он может раскрыть этот трепет и борьбу души, а не те, кто пишет у нас некрологи.

...Всем радомчанам смертная казнь заменена каторгой. Меня уверяли, что заменят и Ганке. Несколько дней тому назад к ней в камеру перевели другую женщину. С этих пор хохот и пение в течение целого дня без перерыва разносятся по всему коридору.

...Рядом со мной уже два дня сидит товарищ из Кельц. В четверг слушалось его дело — приговорен к смерти, замененной пятнадцатью годами каторги; через две недели будет слушаться другое его дело — об убийстве двух стражников. До него несколько дней сидел товарищ из Люблина. Ему сообщили, что его узнал провокатор Эдмунд Таранович и что он обвиняет его в убийстве почтальона и пяти солдат. Виселица верная. Говорят, что этот провокатор выдал

целую организацию ППС и настолько занят разоблачениями и показаниями, что следователям приходится ждать очереди, чтобы его допросить. У радомчан было за это время еще два дела, два раза их приговаривали к смерти и оба раза заменяли каторгой.

...Вчера заковали четырнадцать человек; один из них по дороге в кузницу, горько улыбаясь, сказал: «Последние свободные шаги».

...Ганка сидит теперь вместе с Овчарек, которую обвиняла в предательстве. Должно быть, глала.

...Сегодня во всех камерах закрыли окна и накрепко забили их гвоздями. Теперь камера опять закрылась, как могила, и не видно ни неба, ни деревьев, ни ласточек.

...К нам проникло известие о том, что охранка подослала сюда шесть шпионов, что в среде заключенных есть провокаторы. Началась слежка. Бывало, что обнаруживали действительных провокаторов, но бывало также, что подозрение падало на людей, возможно, ни в чем не повинных. Создается атмосфера недоверия, портящая совместную жизнь; каждый по мере возможности замыкается в себе.

Шпионы действительно много. Здесь так часто смеяют товарищей по камере (редко кто сидит один, большинство сидят по трое и больше), что цель этого становится очевидной: дать возможность неразоблаченным шпионам узнать как можно больше. Несколько дней тому назад я увидел в окне бесспорно уличенного в провокации на прогулке с вновь прибывшим из провинции. Я крикнул в окно: «Товарищ! Гуляющий с тобой — известный мерзавец, провокатор». На следующий день они уже гуляли каждый отдельно.

...Сегодня убедился, что, к сожалению, мои подозрения были обоснованы. Оказывается, Ганка была

в Творках (дом для умалишенных) и оттуда была освобождена прувосскими социал-демократами. Когда ее после этого арестовали, она выдала тех, которые ее освобождали: сама ездила с жандармами и указывала квартиры освободивших ее товарищей. Здесь она сидит под вымышленной фамилией, тщательно скрывая свою подлинную фамилию (Островская). Почему она предавала? Кто ее знает: может быть, избивали, а возможно, она действительно сумасшедшая. Теперь она уже несколько дней сидит в коридоре надо мной. Сегодня я обо всем этом уведомил других... Я обязан был это сделать... Возможно, вначале она попытается защищаться, утверждать, что все это ложь. Она, вероятно, будет бороться хотя бы за шепотку доверия. Но заслуженный удел ее — позор, самый тяжелый крест, какой может выпасть на долю человека...»

ДРУГ СУПРОТИВ ДРУГА (II)

Переписку между Лондоном и Петербургом о предстоящем визите английского короля Эдуарда Седьмого в Россию Герасимов теперь читал в тот же час, как только она выходила из канцелярии министра иностранных дел Извольского. Он ясно понимал, как важен этот визит, — Столыпин не обманул, действительно намечалось сближение с Британией. Из беседы с Петром Аркадьевичем — однажды засиделись до трех утра — сделал вывод, что поворот этот не случаен; инициатором его были люди, опасавшиеся германфильства государыни, ее растущего влияния на августейшего супруга; в критической ситуации дело может кончиться ее регентством, что значило бы окончательное растворение России в германском духе.

Оценив происшедший поворот, присмотревшись, не полагает ли государь новый курс Столыпина, полковник сделал надлежащие выводы и переориентировал своего маклера: тот теперь играл на бирже с ощутимым успехом, потому что ставил лишь на компании и банки, связанные с английскими интересами.

Читая телеграммы, Герасимов потешался над просьбой Эдуарда VII организовать его визит в Петербург так, «чтобы я мог побольше увидеть»; знал, что по этому вопросу непременно вызовет Столыпина; вот он, реальный шанс, — окончательно доказать всем и вся, что его, Герасимова, слово в деле политической полиции империи непререкаемо.

Петр Аркадьевич действительно его вызвал, ознакомил с шифротелеграммой английского МИДа, копию которой Герасимов прочитал еще вчера; полковник, однако, сделал вид, что изучает документ с видимым интересом; аккуратно спрятав очки в тонкой золотой оправе в серебряный футлярчик, ответил:

— Этого делать никак невозможно, Петр Аркадьевич.

— Опасаетесь бомбистов? Но они же у вас в кулаке, Азеф бдит...

— Вместе с Азефом бдят директор полиции Трусевич, начальник царской охраны Спиридович и министр юстиции Щегловитов, — усмехнулся Герасимов. — Если бы только Азеф и я, тогда б хоть на Путиловском заводе можно было принимать монархов...

Посмеялся и Столыпин; потом, никак не форсируя давешний разговор по поводу задумки, которая понудит государя не обращать внимания на критику сановников по поводу его, премьера, активности против общины, спросил:

— Готовы отстаивать вашу точку зрения перед государем?

— Готов, Петр Аркадьевич. Если вы считаете это целесообразным, готов.

...Визит к монарху был организован так, чтобы об этом не знал никто, кроме премьера и генерала Дедюлина; из-за интриг, немедленно начавшихся в столице после первой аудиенции, данной Николаем полковнику, генеральские погоны до сих пор зависли, зачем подставлять Герасимова лишней раз, и так у него предостаточно врагов: ненавидят тех, кто умеет работать, бездельников осыпают крестами, не страшны, люди без собственного мнения, скоморохи, веселят самодержца, говорят с ним по-простому, так, чтобы все было понятно, не надо вникать, шуты со звездами, осыпанными бриллиантами, — явление, вполне обычное при абсолютизме.

В Царское Герасимов приехал под вечер; государь принял его в кабинете, был несколько раздражен чем-то, той задумчивой беседы, которой так сладостно гордился Герасимов, не получилось.

— Его величество король британский, наш кузен Эдуард, привык у себя в Лондоне повсюду свободно ходить, — досадливо морща лоб, без выражения лица, говорил Николай. — Потому и здесь, в империи, он захочет вести себя так же. Он решит посетить театры, балет, отправится гулять по улицам, наверняка выскажет пожелание посмотреть биржу, заводы, верфи... Значит, я буду обязан по протоколу всюду его сопровождать. Я готов, конечно... Однако хочу спросить ваше мнение: я могу?

— Нет, ваше величество, — ответил Герасимов, как-то по-новому рассматривая лицо Николая, безжизненное, словно маска, какая-то вещь в себе, ни единый мускул не дрогнет, и глаза потухшие.

— Ну, вот видите... Если он решится гулять по столице один, это вызовет толки... Снова начнутся разговоры о нестабильности, станут печатать антирусские гнусности... Поэтому будет лучше, если он не приедет в Петербург... Встречу проведем в другом месте. Обдумайте, как это лучше сделать.

— Мне следует снести с министерством иностранных дел?

— Решите этот вопрос с Петром Аркадьевичем, — еще более раздраженно ответил государь. — Мне ведомо, как решаются дела такого рода.

— Разрешите, ваше величество, изложить мой план, который будет гарантировать абсолютную безопасность августейшей семьи?

В глазах государя мелькнула какая-то живинка; видимо, услугавшись, что его собеседник заметил это, он сразу же отвернулся к окну.

— Да, пожалуйста, но лишь вкратце.

А ведь я на голову выше его, подумал Герасимов, масенький у нас самодержец, хлипкий... Засандавить в него пару пуль, — завтра б стал самым знаменитым человеком мира, во все б исторические учебники вошел. А что? Сговориться б заранее со Столыпиным, убрать Дедюлина со Спиридовичем, на коня, — и был таков! Что там всякие Робеспьеры да Кромуэли?! Герасимов! Ух, прогрелмо б! Или зарезать. Вообще никакого шума. Под мышки взять, за стол оттащить, посадить на стул, мол, работает венценосец, хрена б догнали... Назавтра — республика, меня чествуют спасителем нации, герой освободительной борьбы... Эх, с Азефом бы такое дело провести, Столыпин не пойдет, силен-силен, а в самом нутре — слабак, постоянно оглядывается, хитрит с самим собою, боится открыто осердиться.

— Самым надежным местом встречи я полагаю Ревель, ваше величество.

— Почему? Там же инородцы. Русские люди на своего государя руку никогда не поднимут, только инородцы...

— Это, конечно, так, ваше величество, вы совершенно верно изволили заметить, — кивнул Герасимов, подумав, что Каляев, Савинков, Сазонов, Никитенко с Наумовым, не говоря уж про Халтурина и Софью Перовскую, были чистокровными русскими, — но Ревель можно блокировать со всех сторон, да и гавань там прекрасная; британскую эскадру разместим в полнейшей безопасности, как и фрегат вашего императорского величества... Встреча пройдет на воде, минимум спусков на сушу... Две великие морские державы встречаются на воде, вполне подлежит толкованию в прессе... В этом случае, даже если бы бомбистам и удалось проникнуть в Ревель, — хотя практически я такую возможность исключаю, — то уж на корабль доступ им совершеннейшим образом закрыт.

— Изложите ваши соображения Петру Аркадьевичу, — заключил Николай, заметив кого-то в окне, и чуть склонил голову, дав понять, что аудиенция окончена.

Выслушав Герасимова, не перебив ни разу, Азеф вздохнул:

— Да знаем мы о предстоящем визите, Александр Васильевич, знаем самым прекрасным образом.

— Откуда же?! — Герасимов искренне изумился. — Об этом здесь известно всего десятистам да и в Лондоне стольким же!

— Повторяю, этот вопрос обсуждался на заседании ЦК неделю назад. И было принято решение готовить акт.

— Ничего не получится, — неотрывно глядя на уродливое лицо друга, сказал Герасимов. — Встреча будет не здесь, а в Ревеле.

— Ну и что? — Азеф пожал плечами. — Мы рукастые. Найдем людей на флоте. Думаєте, флот простил царю «Потемкина»? Казнь лейтенанта Шмидта? А Никитенко чего стоит? Вся пресса на ушах стояла, — «жертва полицейской провокации». А ведь именно он, Никитенко, моего друга Савинкова из-под петли спасал, на шлюпочке через Черное море вывез... Словом, я против акта не возражал... Не мог: снова кто-то против меня плетет, с подачи старой змеи Бурцева...

— Задумай, — усмехнулся Герасимов. — Долго ли умеючи?

— Это — быстро, — согласился Азеф.

— План акта намечен?

— Разрабатываем.

— Когда намерены закончить?

— Как скажу вам подробности, — отчего-то рассердился Азеф, — так и узнаете...

Вернувшись в номер, Азеф забрался в ванну, долго отмокал в голубой воде (бросил кусок французского ароматного мыла, чтоб пенилось и кожа благоухала), обсуждая ситуацию с самим собой.

Как всякий предатель, он постоянно жил в страхе за жизнь: после того, как организовал убийство Плеве (с подачи сукина сына Рачковского, именно он намекал, что это угодно Сферам), ждал ареста и петли; когда отдал Герасимову своего ближайшего друга и любимца Боречку Савинкова, боялся, что придут, как и Гапона, его же питомцы, бомбисты.

Он мучительно, постоянно, каждую минуту думал о выходе, не отдавая себе, ясное дело, отчета, что выхода уже не было и быть не могло: рано или поздно

предательство непременно всплывает наружу, причем особенно вероятно это, когда страна взбудоражена, правительственной линии нет, царствует сонная бюрократия, лишенная той реальной идеи, которая бы могла объединить народ, поставив перед ним осуществимые задачи, подкрепленные ясным законодательством, понятным не ста правозаступникам, а самым широчайшим слоям населения: «это можно и то — можно, а вот сие — нельзя».

Азеф понимал, что раз и навсегда отвести подозрение в провокаторстве могло лишь одно: царевубийство. При этом он отдавал себе отчет и в том, что осуществление акта скорее всего повлечет за собою арест и казнь, которую первым же санкционирует любезный друг Александр Васильевич.

Поэтому, лежа в голубой мыльной пене, Азеф неторопливо комбинируя, выстраивал схемы, безжалостно рушил их — и все во имя того, чтобы продлить ту блаженную жизнь, которой жил, предав — двадцать еще лет назад — идею, которой поначалу решил было служить.

Знай Азеф про ту шальную мысль, что мелькнула в голове Герасимова в кабинете царя, доверясь он ему всецело, решился, в свою очередь, на поступок Герасимов, намекая на вероятность удачи Петру Аркадьевичу, кто знает, как бы сложилась дальнейшая судьба России, Европы, трех этих людей, но поскольку все они были разъединены недоверием и страхом, то чуда не произошло; все развивалось так, как и должно было развиваться в прогнившем колоссе, именовавшемся Империей.

Тем не менее назавтра, после заседания подпольного бюро ЦК, Азеф лениво заметил своему адъютанту Карповичу, изменившему до неузнаваемости внешность после «легендарного побега» из охраны:

— Суша сухой, но вы поищите, нет ли кого из наших в экипажах кораблей, что будут принимать Николая. У меня на это времени нет, а вам и карты в руки, причем желательно, чтоб морячок был не наш, а ка-

кой-нибудь анархист или, на худой конец, из летучего отряда, провинциал, не связанный с центром.

Через два дня Азеф пришел к Герасимову; снова был в ярости; когда начал матерно браниться, пахнуло тяжелым перегаром:

— Что же вы, Александр Васильевич, говорили мне, будто Николай отправится в Ревель на своем фрегате «Штандарт»? Он же на чугунке туда едет!

— Кто из нас начальник политического сыска империи, Евгений Филиппович? — Герасимов тоже набылчился. — Я или вы?

— Не надо со мною играть! — по-прежнему в ярости рявкнул Азеф. — Или вы мне верите, или нет! Тогда — до свидания! Ищите себе других друзей! Пусть они с вами варят кашу! Первый раз ваши генеральские погоны на гнедых прокатили, а второй на вороных до отставки пронесут!

О том, что генеральское звание утонуло в письменных столах интриганов, знали только Столыпин и Герасимов; откуда же все это приходит к образине?! Что творится в державе?! Тем не менее, услышавши про погоны (надавил на больную мозоль, шельмец, умеет бить в поддых), Герасимов снял трубку телефонного аппарата:

— Я готов позвонить при вас Петру Аркадьевичу. Можете взять отводную трубку, она в столовой, в горке, я ее прячу за серебряной вазой, вам, как другу, открываю тайну. Слушайте разговор.

Столыпина, однако, не было, вызвали в Царское, внеочередной доклад императору; эх, добиться бы права доклада и мне, чтоб не как милость даровалась, а по звонку дворцовому коменданту раз в неделю самые последние новости! Не сумел ему продать себя толком, сам виноват, оборел! Надо было б почитать царю, что его сановники про Думу пишут, про министров; у него лицо кроткое, как у женщины, ему сплетни сладостны, а что, как не главная сплетница империи, наша охрана?! Вот тебе и подступ! Верти им потом, как хочешь, жми на кнопки, пугай! Не через

Петра Аркадьевича, а — напрямую! Он же слабенький, его надо постепенно приучать, он податливый; я из кабинета, а змеи-завистники нашптали, ша-ша-шу-шу, вот он и стал отворачиваться да в окна смотреть, словно я табурет какой, а не человек...

— Когда ждете Петра Аркадьевича? — поинтересовался Герасимов; голос его в секретариате знали, поэтому не боялся отвечать правду.

— Видимо, поздно. Он изволил отправиться вместе с господином министром иностранных дел.

— Давно?

— С час тому назад, Александр Васильевич.

— Что-нибудь срочное?

— Да, вам курьер повез личный пакет, неужели еще не доставил?

— Я звоню с перепутья. Благодарю. Сейчас же проверю. До свидания.

Дав отбой, назвал барышне телефон адъютанта; тот сообщил, что личный пакет премьера «за сургучом» получен.

— Вскройте, — сказал Герасимов. — И прочитайте. — Хорошо, Александр Васильевич. Соболаговолите подождать чуток, возьму ножницы...

Зажав трубку ладонью, Герасимов озорно крикнул Азефу:

— Хорошо слышно?

Тот наконец сменил гнев на милость, усмехнулся: — Вот бы в ЦК эту отводную трубку поставить, цены бы мне не было, конец Бурцеву.

— Алло, Александр Васильевич. — Адъютант вернулся к аппарату. — Я не знаю, возможно ли такое читать по телефону.

— Что-нибудь связанное с «номером семь» (так в охране говорили о Николае). О нем?

— Именно.

Герасимов поджался, поразившись догадке, мелькнувшей в голове:

— Связано с маршрутом?

— О дополнительных мерах предосторожности.

— Хорошо, благодарю вас.

Герасимов положил трубку на рычаг, похожий на рога оленя, усмехнулся вошедшему Азефу:

— Ну? Так кто же шеф политической полиции? Я, милый Евгений Филиппович, я.

— Глядите, — ответил Азеф миролюбиво. — Моя информация абсолютна. Я говорю только в том случае, когда уверен. Я за это золотом плачу. Проверьте еще и еще раз. Если вам ничего не скажут, значит, у вас появились могущественные враги.

— Кто вам поведал об этом вздоре? Это сказал ваш враг, Евгений Филиппович, — Герасимов ответил ударом. — Назовите мне его.

— Нет, — Азеф покачал головой. — Не назову. Это мой коронный осведомитель. Он надежен. И не враг мне. Но и не друг. Он — болтун. А я ему в винт проигрываю... О нем в ЦК только Виктор знает. И Натансон. Назови я его, — мне гибель. Ваши филеры сей момент засветятся, провокаторы начнут к нему с идотскими вопросами приставать, — вот и конец мне, он все сразу поймет: значит, решит, один из нас троих — провокатор. Лидер партии провокатором быть не может. Натансон — теоретик, он прокламации пишет и газету ведет, от террора далек. Кто остается? Я остаюсь.

— Но ведь коронный осведомитель отдал вам фальшивку! Как должен был царь идти в Ревель на «Штандарт», так и идет! Какая «чугунка»?! Это же безумие по нынешним временам! Вам, бомбистам, подарок! Какой идиот это санкционирует? Я? Увольте! Столыпин? Да ни в коем разе!

В полночь позвонил премьер-министру; тот пригласил на чай; о том, что маршрут следования государя изменен, и слыхом не слыхивал.

— Это сказки какие-то, Александр Васильевич, чушь... От кого к вам пришла информация?

— Из окружения эсеров.

— Источник надежен?

И Герасимов уверенно солгал:

— Проверяем, Петр Аркадьевич, проверяем...

— Такого агента надо сажать. Или гнать взащей, — нахмурился Столыпин. — Заведомо вводит вас в заблуждение.

Ночью Герасимов не мог уснуть, ворочался на тахте, вспоминал жену, сбжавшую к сукину сыну Комиссарову; чего им, бабам, не хватает? Меня ей не хватало, ответил он себе; я параллельно ей жил, как игрок: она рядом, — ну и хорошо! Куда ей от меня деться?! А сам весь в интригах, ноздри раздувал, за генеральским золотом спешил, дуралей, бабу в упор не видел, вот и ушла... Возвращался то и дело к Азефу: почему «чугунка»? Неужели начал двойную игру?!

Утром, приняв холодный душ, тщательно побрил бороду и отправился в Царское, к Дедюлину.

Тот отчего-то заюлил, начал угощать чаем с черничным вареньем, говорил все больше о пустяках, анекдотами сыпал, слезливо умилился тем, как смышлен наследник, а когда Герасимов в упор спросил, не будет ли перемен в маршруте государя, ответил:

— Только вам и никому другому, Александр Васильевич... Велено держать в секрете, но ведь все равно вам, именно вам придется ставить охрану в пути

следования... Так вот, ее величество третьего дня гадала с Аннушкой Вырубовой, та ей на ночь выбросила карты, что-то много пик легло на раннюю дорогу, и поэтому поступило августейшее указание поменять фрегат на императорский поезд... Это должно быть сделано в самый последний момент... Вы уж порадейте, мой друг, не сочтите за труд, и поймите меня верно: я не имел права сказать вам об этом в телефон, как замечательно, что вы сами ко мне приехали... И еще: государыня сказала, что она намерена принять приглашение Бенкендорфа. Так что она вместе с английским родственником посетит имение графа близ Ревеля... Об этом тоже велено таить, сказать лишь в последний момент... Убежден, вы и там обеспечите надежную охрану...

— В скольких верстах от Ревеля находится имение графа?

— Всего двадцать пять, Александр Васильевич.

— Где дорога проходит?

— Сначала через город, потом по лесу, дивный тракт, желтый песок, корабельные сосны...

— Вот из-за корабельных сосен-то и жажнут бомбу,— скрипуче ответил Герасимов.— Я на себя такую ответственность не возьму.

— Но, Александр Васильевич, ее величество дружна с семьей Бенкендорфов! Старинный русский дворянский род. И жена его чудно гадает по кофейной гуще! Совершенная, именно так, совершенная угадываемость ближайшего будущего! Вы же знаете, как государыня верит в это...

— Этот дворянский род Пушкина укукошил,— по-прежнему скрипуче заметил Герасимов.— Для господ бомбистов прекрасный повод поставить акт именно на пути следования августейшей семьи к наследникам первого русского жандарма... А что касается гадания, то пусть графиня Бенкендорф сама пожалует на царский фрегат и там ворожит на гуще, охрану гарантирую...

— Вы чем-то раздражены, Александр Васильевич? — мягко, но с металлическими нотками в голосе, осведомился Дедюлин.— Возможно, я могу помочь вам?

— Нет, благодарю вас, в помощи не нуждаюсь... Что касается раздражительности, то ведь сплю мало,— дела... Врачи настаивают на том, чтобы лечь в клинику или поехать на воды... Как полагаете, стоит прислушаться к эскулапам?

И Дедюлин дрогнул:

— Конечно, конечно, Александр Васильевич, ваше здоровье надобно беречь, только, бога ради, после высочайшего визита в Ревель! Не бросайте нас со Спиридовичем, на вас надежда...

— Да разве во мне дело? — чуть нажал Герасимов.— Трусевич — директор департамента полиции, тайный советник, полный генерал,— огромная власть в руках, сотрудники разбросаны по всей империи, куда мне с ним в квалификации равняться?

Дедюлин на это ответил, положив ладонь на левую руку Герасимова, которой тот прижимал к столу бумаги, чтоб не смело сквозняком:

— Я обещаю, что предприму необходимые меры — в случае, если визит в Ревель пройдет благополучно — для безотлагательного жалования вас генерал-майором, Александр Васильевич.

— Благодарю,— ответил Герасимов.— Тем не менее на поездку в замок к Бенкендорфам я накладываю табу. Иначе не смогу гарантировать, что высочайший визит пройдет благополучно. Лучше продолжать службу полковником с чистой совестью, хоть и без награды, чем генералом, повинным в трагедии империи.

Дедюлин снял ладонь с его руки, пожал плечами, но сказать ничего не сказал; расстались холодно; вернувшись в Петербург, Герасимов сразу же вызвал Азефа.

— Господин начальник охранного отделения, милостивый государь, Евгений Филиппович,— грустно пошутил он, приглашая провокатора к столу, сервированному с особым изыском,— а ведь вы у нас мудрец, не чета доверчивому Герасимову... Ваша взяла... Все верно — поезд. Где намерены проводить акт?

— На пути следования. Нападение боевиков на поезд...

— Каким образом избежим?

— Это я уже продумал. Только оплатите пару моих счетов по картам,— я отдал две тысячи, чтобы за дружескую беседу получить от моего сановника все, что требовалось...

— Считайте, что получили.

— А я уже посчитал,— серьезно ответил Азеф.— Мне, увы, все приходится считать... Словом, я сообщу моим людям шифрованной телеграммой о выезде Николая ночью, за полчаса перед тем, как поезд отправится из Петербурга. Ясно? «Я же сообщил! Не моя вина, что вы не успели провести акт в дороге!»

— В Ревель никто другой, кроме ваших людей, не собирается?

— Ну, Александр Васильевич, это не ко мне вопрос. Приходите к нам на заседание ЦК да и спросите,— я не всемогущ. На всякий случай скажите вашим пинкертонам, чтоб присматривали за максималистами, те нам не подчиняются, ответа за них не несу.

— У ваших на флоте есть контакты?

— Мои — под контролем. Стрелять и взрывать без

приказа не станут. А все другие — ваша забота. Идите.

В тот же день Герасимов попросился на прием к Столыпину; премьер любезно пригласил на чай; расспрашивал о новостях, был, как всегда, чарующе добр, но тем не менее на прямые вопросы не отвечал, предпочитал давать обтекаемые ответы; взгляд потухший, сеть мелких морщин под глазами; сдал, бедняга.

— Думаю, охрана августейшей семьи будет на этот раз особенно сложной,— задумчиво сказал Герасимов.— Я бросил на эту работу практически всех моих людей, столица останется без охраны...

— Почему «особенно сложной»? — спросил Столыпин, помешивая длинной ложечкой крепкий чай в своем серебряном, ажурном подстаканнике.

— Потому что террористы имеют все данные о маршрутах и плане августейших встреч.

— Как они к ним попали? Измена?

Герасимов вздохнул:

— Демократия, а не измена, Петр Аркадьевич... Эсеры снабжают материалами британские журналисты, там ведь все открыто, не то что у нас...

— Я попрошу Извольского снести с нашим послом в Лондоне по этому вопросу...

И тут Герасимов запустил:

— Ах, Петр Аркадьевич, я ведь не об этом... Меня страшит иное: поскольку все силы охраны будут передислоцированы в Ревель, северная столица остается совершенно незащищенной... Найдись десять человек, которые бы рискнули взять власть,— особенно если имеют связи с армией и полицией,— она, как спелое яблоко, сама бы упала им в руки... Да здравствует республика! Или конституционная монархия, коли с кем из великих князей уговорятся...

Столыпин закаменел лицом; хотел было резко подняться, но сдержал себя (не желает выдавать волнения, понял Герасимов; знает, что я к нему достаточно

присмотрелся, каждый его жест расписал по формулярчикам), спросил холодно:

— У вас есть какие-то сведения о такого рода возможности, Александр Васильевич?

Герасимов медленно поднял глаза на премьера, долго молчал, потом ответил — чуть не по слогам:

— Я фантазирую, Петр Аркадьевич... Но это вполне реальная фантазия... Во имя России люди ведь и на больший риск шли...

Ну же, думал он моляще, придвинься ко мне, положи руку на колени, открой душу! Ведь я вижу, как ты страдаешь! Я понимаю ужас твоего положения, как никто другой, дай только приказ, я все сделаю... Ладно, бог с тобой, не приказывай, намекни хотя бы, мне и того хватит.

Столыпин все же не выдержал, поднялся, начал мерить кабинет мелкими, семенящими шажками, чуть косолапя, словно застенчивая женщина на людях.

— Это правда,— глядя в его спину, проскрежетал Герасимов,— что его высочество великий князь Николай Николаевич жаловался вам на государя: «Попал в плен Александры Федоровны, Россия живет без самодержца?»

Столыпин резко остановился, словно бы кто натянул невидимые глаза поводья, обернулся так стремительно, что не удержал равновесия, покачнулся даже.

— От кого к вам это пришло?!

— От камердинера, Петр Аркадьевич... Не великий же князь мне наблюдательные листы пишет,— о себе самом...

— Александр Васильевич,— тихо, с какой-то невыразимой, страдальческой болью сказал Столыпин,—

если я чем и горжусь в жизни, так тем лишь, что меня в газетках называют «русским витезем». А вы слышали, что значит по-мадьярски слово «витезь»? Нет? «Осторожно!» Да, да, увы, это так! «Осторожно!» Пошли к ужину, Ольга Борисовна сулила блины с творцом...

...А Карпович все ж таки нашел в Ревеле связи с максималистами; не зря говорил друзьям: «С таким учителем, как Иван¹, можно свернуть горы, главное — отвага и убежденность в конечном торжестве нашего дела».

Имя Карповича было легендарным для всех, кто считал террор единственным средством борьбы с самодержавием, над социал-демократами смеялись: «Книжные черви, балласт революции, такие никогда не смогут поднять народ на решительный бой с деспотизмом; слово бессильно; только бомба может всколыхнуть массы».

От максималистов он получил явку к боевой группе, готовившей акт независимо от эсеровского ЦК, в глубокой тайне.

Руководитель группы представился «Антоном», смотрел на Карповича влюбленными глазами, сразу же угостил чаем, заваренным в матросской металлической кружке, предложил расположиться в его мансарде:

— Хозяин дома наш друг, хорошо законспирирован, так что здесь вам будет надежно, город полон филеров, право, оставайтесь у меня.

Однако, когда Карпович спросил, что и где планируют провести максималисты, Антон замкнулся:

— Вы должны понять меня... Я видел вас с товарищем Иваном, поэтому принял вас, как брата... Приди кто другой, кого я не знаю, пришлось бы убрать. Акт будет осуществлять другой товарищ, не я, к сожалению. Я не вправе рисковать его жизнью до той минуты, пока он не приведет приговор над тираном в исполнение...

— Словом, не доверяете, товарищ Антон?

— Вы брат мне, товарищ Карпович! Как же я могу вам не доверять? Но если бы я спросил, где ваши друзья, которые ждут на улицах того часа, когда поедет Николай кровавый, чтобы взорвать его, вы бы мне ответили?

— Нет,— согласился Карпович.— Я бы не ответил ни в коем случае. Но мне кажется, что наш опыт несколько больше вашего, товарищ Антон. Я не претендую на то, чтобы влезать в ваше дело. Я думаю, что совместное обсуждение вашего плана, его детальное исследование может помочь вам. Все же, согласитесь, мы обладаем большей информацией, чем вы...

— Ваши товарищи намерены проводить акт в Ревеле? — спросил Антон в упор.

Карпович оглядел его юное лицо, пшеничные усы, добрые, чуть близорукие голубые глаза и, сопротивляясь себе самому, тем не менее ответил:

— Да.

— Где это должно произойти?

— Я не могу ответить на ваш вопрос.

Антон удовлетворенно кивнул:

— Верно. Я не в обиде. Теперь вам будет ясно, отчего и я вынужден молчать.

— Такое недоверие друг к другу может принести нам много бед,— заметил Карпович.— Мы можем пересечься. Тогда провал ждет и вас, и нас.

— Вы же знаете, как много сейчас горюют о провокации в вашем ЦК, товарищ Карпович...

— Вы заметили, я не спросил ваше настоящее имя... Так что и вы переходите-ка на «Вадима», ладно?

— Да, да, конечно,— сразу же согласился Антон,— я должен был в первую же минуту поинтересоваться, как мне следует вас называть, простите.

— Что же касается провокации, о которой распускает слухи охранка, дабы нанести удар престижу партии социалистов-революционеров, то в первую очередь удар направлен против Ивана, вам это прекрасно известно. Нас сие не удивляет, удар против товарища Ивана пытаются нанести уже не первый год. Это понятно, товарищ Антон, враг всегда норовит бить по вершинам. Не верьте бормотанию Бурцева, им играет охранка. Точнее: я хочу думать, что им играют. Если же мы убедимся в осознанной провокации Бурцева, я убью его. Вот так.

— Коли вы скажете, где намерены произвести акт,— задумчиво сказал Антон,— тогда и я отвечу на ваш вопрос.

— Хорошо,— после долгой паузы откликнулся Карпович.— Акт будет поставлен на улицах, во время проезда царского кортежа к порту.

— Они же придут сюда на «Штандарте»,— удивился Антон.— Они и в городе-то вряд ли появятся.

— Они приедут сюда на чугунке,— сказал Карпович.— Вот в чем дело, товарищ Антон.

— Информация надежна?

— Вполне.

— В таком случае я скажу, что мы ставим акт на

¹ Иван — одна из конспиративных кличек Азефа среди террористов.

царском фрегате. Наш человек застрелит царя на борту.

— Я могу с ним увидеться?

— А я смогу увидеться с тем, кто будет казнить императора на револьверских улицах?

— Можете, — ответил Карпович. — Я один из них.

Антон взглянул на собеседника своими ясными, детскими, сияющими глазами, вздохнул:

— Чем будет работать товарищ? Бомба или револьвер?

— Револьвер.

— Это рискованно. Оружие могут выбить из рук, особенно если акт приурочен к обходу строя. Надежнее обмотать себя динамитом, полная гарантия успеха.

— На военном корабле динамит не спрячешь, товарищ Вадим. И шнуры тоже, нереально.

— Револьвер опробован?

— Да.

— Я оставлю вам свой адрес, товарищ Антон. Если человек, взявший на себя счастье покончить с тираном, появится в городе, — найдите меня, хорошо?

— Я сделаю это.

Азеф выслушал Карповича, гуляя по ночному Ревелю; когда тот кончил, сыграл рассеянность; он не должен помнить всего, что ему рассказал адъютант; в случае удачи максималистов он будет в стороне.

— Прости, я задумался о своем, все пропустил мимо ушей... Пусть молодежь делает что хочет, я ставлю на боевую организацию, пойдем встречать наших: я отправил телеграмму, они должны приехать вечерним поездом.

Никто, конечно же, не приехал, поскольку боевики получили сообщение Азефа за десять минут перед отправлением поезда в Ревель и за час перед тем, как из Петербурга вышел царский состав. Поэтому путешествие на «чугунке» прошло спокойно; в Ревель Герасимов привез с собой двести филеров; сто человек обеспечила местная охранка; армия выстроила шпалеры солдат по дорогам следования августейшей семьи; вся ревельская полиция была на улицах, сдерживая спинами жаркую толпу зевак; мальчики и девочки, одетые в белые платья, махали трехцветными флажками; хористы рвали горла, исполняя «властный державный»; когда государь ступил на борт катера, Герасимов облегченно вздохнул: конец — делу венец, на море царя никто не достанет.

С этим он отправился в отель и обвалился в сон, тяжелый и какой-то душный; проснулся в ужасе: увидел государя голым — к болезни; бросился в ванную комнату, пустил воду, смыл дурь с кончиков пальцев; в эту примету верил свято: если после пригрезившегося кошмара смыть кончики лалыцев водой, сон не сделается явью, — сколько раз так бывало и всегда кончалось добром.

Вернувшись в широкую двуспальную кровать, тяжело затыкнул папиросой, подумав: «Был бы Столыпин покрепче, не стал бы я пальцы водою смывать, да здравствует республика и ее создатель Александр Герасимов!»

А между тем директор департамента полиции Максимилиан Иванович Трусевич, поселившийся в «штабной» гостинице вместе с «тихой» — товарищем министра внутренних дел Александром Александровичем Макаровым (старый друг Петра Аркадьевича, — еще с тех пор, как Столыпин был саратовским губернатором, а он, Макаров, председателем судебной палаты, поэтому и таскал за собой повсюду) и с генералом Курловым (змей, грязный человек, навязан в товарищи министра внутренних дел по высочайшему повелению), получив в руки депешу, залитую сургучом, «строго секретно, вручить лично», отправился к себе в номер, сломал сургуч, достал сводку наружного наблюдения, поставленного им за Герасимовым (без занесения в делопроизводство, работали свои самые доверенные люди), и углубился в чтение.

На пяти страницах, написанных уборым почерком от руки (машинке такое не доверишь, у Герасимова всюду свои люди, не исключено, что и в стенографическом бюро департамента кого заагентурил), Трусевич подчеркнул лишь несколько строк: «Сероглазый» (так филеры обозначили Герасимова) в 13.32 зашел в кафе и занял столик в глубине зала. В 13.40 к нему присел «Урод» (так был обозначен Азеф). В течение двадцати пяти минут они, заказав две чашки кофе со сливками, беседовали о чем-то; ввиду указания «не пугать», попыток прослушать беседование не предпринималось.

В 14.05 «Урод» вышел из кафе и, взяв пролетку, отправился в центр города.

В 14.11 «Сероглазый» вышел из кафе и, сев в ожидавший его экипаж, поехал, в военную гавань, где встретился с «Толстым» (такую кличку филеры департамента дали дворцовому коменданту Дедюлину) и «Рыжим» (так был обозначен начальник личной охраны государя генерал Спиридович).

В 14.42 все трое на боте отправились на военный корабль.

В 14.57 «Урод» встретился в ресторане «Золотая корона» с «Черным» (так был обозначен Карпович).

В 15.08 «Черный», расставшись с «Уродом», который

стал обедать, отправился в район Нымме, дом семь, собственность шкипера Густава Юрна, где находился сорок пять минут.

В 15.53 «Черный» вышел из дома и, тщательно проверяя, отправился в центр, в ресторан «Золотая корона», где «Урод», не входивший ни с кем в контакт, заканчивал обед кофеем. «Черный» присел за столик «Урода» и беседовал с ним в течение пятнадцати минут. После этого они расстались, «Урод» отправился на вокзал и, взяв билет на петербургский поезд, зашел к начальнику железнодорожной станции «Ревель». Через окно было видно, что он спросил разрешения позвонить по телефонному аппарату. Такое разрешение ему было дано.

Опросом барышни с телефонной станции вокзала удалось выяснить, что из кабинета начальника действительно звонили в город, назвав номер отеля «Люкс». Точного содержания разговора телефонистка не помнит, но смысл сводился к тому, что «кризис заболевания прошел, ничего опасного для организма более нет, только нельзя допускать максимальной температуры, следует сразу же применять хирургические меры». Это послание просили передать некому «Александру Васильевичу».

Между тем в 15.45 из дома шкипера Юрна вышел неизвестный, примерно двадцати трех лет, высокий блондин с пшеничными усами, нос прямой, глаза голубые, круглой формы, сам очень высокий, примерно двух метров роста, одетый в форму мичмана военного флота, и отправился к военной гавани, где сел на паравел, ожидая кого-то в течение часа, не входя ни с кем в контакт. После этого вернулся домой и более нигде не выходил и никого из неизвестных не принимал, присвоена кличка Усатый».

Трусевич позвонил доверенному сотруднику особого отдела, ведавшему агентурой, и попросил немедленно прийти, захватив привезенные дубликаты фотографий боевиков-максималистов; заговор против себя понял сразу же, прочитав строчку по поводу «макси-

мальной» температуры. Урод своих боевиков, понятно, от дела отвел, служит Герасимову не за страх, а за совесть, но ведь если охрана ведет социалистореволюционеров, то проклятые максималисты на нем висят, на Трусевиче, будь они неладны! Сам Азеф от контактов с ними воздерживался, но чуя сердце, этот Усатый в Ревеле неспроста, и то, что Азеф сам с ним не встретился, а послал к нему своего «Черного», весьма симптоматично.

Разложив на столе пятнадцать фотографических портретов, Трусевич пригласил Василия Саввича Опарышкина, который возглавлял филерскую «летучую группу» (на пенсии уже, приглашен на штучную работу, с правом набрать себе семь филеров с поденной оплатой), подчиненную одному ему, директору департамента, Максимилиан Иванович попросил глянуть, нет ли среди предложенных к опознанию Черного или Усатого.

Опарышкин лишь только глянул на стол, где были разложены фотографии, так сразу и ткнул пальцем в ту, что лежала с самого края, возле перламутрового, переливчатого телефонного аппарата:

— Это Усатый, ваше превосходительство.

Трусевич перевернул фотографию; каллиграфическими буквами было выведено: «Иван Савельевич Грачев, 1886 года рождения, дворянин, быв. студент физико-математического факультета СПб Университета, стажировался у профессора Баха, член ЦК соцрев.; после казни Зильберберга, Никитенко, Сулятицкого и Стуре руководит боевым отрядом максималистов; состоит в розыскных листах ДП».

Трусевич сердечно, но при этом в обычной своей суховатой манере поблагодарил Опарышкина и, протянув старику четвертной билет, заметил:

— Пригласи своих сотрудников в трактир и хорошенько угости, но более двух четвертей не пить, завтра будет хлопотная работа. Если информация о сегодняшнем дне уйдет на сторону, — сгною всех вас в каземате. За Усатым сейчас кто смотрит?

— Нушкин и Гандыба.

— Хохол?

— Да.

— Зачем хохла взял в дело? Что, русских мало?

— Он наш хохол, ваше превосходительство, проверенный, да и его дед по матери великоросс...

— Смотри, под твою ответственность... А Черного кто водит?

— Пашков и Каныгин.

— Когда увидишь, что сотрудники и офицеры департамента окружили дом Усатого, своих сними. Чтоб все тихо было и культурно. Ясно?

— Ясно, ваше превосходительство.

— Черного продолжайте пасти сами, его никому не отдавать.

— Юркий больно, двое могут не уследить, профессионал высокого класса.

— За то и деньги плачу, чтоб профессионала пасли. Придурки меня не интересуют.

Антон взяли ночью вместе со шкипером Юрном; оставили в доме засаду; на допросах, которые продолжались всю ночь, ни тот, ни другой не произнесли ни слова; а ведь завтра приходит фрегат «Виктория и Альберт» с королем Англии на борту, спаси господи, сохрани и помилуй.

Трусевич даже подумал, не пригласить ли ему Герасимова для откровенного разговора; этот никому не желает подчиняться, только со Столыпиным имеет дело, информацией владеет уникальной, еще бы, член ЦК Азеф, лидер всех боевиков, стоит с ним на связи, ему, понятно, можно спать спокойно, супостату.

Так, мол, и так, сказать ему, давайте объединимся на время визита, забудем споры, речь идет о жизнях августейших особ, пусть все личное отойдет на второй план, сочтемся славою в конце-то концов; нет, после тяжелого раздумья возразил себе Трусевич; такого рода беседа не для полковника, только посмеется, поняв мой страх.

Лишь под утро нашел выход из положения; разбудил столыпинского дружка, товарища министра Макарова, и сказал:

— Департаменту удалось захватить боевика-максималиста, Александр Александрович... Это очень тревожно. На допросе субъект молчит... Но поскольку гроза бомбистов Александр Васильевич Герасимов привез с собою коронную агентуру, просил бы вас подписать приказ — вот он, извольте ознакомиться, — что именно на него, учитывая его богатейший опыт, с сего часа возлагается наблюдение за всеми преступными элементами в Ревеле, а не только за эсерами. Думаю, если он возьмет в свои руки наблюдение и за максималистами и за анархистами, — мы можем быть спокойны за исход августейшей встречи.

Прочитав приказ, присланный с нарочным в пять часов утра, Герасимов снова вернулся в постель и, выкуриив папиросу, длинно сплунул на пушистый ковер хорезмской работы.

Как уж и выскользнул, подумал он о Трусевиче и Макарове; а ведь я один; Азеф-то уехал — никаких претензий, он свое дело сделал, эсеровские боевики остались в столице, Карпович не в счет, он получил инструкцию самому ничего не предпринимать, ждть команды. А максималисты здесь, готовят акт на воде. Господи, господа, вот ужас-то!

Герасимов выкурил еще одну папиросу, потом поднялся, сбросил халат, принял холодный душ и отправился в триста седьмой номер, где разместился его штаб, работавший круглосуточно.

Дежурил полковник Глазов, по счастью.

— Глеб Витальевич, — голос Герасимова был сух и требователен, — немедленно свяжитесь с командованием флота и передайте указание: перед торжественным построением экипажей обыскивать каждого, включая офицеров, на предмет обнаружения оружия.

Глазов склонил голову, поинтересовался:

— Это чье указание?

Ох, умница, ликующе, с каким-то разряжающим напряг облегчением, подумал Герасимов.

— Не почтите за труд позвонить Максимилиану Ивановичу Трусевичу и предупредите его, что проект приказа уже отправлен ему с нарочным.

...Трусевич, выслушав Глазова, спросил:

— А где Герасимов?

— Александр Васильевич выехал в город.

— Вот тогда вы его дождитесь и скажите, что я такой приказ не подпишу. Ему поручено дело, ему и подписывать все указы.

— Ваше превосходительство, — ответил Глазов, — господин Герасимов объяснил мне, отчего он обременяет вас этой просьбой: его указание — полковника по чину — не может быть отправлено адмиралу. Тот не станет брать во внимание предписание полковника...

Герасимов, напряженно слушая разговор, не сдержал затаенной улыбки; сердце в груди ухало, кончики пальцев покалывало иголочками, ныло сердце.

— Что ж, передайте Александру Васильевичу, когда он вернется, чтобы снесся со мною. Пусть он мне этот приказ направит с развернутым объяснением, а то как-то неловко получается: ему оказана честь,

доверен самый боевой участок работы, а я за него, видите ли, подписываю приказы, несолидно...

Герасимов поглядел на часы: семь минут шестого. В десять должен прибыть английский король. В восемь все чины полиции и охраны будут в гавани: цейтнот.

— Вы прекрасно с ним говорили, Глеб Витальевич, — сказал Герасимов. — Если все кончится благополучно и коли охране выделят несколько «Владимиров» или «Анн», вы будете первым в числе награжденных.

— Сердечно благодарю, Александр Васильевич... Мне очень приятно работать под вашим руководством.

— Спасибо. Итак, за работу... Я продиктую приказ...

...Через семь минут два конверта с приказами: один — товарищу министра внутренних дел Макарову, а второй — Трусевичу — были отправлены адресатам с нарочным.

После этого Герасимов позвонил товарищу министра Макарову и, сдержанно извинившись за ранний звонок, сказал:

— Александр Александрович, сейчас вы получите приказ, который я не имею права подписывать, — только генеральский чин. Ознакомившись, вы поймете, отчего в этом возникла необходимость. В случае, если Максимилиан Иванович откажется поставить свое факсимиле, я сейчас же пишу рапорт об отставке: без такого рода приказа я не могу гарантировать благополучный исход известной вам встречи. Приказ должен уйти в штаб флота незамедлительно.

— А что, собственно, случилось? — спросил Макаров, с трудом сдерживая зевоту.

— Случилось то, — ответил Герасимов, — что бомбисты, которыми занимался Максимилиан Иванович, могут учинить ужас не на суше, а именно на кораблях. Если обыски всех членов экипажей — перед построением, никак не раньше — не будут проведены, я умываю руки. И шифрограмму такого рода передам Петру Аркадьевичу немедленно.

— Хорошо, я снесусь с Петром Аркадьевичем, обсудим все толком.

— У нас нет времени на обсуждение, поймите! Через полтора часа нам всем нужно быть в гавани! Позвольте мне потревожить вас повторным звонком, и если приказ не будет отправлен во флот, я немедленно пишу рапорт об отставке.

— Но вы понимаете, что такой приказ может вызвать трения с флотом? Здесь собраны гвардейские экипажи, командиры знакомы с известным вам лицом, все они отвечают за матросов и офицеров, возможен скандал, Александр Васильевич.

— Слава богу, подумал Герасимов, этот хоть называется вещью своими именами... Пусть думает. Я свое сказал.

Через пятнадцать минут отзвонил Трусевич.

— Как славно, что вы уже вернулись, милый Александр Васильевич, — сказал он своим вибрирующим, актерским голосом; говорил сейчас так, будто бы самому себе сопротивлялся, слова выдавливал, балансируя каждое со стороны, как бомбу какую. — Мы тут с Александром Александровичем посоветовались по поводу вашего документа... Разумно, в высшей степени разумно... и порешили так: вы приказ подписываете, а Александр Александрович, как товарищ министра, присовокупит личное письмо адмиралу. По-моему, это прекрасный выход из того положения, которое рождено нашим неповоротливым протоколом...

— Неповоротливый протокол утвержден его величеством, — отрезал Герасимов. — Я его нарушать не намерен.

Когда корабль «Альберт и Виктория» входил в гавань, все с ужасом заметили, как на передний мачте лихорадочно быстро засигналили флажками.

Трусевич, наблюдавший за церемонией прибытия из штабного помещения в гавани, ощутил пустоту в поддыхе и стремглав бросился к телефонному аппарату, чтобы срочно продиктовать свой приказ о необходимости обыска всего флотского экипажа; неважно, что опоздал, важно, что останется документ; Герасимов в штаб не пришел, однако наблюдал в бинокль за всем, что там происходило; поведение Трусевича раскусил сразу же; посмотрел на часы, позвонил телефонной барышне, с которой познакомился загодя, и попросил отметить время, когда во флот был отправлен — открытым текстом, всем на позор — приказ за подписью директора департамента полиции.

Только после этого перевел окуляры на англичанина.

Глазов, сопровождавший его, мягко улыбнулся:

— Все в порядке, Александр Васильевич, это не тревога, отнюдь; британцы сигналият срочно прислать на борт портного, чтобы подогнать английский король русский мундир полковника киевского драгунского полка; в Лондоне, видать, не примерил; тесен, боится выглядеть смешным...

Покушение на фрегате не состоялось из-за того, что высшие офицеры лично обыскивали перед построением матросов и мичманов даже; Трусевич вернулся в Петербург и, получив внеочередную награду (кани-

тель со сбором подписей прошла до странного быстро), позвонил бывшему директору департамента полиции Алексею Александровичу Лопухину и договорился о встрече: «если согласитесь пообедать со мною, буду сердечно рад».

Поскольку оба служили в девятисотом году прокурорами Петербургского суда и знакомы были с тех еще лет, Лопухин на встречу согласился, хотя не без колебаний, ибо Трепов, обвинив его в пособничестве убийству великого князя Сергея в Москве, понудил подать в отставку, грозя — если добром не согласится — позорным увольнением. И это несмотря на то, что Алексей Александрович слыл дворянином одного из самых древних русских родов (Евдокия Лопухина была царицей всея Руси, несчастной женою Петра); потом только, начав в девятьсот шестом работать одним из председателей крупного Соединенного банка, понял, что Трепов торопился его убрать из департамента, опасаясь прихода Столыпина, с которым Лопухина связывали отношения тесного дружества еще с детских лет; вперед смотрел несостоявшийся диктатор, себе берег место премьера, хотел свою команду собрать, да переторопился, сердце надорвал, туда ему и дорога, не интригу!

В отличие от всех своих предшественников Лопухин был уволен без сохранения оклада содержания и перевода в сенаторы — форма гражданской казни, после такого не поднимаются, повалили навзничь.

...Во время обеда много говорили о прошлом, вспоминали то блаженное время, когда трудились по судному ведомству; понимающе, с грустью сетовали на бюрократию, которая мешает проводить в жизнь нововведения, дивились переменчивости настроений в Царском Селе, а затем уже, расположив Лопухина, умалив его, Трусевич спросил о том, во имя чего рискнул встретиться со своим опальным предшественником:

— Алексей Александрович, давно хотел поинтересоваться: вы к работе Азефа как относитесь? Считаете его сотрудником или же провокатором?

— Чистейшей воды провокатор, — ответил Лопухин. — И наглец, доложу я вам, первостатейный наглец!

— Кто его привлек?

— Рачковский. Кто же еще гниль будет собирать?! Ах, не хочу даже об этой мрази вспоминать... Бррр, затхлым несет, «Бесами»...

— Но вы согласны с тем, что такие, как Азеф, не столько борются с революцией, сколько ее провоцируют?

— Совершенно согласен, Максимилиан Иванович! — Вы по-прежнему считаете его работу опасной для империи?

— В высшей степени, — убежденно ответил Лопухин. — Если положить на две чаши, что он — в мою бытность — делал для охраны порядка и какую прибыль извлекли для себя эсеры, то стрелки весов покажут выигрыш для бомбистов, а не для власти...

Больше Трусевичу ничего и не нужно было. Поняв то, что требовалось понять, он задумался над следующим этапом плана: как свести Лопухина с разоблачителем шпионов, редактором журнала «Былое» Владимиром Львовичем Бурцевым; тот от герасимовского террора уехал в Париж; что ж, надобно помочь Лопухину отправиться за границу; дело техники, поможем.

Пусть бывший директор полиции и парижский борец с провокацией побеседуют с глазу на глаз. Лопухин молчать не станет; отмыкайтесь, полковник Герасимов, пишите объяснения о том, что помогли двойнику, посмотрим, с чем вы останетесь; всю агентуру себе заберу, все будет как раньше, ишь, кого захотел обыграть!

Очередное представление Герасимова на генерала, подписанное во всех семи инстанциях, Трусевичем было задержано: «по техническим причинам, надобно подправить мелочи»; всех, кто обеспечивал визит

английского короля, отметили наградами, кроме Герасимова. Ведь не дело важно, а времечко; пропустил — не догонишь; будьте здоровы, Александр Васильевич!

ВОТ ПОЧЕМУ РЕВОЛЮЦИЯ НЕМИНУЕМА! (V)

Во время прогулки бывший ротмистр Зворыкин — анархист, примкнул к рабочим, был арестован за это, ожидал военно-полевого суда (скорее всего дадут расстрел) — заметил:

— Товарищ Дзержинский, чем дольше я тебя слушаю, тем больше убеждаюсь в своей правоте: если уж и воевать против самодержавной тирании, то лишь вместе с анархистами... На худой конец с эсерами-максималистами, — бомбой. Твоя вера в идею Маркса, в победу разума... Нет, ты идеалист, товарищ Дзержинский, а не бунтарь... Тебе в Ватикане служить, проповеди читать, вносить в паству успокоенную веру в доброе будущее... Одна разница: ты это сулишь человеком на земле, попы — в небе.

Дзержинский усмехнулся:

— Меня обвиняли во многих грехах, но вот в принадлежности к епископату — ни разу. Объяснись, товарищ Зворыкин. Я принимаю все, кроме немотивированных обвинений.

— А разве принадлежность к Ватикану — преступление? — Тот пожал плечами. — Я ж тебя не к охотнорядцам причислил... К священнослужителям я отношусь совсем неплохо...

— Даже к тем, которые передают тайну исповеди жандармским чинам?

— Нет, это, понятно, подло... Но скажи мне, что подлее: принять сан и верно служить той силе, которая тебе дарована саном, или же вроде французского премьера Клемансо начать с революционной борьбы, а кончить расстрелом революционеров?

Дзержинский даже споткнулся; потом рассмеялся:

— Слушай, а ты не колдун?

Охранник, стоявший на вышке, крикнул:

— Пре-е-екратите разговорчики!

Ротмистр Зворыкин недоуменно посмотрел на Дзержинского, обычно столь сдержанного (волнение во время споров можно было угадать лишь по лихорадочному румянцу на скулах), тихо поинтересовался:

— Что с тобой?

Дзержинский покачал головой:

— Я тут набрасывал кое-какие мысли о Клемансо, если выйду отсюда живым — пригодится для... проповедей... Твои слова — чистая калька с того, что я сейчас пишу... Много лет интересуюсь Клемансо?

Зворыкин пожал плечами.

— Когда мне было этим заниматься? В армии? Там преферансовой пухлякой интересуются... И тем еще, кто чью супругу склонил к измене... Все проще... Я им заинтересовался здесь, в остроге, когда прочитал, как он стал секундантом у своего заместителя Сарро... Поди ж ты, министр внутренних дел, а не побоялся скандала, когда задел честь единомышленника...

«Как поразительна пересеканность людских мыслей, — подумал Дзержинский, — сколько миллионов людей прочитали это сообщение; каждый пришел к своему выводу, а вот два узника Варшавской цитадели, не знавшие ранее друг друга, вывели единое мнение, являясь при этом идейными противниками, находящимися, впрочем — в данный исторический отрезок, — по одну сторону баррикады».

Вернувшись в камеру, Дзержинский пролистал свой реферат, нашел нужную страницу (писал крошечными буквами, экономил место, выносить листочки из тюрьмы — дело подкуное), пробежал фразу, соотносил ее со словами Зворыкина и еще раз подивился тому, сколь случайно наша планета и люди, ее населяющие...

Впервые Дзержинский начал по-настоящему присматриваться к Клемансо, когда тот санкционировал подписание займа царской России; на следующий день после столь открытого предательства французским радикалом русской революции Ленин отметил, что самодержавие получило два миллиарда франков «на расстрелы, военно-полевые суды и карательные экспедиции».

Вплотную Дзержинский начал изучать политический путь Клемансо, когда в Петербурге пронесли слухи о том, что в правительство «доверия» может войти не только Гучков, но и Милюков, старавшийся избраться из себя умеренного оппозиционера Столыпину (не Царскому Селу!). Высказывались также пожелания, чтобы выдающиеся мыслители типа Плеханова не отвергали предложений о вхождении в кабинет, если такое — паче чаяния, понятно, — удастся вырвать у сфер.

Именно тогда Дзержинский еще раз подивился скальпельной точности ленинской мысли, который постоянно упреждал об опасности блока с кадетами; «элегантная» контрреволюция страшнее явной, охотнорядческой...

Действительно, думал он, как мог республиканец Клемансо, мэр революционного Монмартра в дни Парижской коммуны, став спустя двадцать пять лет министром, отдавать приказы на расстрелы рабочих? Как он мог поддерживать Николая кровавого, дав ему заем?! Что двигало им?

Продолжение следует.

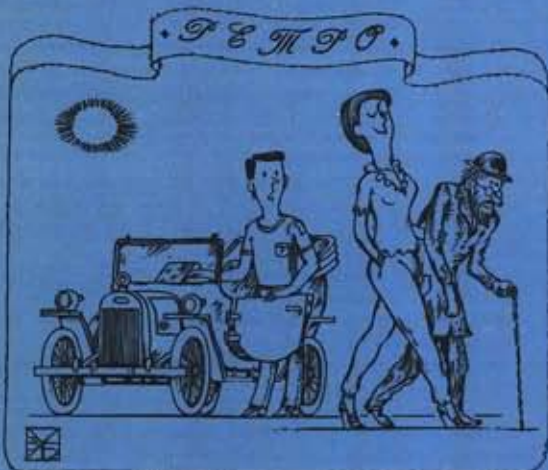

Рисунок Владимира Уборевича-Боровского, Москва

Рисунки Игоря Новикова, Москва

Рисунок Валентина Дружинина, Запорожье

Это действительно похоже на эпидемию.

Разница та, что нам неизвестны конкретный ее источник, место зарождения, причины возникновения, а также полная география распространения. Не удастся также предугадать начало и продолжительность новой вспышки.

Эпидемия глупости?

Извините за резкость, но, право же, надорло отвечать на странные звонки и письма.

Время от времени — уже лет двадцать — начинают нам звонить и писать по поводу некоей «игры». Последний звонок был из Свердловска. Юный девичий голосок поинтересовался:

— В каком номере «Смены» были опубликованы условия игры?

В тот же день почта принесла три новых письма с аналогичным вопросом — из города Щучинска Кокчетавской области, поселка Сузун Новосибирской и поселка Бараты Селенгинского района Бурятии.

— Началось, — удрученно вздохнули мы, — география эпидемии расширяется...

Несколько читателей прислали нам полученные известия от кого условия «игры». «Уважаемый товарищ! (Так вежливо начинаются «условия».) Вам предлагается игра, которая была опубликована в журнале «Смена»...

Смысл «игры» объясняется так: вы отправляете по конкретному адресу 10 рублей, а через месяц получите от других участников «игры» 2560.

Конечно же, «Смена» никогда не публиковала — и не могла публиковать! — «условий» явного и примитивного мошенничества!

Самое поразительное, что на эту грубую наживку клюют многие! «Обращаемся к вам с вопросом, который волнует несколько тысяч людей, живущих в нашем городе», — говорится в письме из Щучинска. Что же взволновало авторов письма? Скорейшая поимка аферистов? Как бы не так! Взволновали их препятствия, которые вдруг стали чинить игрокам работники правоохранительных органов. «Игра эта захватила буквально всех... а тут, когда в игру включилось столько народу, заработала «машина правосудия», появились две статьи в местной газете, одна другая страшнее...».

32 Страху на игроков нагнали заведую-

щий юридической консультацией и старший помощник прокурора города, которые дважды выступили в городской газете с разъяснениями по поводу игры-аферы. Думаю, им, как и мне сейчас, неловко было напоминать взрослым людям об элементарном здравом смысле. Даже не зная ни одного из четырех действий арифметики, можно было бы усомниться: с какой это стати две с половиной сотни человек ринутся на почту отправлять мне червонец? А они свой «выигрыш» с кого получают? Говорят, очень трудно объяснить, что ты не верблюд. Данная ситуация столь же труднообъяснима. Не-

правонарушения, могут быть подвергнуты штрафу за участие в азартной игре на деньги. В ответ взрыв возмущения: мол, игра добровольная; вон в лотерею выигрывают и машины, и тысячи рублей, и никто не обвиняет счастливых в нарушении закона. Примитивная логика этого сравнения не поднимается до самого простого: в государственной лотерее, «Спортлото» или «Спортпрогнозе» участники не обманывают друг друга, а проигранные нами деньги идут в народный доход — не в карманы проходивцев... Эпидемия глупости, полагаем, процветает на почве обычной обывательской жадности. Стоит ли го-

предостеречь: все страждущие выиграть рискуют оказаться либо в роли соучастников мошенничества, либо в роли обманутых глупцов. Так что решайте сами, что лучше.

Е. Овчинников сообщает «Смене», что «прокуратурой проводится проверка по факту организации в районе так называемой «игры», являющейся способом извлечения нетрудовых доходов». Свое письмо прокурор заканчивает удручающей информацией: «Поставляю необходимым поставить вас в известность, что среди бойких «игроков», прикрывавшихся авторитетом журнала «Смена», оказались работники Сузун-

ЭПИДЕМИЯ

уже ли анонимное обещание двух тысяч начисто отбивает даже зачатки здравомыслия?

Эпидемия постигла Щучинск весной этого года. К лету она достигла своего апогея, если можно так сказать об эпидемии. Письмо в «Смену» подписано: «Коллектив гормолзавода». Мы и сейчас лучшего мнения о коллективе этого предприятия: видимо, под псевдонимом «коллектив» скрывается один из недовольных прокуратурой. Но то, что «в последнее время стало массовым увлечение игрой с пересылкой по почте десяти рублей», — факт: эту цитату мы взяли из заметки юриста в городской газете.

Юрист разъясняет: товарищи дорогие, вы имеете дело с мошенничеством, которое позволяет обирать абсолютное большинство участников «игры». Конечно, деньги кто-то получает, но лишь за счет одуроченных «рядовых» участников. Не помогает...

Дошло до того, что почтовые отделения Щучинска прекратили прием и выплату десятирублевых переводов. Впрочем, боюсь, что и это не подействует: мошенники поднимают ставки до ... рублей — только и всего.

Юристы объяснили через газету, что игроки, согласно статье 182 Кодекса Казахской ССР об административных

ворить человеку о чести, порядочности, если призрачная надежда урвать куш — хотя бы и обобрав своих сограждан — затмила разум и совесть?

Симптомы эпидемии и методы борьбы с ней везде одинаковы. Вот о чем спрашивают «заболевшие» из Бурятии.

«К нам в поселок Бараты, — пишут они, — пришла игра из Кемеровской области со ссылкой на ваш журнал, номер не указан. Мы продолжили игру, в которую включилось большинство жителей района. Однако через некоторое время узел связи наложил запрет на прием и оплату переводов. Переводы, которые шли со всех сторон, не выдаются по назначению, а пересылаются в районный узел связи. Правильно ли это? Не знаем, правы ли мы, принимая участие в этой игре?»

Под коллективным письмом из Бурятии 19 подписей, однако весьма неразборчивых. Неразборчивость почерка как раз и вселяет в нас надежду, что здравый смысл все-таки не окончательно покинул авторов: наверное, они постеснялись указать свои фамилии, чувствуя, что втягиваются в какую-то некрасивую историю...

Прокурор Сузунского района Новосибирской области Е. Овчинников тоже вынужден был выступить с заметкой «Игра в обман» в районной газете. Он

ского РК ВЛКСМ. Этот случай, кстати, свидетельствует: возможность выявления азартных «игроков» имеется. (Присим учесть это обстоятельство и Надю К. из узбекского города Талимарджана, которая предложила сотрудникам «Смены» также включиться в игру. Она, правда, еще ничего не выигрывала, но сама игра ей уже чем-то «пондравилась»). Товарищи, не загружайте прокуратуру лишней работой! Играйте лучше в «Спортлото» и денежно-вещевую лотерею! Там выигрыш более вероятен...

P. S. Мы проконсультировались в Министерстве связи — конечно же, почтовые отделения не имеют права отказывать в приеме и выплате переводов. Но получили и другую информацию: обеспокоенное размахом «игры», которая действительно нарушает нормальный ритм работы почты, министерство еще в 1983 году обратилось в Прокуратуру СССР с просьбой провести соответствующее расследование и пресечь махинации аферистов. Однако все эти меры будут малоэффективны, если мы сами не перестанем помогать мошенникам.

Владимир АНИСИМОВ

Под редакцией гроссмейстера Виктора ЧЕПИЖНОГО

ПАРАД МИНИАТЮР

В преддверии очередной шахматной олимпиады «Смены» мы познакомим наших читателей с некоторыми творческими достижениями советских авторов в жанре миниатюры.

Л. Файвужинский

1938

Мат в 2 хода

1. Фg3! — цугцванг. 1... Крс4 2. Фb3x, 1... с4 2. Ф:e5x, 1... Кре4 2. Фf3x, 1... e4 2. Фg8x.

Превосходная двухходовка с большим содержанием рекордного характера: четыре различных мата в ответ на ходы черного короля на два свободных поля и на блокирование этих же полей черными пешками!

В. Исарьянов

1958

Мат в 3 хода

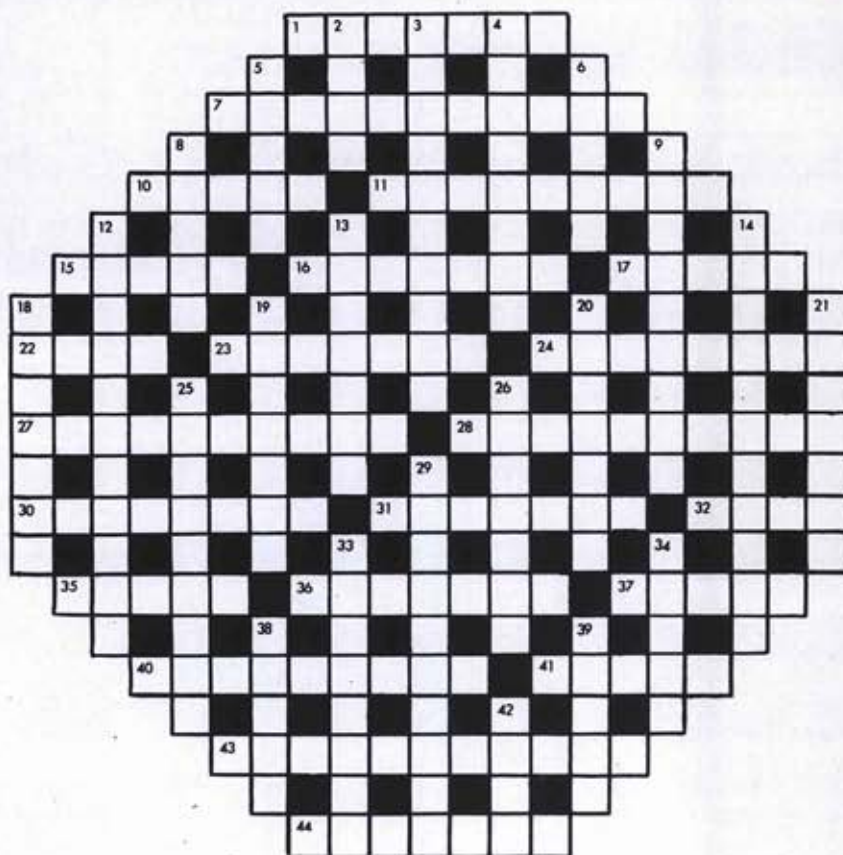
1. Фf4! с угрозой 2. Ле1+ Лg1 3. Фf3x, 1... К:e4 2. Ф:e4 Кrg1 3. Фе1x, 1... Лg3 2. Ле1+ Кrg2 3. Фf1x, 1... Лg1 2. Фf3+ Лg2 3. Ле1x, 1... Лf2 2. Ф:f2 К:e4 3. Фf1x.

Хороший пример четкого взаимодействия ферзя и ладьи белых. Все пять вариантов заканчиваются правильными матами. Обратите внимание на характерный для задач с правильными матами прием «вычищения» позиции путем уничтожения лишней, не участвующей в создании мата белой фигуры.

Участникам нашей будущей шахматной олимпиады рекомендуем обратить внимание на запись решения задач.

КРОССВОРД

Составил М. Нежданов, Москва

По горизонтали:

1. Войсковое соединение. 7. Одна из двух яхт — участниц первой трансатлантической гонки из Европы в Америку в 1870 году. 10. Город, в окрестностях которого И. Тургенев встречался со своими героями. 11. Телевизионная передающая трубка. 15. Музыкальный инструмент, который отец И. С. Баха любил больше других и с которым никогда не расставался. 16. Народ, названный в стихотворении А. Пушкина «Памятник». 17. Благоустроенная дорога. 22. Газ в атмосфере, защищающий нас от губительного воздействия солнечной радиации. 23. Известный мореход из «Тысячи и одной ночи». 24. Практически слепой и к тому же косопалый пушной зверь. 27. Гроссмейстер — лучший шахматист среди журналистов и лучший журналист среди шахматистов. 28. Итальянский художник XVII века, с картины которого «Эней, спасающий своего отца Анхиза из горящей Трои» русский гравер Н. Уткин в Париже сделал гравюру, высоко оцененную Наполеоном. 30. Профессия людей, плававших в 1842 году на 824 судах. 31. Часть слова. 32. Ни рыба ни ... (посредственный человек). 35. Всадник. 36. «...Наполеона за Неман» — одна из медалей самого известного русского художника-медаляера Ф. Толстого. 37. Птица, по крикам которой моряки во времена парусников судили о погоде. 40. Датский философ, значительно повлиявший на скандинавскую литературу. 41. Символ надежды, постоянства, спокойствия в европейском и русском медальерном искусстве. 43. Врач, который не может обходиться на работе без свинца. 44. Регистр певческого голоса.

По вертикали:

2. Осадки, которыми в славянском фольклоре герои поят сказочных коней. 3. Навигационный прибор, включаемый заблаговременно, до выхода в море, чтобы он успел, как говорят моряки, «прийти в меридиан». 4. Производство И. Богдановича, к названию которого в одной из книг неизвестный читатель того времени приписал слова: «Разлапушка, светик, дорогая моя». 5. Пряность из лимонной или апельсиновой корки. 6. Произведение Гете, вторая часть которого впервые появилась в 41-м томе собрания его сочинений. 8. Явление, в основе которого, по мнению академика В. Энгельгардта, «лежит сочетание трех потоков: потока вещества, потока энергии и потока информации». 9. Морская кубышка, на которой может поселиться актиния. 12. Бумаготворчество. 13. Русский философ, один из прототипов Чацкого в «Горе от ума» А. Грибоедова. 14. Опера Н. Римского-Корсакова, при оформлении которой завоевал широкую известность художник А. Головин. 18. Раздел теории литературы. 19. Прибор, позволяющий узнать, крепки ли мускулы. 20. Бытовой прибор. 21. Земледелец. 25. Часть лица. 26. Испанский город, где в X веке было 70 библиотек. 29. «Платон мне друг, но истина дороже!» (17-летний автор слов о 60-летнем учителе). 33. Степень родства. 34. Орган дыхания рыб. 38. Советский актер-романтик. 39. Овощ, из семян которого делают настойку, улучшающую аппетит. 42. Герой, изображенный в опере Ж. Бизе иным, нежели в новелле П. Мериме.

Ответы на кроссворд, опубликованный в № 21

По горизонтали:

5. ...Пуаро. 6. Невод. 9. Чеканщик. 11. Скалозуб. 14. Марсель. 15. Фронт. 16. Эквадор. 19. Дождь. 20. Пасодобль. 21. Цикля. 24. Резерват. 25. Уборка. 27. Арахна. 28. Мортимер. 33. Либра. 34. Самородок. 35. Опера. 38. Бандура. 39. Удины. 40. Ревизия. 43. Штукатур. 44. Кориолис. 45. Осина. 46. Харза.

По вертикали:

1. Журавль. 2. Праща. 3. Метан. 4. Городки. 7. Мессидор. 8. Куманика. 10. Карбонад. 11. Сеньор. 12. Тагор. 13. Вобла. 17. Патронташ. 18. Альбатрос. 22. Избач. 23. Дрема. 26. ...золотник... 27. Афродита. 29. Рептилия. 30. Ливан. 31. Кондор. 32. Юркин. 36. Фрикасе. 37. Героизм. 41. Стынь. 42. Ермак.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 22 (1452)

ноябрь 1987

Москва, издательство «Правда»

Главный редактор **Альберт ЛИХАНОВ**

Редколлегия:
Валерий ВИНОКУРОВ
Борис ДАНЮШЕВСКИЙ
(ответственный секретарь)
Владимир ДЕСЯТЕРИК
Михаил КИЗИЛОВ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Юрий РАГОЗИН
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Олег ШЕСТИНСКИЙ

Главный художник **Виталий ФЕДОРОВ**

Художник **Владимир ЗАЙЦЕВ**
Технический редактор **Александра ГУСЕВА**

101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
250-29-39 — коммунистического воспитания,
251-32-84 — фотоочерка,
212-21-38 — военно-спортивный,
212-13-19 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописные страницы) редакцией не рассматриваются.

© Издательство «Правда», «Смена», 1987 г.

Сдано в набор 05.10.87. Подписано к печати 19.10.87. А 05142. Формат 70x108½. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21,7. Тираж 1 300 000 экз. Изд. № 2995. Заказ № 1379. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Когда в концертной программе концертансье объявляет: «Поет Владимир Пресняков!» — нередко в зале можно услышать: «Это тот самый?»

Да-да, именно тот, который сегодня, пожалуй, самый молодой вокалист советской эстрады — в марте ему исполнилось девятнадцать. Тот, что поражает неожиданной и непривычной манерой исполнения, — многие песни своего репертуара он поет фальцетом, придавая звучанию своеобразную тембровую окраску.

Тот самый Пресняков, который стал известен после участия в советско-шведском телевизионном музыкальном шоу «Лестница Якова».

— Многих удивляет, что я пою фальцетом, — говорит Владимир — советую петь нормальным голосом... Но ведь фальцетом может не каждый! А то, что я могу и «нормальным», вы наверняка помните по песне «Чарли», прозвучавшей в ночной новогодней программе Центрального телевидения.

Поклонникам джаза, вероятно, хорошо знакомо имя композитора Владимира Преснякова. Это отец Володи. А мама — солистка популярного вокально-инструментального ансамбля «Самоцветы» Елена Кобзева.

— Мне нравится самые разнообразные музыкальные направления: и хард, и хэви-метал, и брейк, и новая волна, и диско. Я неравноду-

шен к джазу, к классической музыке и эстраднему ретро... Поэтому в своем творчестве стараюсь синтезировать все эти ритмы и мелодии, экспериментировать с ними. И даже когда пою песню, использую, скажем, не весь танец брейк, а наиболее подходящие в данном контексте элементы, отдельные па, работающие на создание оригинального песенного образа.

Не знаю, возможно, это связано с юношеским максимализмом, но многие мои сверстники слишком уж однобоко увлекаются музыкой хэви-метал или, скажем, брейк-дансом и делают вид, что не признают ничего другого. Но тем не менее увлече-

ние молодых различными музыкальными стилями все-таки небесполезно — мы развиваемся, учимся анализировать, сопоставлять одну композицию с другой. Знаю немало молодых людей, которые под воздействием симфорорака увлеклись симфонической музыкой композиторов-классиков прошлых столетий.

К сожалению, встречаются и уродливые формы фанатства, когда «металлисты» с ног до головы заковываются в железо, подражая своим сценическим кумирам. С одной стороны, желание быть на них похожими. А с другой — «фаны» не задумываются над тем, что для музыкантов это всего лишь сценический

образ, что в быту они выглядят и одеваются иначе, по другой моде, которую диктует уже не музыкальный стиль, а чувство разума.

Начатое в раннем детстве музыкальное образование Володя продолжил в музыкально-хоровом училище имени Свешникова. А в 1982 году состоялся дебют Преснякова-младшего на профессиональной сцене. Как солист рок-группы «Круиз» он исполнил три песни: «Красная книга», «Кошка» и «Старая сказка». По ним уже можно было сориентироваться в смысловой направленности его творчества.

— Я стараюсь подбирать в свой репертуар песни-символы, образно раскрывающие те проблемы, которые волнуют меня и моих ровесников, говорить с ними о том, что нас радует или огорчает. Поэтому что-то пишу сам, стремясь запечатлеть свое душевное состояние, как, например, в песне «Белый снег», когда «птицы печали» и ослепительная чистота белого снега ошеломили горечью расставания с чувством первой любви и подаренного ею настоящего счастья.

Сегодня Владимир Пресняков продолжает работу над сольным диском, записывается на Центральном телевидении и Всесоюзном радио и, конечно же, много гастролирует по стране.

Татьяна СЕКРИДОВА

фото Дмитрия Воздвиженского и Нины Свиридовой

Цена номера 35 коп.

Индекс 70820

ВЛАДИМИР ПРЕСНЯКОВ

